

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 7. № 5/2021

DISCOURSE
Volume 7. No. 5/2021

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2021

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;

- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Малинкин А. Н. Концепция «пророческого» социализма Макса Шелера	5
Макс Шелер. Пророческий либо марксистский социализм? (пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина)	25
Тузов В. В., Мазина Р. Р. Проблема устойчивости социальной системы в древнеиндийской философии	45
Nesteruk A. V., Soldatov A. V. The Philosophical Aspects of the Dialogue between Modern Cosmology and Theology	55

СОЦИОЛОГИЯ

Помозова Н. Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии	71
Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Манаева И. В. Региональная специфика личности взяточдателя: опыт социологического анализа	86
Егоров В. А., Милецкий В. П. Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе	98
Казанцев К. Ю., Черных С. И. Корпоративное обучение в России: детерминация изменений	112

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Маклакова Н. В., Шамина Е. А. Нешуточные игры	126
Матвеева В. Н., Степанова Н. В. Прагматилистический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков)	143
Татаринцев Н. С. Виды и функции повторов в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта	162
Степаненко И. С., Ульяницкая Л. А., Шульженко Т. В. К вопросу о нулевом подлежащем в английском языке	174
Правила представления рукописей авторами	195

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Malinkin A. N. The Concept of "Prophetic" Socialism by Max Scheler	5
Max Scheler. Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? (transl. and comments by A. N. Malinkin)	25
Tuzov V. V., Mazina R. R. The Problem of the Stability of the Social System in Ancient Indian Philosophy	45
Nesteruk A. V., Soldatov A. V. The Philosophical Aspects of the Dialogue between Modern Cosmology and Theology	55

SOCIOLOGY

Pomozova N. B. Chinese Think Tanks: from Practical Rationality to Social Institutional Reflection	71
Agishev R. R., Barinova O. N., Manaeva I. V. Regional Specificity of the Personality of the Bribe-Giver: the Experience of Sociological Analysis	86
Egorov V. A., Miletskiy V. P. Anti-corruption Policy as a Factor of Influence on Protest Potential and Stability in Modern Society	98
Kazantsev K. Y., Chernykh S. I. Corporate Education in Russia. Prerequisites for Development, Current Tasks, Construction Models	112

LINGUISTICS

Besedina E. I., Kuzmich I. V., Maklakova N. V., Shamina E. A. No Kidding Games	126
Matveeva V. N., Stepanova N. V. Pragmatilistic Analysis of Migration Discourse (Based on Speeches by British Politicians)	143
Tatarincev N. S. Types and Functions of Repetition in the Works of Howard Phillips Lovecraft	162
Stepanenko I. S., Ulianitckaia L. A., Shulzhenko T. V. Towards the Question on the Zero Subject in English	174

Концепция «пророческого» социализма Макса Шелера

А. Н. Малинкин✉

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

✉lo_zio@bk.ru

В статье анализируются концептуальные основы «пророческого» социализма Макса Шелера (1874–1928). Рассматриваются основные принципы новой по тем временам политически-идеологической доктрины, призванной стать, по замыслу ее создателя, «противоядием» марксизму. Автор анализирует аргументацию Шелера, направленную, с одной стороны, против социализма в марксистской трактовке, с другой – на доказательство правомерности использования терминов «христианский социализм» и «христианский пророческий социализм». Социализм Шелер противопоставляет в первую очередь индивидуализму, который он истолковывает в социально- и нравственно-философском смысле, и лишь во вторую – либерализму и капитализму. Социализм и индивидуализм, представляющие ныне как антагонистические тенденции социокультурного развития, – это для него два одинаково необходимых и взаимосвязанных сущностных начала общественного бытия человека, понимаемого как духовно-телесное социальное существо. Индивидуалистические тенденции, считает Шелер, возобладали над социалистическими на Западе в Новое время, поэтому социализм в его марксистской трактовке и оказался столь востребованным в конце XIX и начале XX вв. Но уничтожение частной собственности противно христианству. «Принудительный коммунизм» несет с собой не рай на Земле, а катастрофу и культурную деградацию, предвещает он. Опираясь на учения отцов церкви и отталкиваясь от католической социальной доктрины, Шелер предлагает свое видение идеального социума в форме «личностной общности» (Personengemeinschaft), соответствующей истинному предназначению человека. В нем индивидуальное и социальное начала находятся в гармонии и взаимообусловленном развитии. «Пророческий» метод постижения социально-исторической действительности, применяемый, исходя из христианско-солидаристского идеала, Шелер противопоставляет материалистическому пониманию истории. Он указывает на три преимущества своей методологии: она учитывает свободу человека, неповторимость исторического события, соединяет в себе все виды и способы человеческого познания, не абсолютизируя научную форму знания. Автор раскрывает глубокое содержание шелеровской дефиниции марксизма как «протестной идеологии угнетенных классов», привлекая к анализу «социологическое учение об идолах» позднего Шелера. В нем он выявляет дорефлексивные предпосылки формирования классовых идеологий. Автор указывает на сущностное родство классовых предрассудков, о которых писал немецкий философ, и национально-ментальных предрассудков политических элит ведущих стран Запада. В заключение он ставит вопрос о том, насколько проблемы, поднятые в статье Шелера, актуальны сегодня в контексте современных российских реалий.

© Малинкин А. Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социализм, марксизм, коммунизм, индивидуализм, либерализм, капитализм, персонализм, «пророческий христианский социализм», идеология.

Для цитирования: Малинкин А. Н. Концепция «пророческого» социализма Макса Шелера. Шелер М. Пророческий либо марксистский социализм? / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 5–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-5-44

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.09.2021; принята после рецензирования 05.10.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

The Concept of “Prophetic” Socialism by Max Scheler

Alexander N. Malinkin✉

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

✉lo_zio@bk.ru

The article analyzes the conceptual foundations of “prophetic” socialism by Max Scheler (1874–1928). The main principles of a new political and ideological doctrine at that time, designed to become, according to the plan of its creator, an “antidote” to Marxism, are considered. The author analyzes Scheler's argumentation, directed, on the one hand, against socialism in the Marxist interpretation, and on the other, at proving the legitimacy of using the terms “Christian socialism” and “Christian prophetic socialism”. Scheler opposes socialism, first of all, to individualism, which he interprets in social and moral-philosophical senses, and only secondarily to liberalism and capitalism. Socialism and individualism, which now appear as antagonistic tendencies of sociocultural development, are for him two equally necessary and interrelated essential principles of the social being of a person, understood as a spiritual-bodily social being. Individualistic tendencies, according to Scheler, prevailed over socialist tendencies in the West in modern times, therefore socialism in its Marxist interpretation turned out to be so in demand in the late 19th and early 20th centuries. But the destruction of private property is contrary to Christianity. “Forced communism” does not bring with it heaven on earth, but catastrophe and cultural degradation, he foreshadows. Based on the teachings of the Church Fathers and starting from the Catholic social doctrine, Scheler offers his vision of an ideal society in the form of a “personal community” (Personengemeinschaft), corresponding to the true destiny of a person. In it, the individual and social principles are in harmony and interdependent development. Scheler opposes the “prophetic” method of comprehending socio-historical reality, applied proceeding from the Christian solidarism ideal, to the materialistic understanding of history. He points to three advantages of his methodology: it takes into account human freedom, the uniqueness of a historical event, combines all types and methods of human cognition, without absolutizing the scientific form of knowledge. The author reveals the deep content of Scheler's definition of Marxism as “the protest ideology of oppressed classes”, drawing on the analysis of the “sociological doctrine of idols” of the late Scheler. In it, he reveals the pre-reflexive prerequisites for the formation of class ideologies. The author points to the essential kinship of the class prejudices about which the German philosopher wrote, and the national-mental prejudices of the political elites of the leading Western countries. In conclusion, he raises the question of how relevant the problems raised in Scheler's article are today in the context of modern Russian realities.

Key words: socialism, marxism, communism, individualism, liberalism, capitalism, personalism, “prophetic Christian socialism”, ideology.

For citation: Malinkin A. N. The Concept of “Prophetic” Socialism by Max Scheler. Max Scheler. Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? Transl. and comments by Malinkin A. N. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 5–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-5-44 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.09.2021; adopted after review 05.10.2021; published online 24.11.2021

Работа Макса Шелера (1874–1928) «Пророческий либо марксистский социализм?» (1919) представляет собой развернутый ответ немецкого философа на вопрос о собственном политически-идеологическом самоопределении в исторически новых условиях, сложившихся после Первой мировой войны. В побежденной Германии, как известно, разразился системный кризис, охвативший экономику, политику, социальную, культурную и духовную сферы жизни. Вызванные им обнищание народа, голод, а также возмущение условиями Версальского договора привели, особенно в молодежной среде, к росту реваншистских настроений, появлению националистических праворадикальных партий и групп. Это способствовало также и широкому распространению марксизма. Марксистские идеи проникли не только в низшие, но отчасти и в средние слои германского общества. Между тем в России большевики захватили власть и через образованный в 1919 г. Коминтерн всерьез обсуждали перспективы мировой революции, оказывая мощное влияние на левые партии европейских стран. Шелер указывал на опасность коммунистических идей – на «окрыляющую душу притягательную силу» марксизма, его системное «формальное совершенство» и «укорененность в современной общественной действительности» – вовсе не для того, чтобы запугать обывателя (это позднее стало обычной политической практикой элит «цивилизованных стран» Европы и США). Угроза «принудительного коммунизма» казалась тогда вполне реальной. В ноябре 1918 г. немцы на собственном опыте узнали, что такое «левая» революция, в марте 1919 г. была провозглашена Венгерская советская республика.

Противопоставление Шелером марксистскому социализму своего «пророческого христианского социализма» – попытка ответить на вызов времени способом, адекватным для консервативно мыслящего интеллектуала и, как сказали бы сегодня, независимого аналитика. Политической деятельностью Шелер никогда не занимался (если не считать идеологически-пропагандистскую миссию в Голландии по поручению МИД Германии во время Первой мировой войны), хотя живо ей интересовался и реагировал на вековые политические события публицистическими произведениями, иногда острополемическими [1, с. 32–33]. В 1919 г. опасность «слева» была для него совершенно очевидна, тогда как опасность «справа» была в то время еще не столь заметна; в полной мере Шелер осознал ее после убийства В. Ратенау в июне 1922 г.¹ Надо было решить триединую задачу: самоопределиться в актуальном политически-идеологическом поле, выработать более эффективное, чем предлагала традиционная «католическая наука» (в частности, в лице Г. Пеша), идейно-ценностное «противоядие» марксизму и сформулировать его в виде установки, доступной пониманию каждого человека. Ключевым вопросом при этом являлся выбор для нового идейного течения такого названия, которое должно было явить широкой публике его *differentia specifica*. Термин «христианский социализм», который Шелер после долгих колебаний предпочел традиционному понятию «солидаризм», в Германии того времени не был общепринятым. Доказывая правомерность его употребления, Шелер аргументирует следующим образом.

Во-первых, он указывает на то, что в изменившихся исторических реалиях начала XX в. понятие «социализм» утратило свой прежний крамольный смысл, обусловленный тесной

¹ См. комментарии к переводу работы «Пророческий либо марксистский социализм?» (с. 25–44).

ассоциативной связью исключительно с марксизмом. С одной стороны, международный опыт показывал, что понятие «социализм» давно используется для обозначения многих идейных течений, полемизирующих с принципами учения К. Маркса и Ф. Энгельса, а иногда и прямо им противоположных. С другой стороны, после войны и революции сам марксизм как идейное течение оказался, по мнению Шелера, в глубоком кризисе: он распался на множество конфликтующих между собой направлений, получивших политически-партийное оформление.

Во-вторых, ширящееся в европейских странах рабочее и профсоюзное движение, появление в них большого числа левых партий – социал-демократических, социалистических, коммунистических – привело к тому, что термин «социализм» вошел в повседневную общественно-политическую жизнь и стал на фоне этих реалий привычной номиналией. Он больше не был экзотическим пугалом для обывателей и правящих кругов государств. Шелер задается резонным вопросом: «...почему в мире, в котором известная мера социализма начинает предполагаться как нечто само собой разумеющееся в составе *общего воззрения на мироустройство* и споры ведутся лишь *о виде и направлении* социализма, не говорить также о “христианском социализме”? Разве у нас есть лишь одно право – принципиально отказаться от участия в формировании мира социалистических идей из-за того, что слова “христианский” и “социализм” мы обычно употребляем как взаимоисключающие?» [2, S. 261].

В-третьих, с научной и логической точек зрения, понятие «социализм» лучше всего проясняется, по мнению Шелера, через антитезу «социализм – индивидуализм» (другие термины-оппозиции «социализму», а именно «либерализм» и «капитализм», он считает значимыми в большей мере во вненаучной практике). В последние века в Западной Европе индивидуалистические тенденции преобладали над социалистическими, а это, по его мнению, означало, что «история европейского Запада при ее сравнении с христианской корпоративной идеей пошла с XV в. по ложному пути» [2, S. 266]. «Если у нас так же мало оснований считать, что социалистические тенденции родились из христианской веры, как и оснований полагать, будто из нее возник индивидуализм во всех его формах, и первые мы можем рассматривать в конечном счете как противоядие индивидуализму, а не как нормальное питание человека, – пишет он, – то все же практикующему христианскому врачу обществу как социальному терапевту больше подобает называть себя по имени *того* движения, которое является носителем противоядия. В этом смысле можно говорить также о “христианско-педагогическом социализме”, или человечественно-педагогическом (*menschheitspädagogische*)» [Ibid.].

Из этих слов становится понятно, что Шелер нарочито дистанцируется от того, что имеет для него только инструментальную ценность и практическую значимость средства. Было бы опрометчиво ставить знак равенства между религиозной философией Шелера и ее, так сказать, политически-идеологическим *аватаром* в виде «*пророческого* христианского социализма». Именно «пророческая» методология, о которой будет сказано ниже, транспонирует религиозную философию Шелера в политическую идеологию или, выражаясь иначе, создает ее политически-идеологическое измерение.

Но, может быть, Шелер заблуждался, и у нас все же есть основания считать, что индивидуалистические тенденции, равно как и социалистические, родились из христианской веры? Так, Ф. Ницше, объявивший христианскую любовь ядовитым плодом *ressentiment*'а

еврейского народа, усматривал именно в «религии рабов», христианстве, истоки социализма. Шелер вывел на чистую воду разоблачения Ницше [3] но, как говорится, осадок остался. Для кого-то подозрения Ницше значили и по-прежнему значат больше, чем аргументы Шелера. С другой стороны, и самого Шелера кто-то может «уличить» в том, что его персонализм, ставящий под сомнение «категорический императив» Канта, строится на индивидуалистической основе. Чтобы разобраться в этом непростом вопросе, надо несколько углубиться в социальную философию Шелера.

Каковы принципы и отличительные особенности «пророческого христианского социализма» Шелера, сформулированные им в статье? Немецкий философ излагает их в классической *диалогической* форме, отвечая поочередно на вопросы, которые ставит перед самим собой. Вот главные из них:

1. «...Есть ли у нас право, причем право *принципиальное*, говорить о “христианском социализме” в том смысле, когда он понимается как *исключительная противоположность индивидуализму*? Со всей категоричностью отвечу: нет!» [2, S. 262].

2. «Но имеем ли мы поэтому право считать себя *принципиальными индивидуалистами*? Мой ответ: в такой же малой степени, как и принципиальными социалистами» [2, S. 263].

3. «Должны ли мы теперь сказать, что христианские принципы в том очищенном виде, в каком я их только что представил, лежат “посредине” между социализмом и индивидуализмом? Ни в коей мере» [2, S. 264].

4. «На вопрос “*можем и должны ли мы также называть себя исторически-временными христианскими социалистами?*” я даю такой же ясный ответ “да!”, каким был ответ “нет!” на предыдущий вопрос» [2, S. 265].

Рассмотрим аргументацию в соответствующей последовательности.

Для Шелера духовное индивидуально-личностное начало в человеке, столь высоко развитое в западном мире как раз благодаря христианству, есть высшая ценность. В своем главном труде «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913–1915) он обосновывает *персонализм*, доказывая возможность «*индивидуального духовного бытия*», каковым является человеческая личность. Кантовское обоснование «автономии» личности он объявляет несостоятельным, поскольку оно строится исключительно на рационалистической основе, т. е. в конечном счете предполагает монизм всеобщего универсального разума. «Индивидуальное духовное бытие» недопустимо и неприемлемо для Канта. Шелер же, критикуя одинокого кенигсбергского мыслителя за «господство безличного номоса» над личностью, поскольку последняя определяется как «разумная личность», утверждает, что из тех предпосылок, из которых исходит Кант, «логически должна была бы следовать не автономия (слово “авто” указывает на самостоятельность *личности*), а скорее *логономия* и одновременно крайняя *гетерономия личности*» [4, S. 372]. Кантовское понятие личности, продолжает он, было усвоено и развито Фихте и Гегелем: «У обоих личность становится в конечном счете безразличным проходным пунктом для безличностной (*unpersönlich*) деятельности разума» [Ibid.]. Результаты их умозрений, несмотря на разность исходных позиций, совпадают с выводами Аверроэса и Спинозы, резюмирует Шелер¹.

¹ Таков главный, хотя не единственный, аргумент Шелера против кантовского обоснования «автономии личности».

В работе «Проблемы религии. К религиозному обновлению» (1917–1920) он воспроизводит эту критическую аргументацию в другом контексте. «Кантианский принцип логического тождества разумного духа у всех человеческих групп (рас, культурных кругов, народов и т. д.), – пишет Шелер, – мы также *оспариваем*, поскольку он выходит за границы чисто формальных функций или законов духа, тождество которых к тому же само становится впервые понятным из тождества тех же самых формальных предметных сущностей, относящихся к наиболее первичным и простейшим сущностным усмотрениям. [Еще более радикально мы отвергаем формировавшееся у Й. Г. Фихте и вполне завершенное Гегелем учение о реальном тождестве разума (мирового разума) у всех людей – доктрину, благодаря которой совершенно ясно проявился заложенный еще Кантом пантеистический аверроизм. Всем этим учениям мы противопоставляем плюралистический взгляд на самых что ни на есть первичных обладателей разумного человеческого духа. – Прим. М. Шелера.] Ибо, так как реальные круги “matters of fact” у всех людей и групп различные, то *разнообразными* могут быть также и *совокупности сущностных усмотрений различных субъектов* (народов, рас и т. д.) – без ущерба для априорности, очевидности и значимостной прочности полученных сущностных усмотрений» [5, с. 139–140, 162].

В шелеровской аксиологии ценность индивидуальной духовной личности уступает лишь ценности абсолютного бытия (Бога), в глазах человека также имеющего личностную форму. Человеческая личность, пишет Шелер, есть «*индивидуально-субстанциальное духовное бытие*», причем «*бытие бессмертное, стремящееся к вечным целям, которые выйдут за пределы всякого земного бытия, всех земных сообществ и их истории*» [2, S. 262]. Вот почему «любой принципиально антииндивидуалистический социализм является учением, *противным христианству*» [Ibid.]. Духовный индивидуализм, за который ратует Шелер, несовместим, в частности, ни с «*политическим всевластием государства*», ни с «*экономическим коммунизмом*», поскольку религиозный субъект, гражданин государства, экономический субъект – это на самом деле не «разные вещи» (как, между прочим, думают многие современные социологи, политологи и экономисты), а разные *социально-общностные* ипостаси одного и того же единого человеческого бытия, существующего в индивидуально-личностной форме. «Разделение их возможно только при условии ложного дуалистического воззрения на связь человеческого тела (Leib) и души, в смысле Платона, Канта или Декарта, – справедливо утверждает Шелер. – С философской точки зрения, это воззрение ошибочно, и церковью оно также отвергнуто. Тело человека принадлежит его душе *сущностно-необходимо*, а вовсе не случайно. Пока и поскольку душа фактически обладает земным человеческим телом в его возможно более невредимом состоянии, постольку тело принадлежит этой душе, а телу, в свою очередь, принадлежит окружающая среда (Umwelt), которой личность распоряжается свободно и беспрепятственно, так же, как в ее пределах – всеми находящимися в ней вещами. Из этого фундаментального положения проистекают все определенные так называемые *естественные права* человека: право на существование, необходимую оборону, право на труд и т. д.; в том числе также право на собственность вообще и частную собственность...» [2, S. 262–263].

Признавая право на частную собственность неотъемлемым «естественным правом» человека, Шелер выступает против фундаментальной и целеполагающей идеи марксизма – неотвратимого естественно-исторического движения всех человеческих обществ в направ-

лении к обобществлению средств производства, которое приведет в конечном счете к тотальной *общности имуществ* в мировом масштабе. «Государственный и общественный порядок, который хочет устранить частную собственность в этих существенных границах, противен христианству, следовательно, таковым является и порядок, желающий обобществить (*kommunisieren*) все средства производства» [2, S. 263]. Но, в отличие от идеологов либерализма, выступающих за абсолютную свободу рыночной экономики, неограниченный рост капитала, его безграничную мобильность и безусловную открытость всех обществ, Шелер *ограничивает* сферу частной собственности «непосредственно используемыми и потребляемыми вещными ценностями» и средствами производства лишь в том размере, в каком они требуются в то или иное исторически изменчивое время для «выработки минимума благ, необходимого для сохранения каждого человека и его семьи, ее здоровья и существования» [Ibid.]. Эта принципиальная *антикапиталистическая* установка Шелера, считавшего капитализм крайней формой индивидуализма, не получает здесь дальнейшего развития, однако она становится ведущей в рукописных материалах философа под названием «Христианский социализм как антикапитализм» (1919) [6]¹.

После признания необходимым и существенным духовного индивидуально-личностного начала в человеке Шелер сразу же переходит к критике индивидуализма как философско-мировоззренческого принципа. Он стремится показать, что индивидуализм, как и социализм, бывает разный, и его нравственно-философский персонализм, основанный на идее «духовного индивидуума», вовсе не исключает социализма в христианском смысле. Он отвергает индивидуалистические, восходящие к античному *атомизму*, предпосылки «*теории договора*», *протестантско-богословскую* интерпретацию Э. Трельчем одной из центральных евангельских заповедей и вообще объявляет ложным «всякое учение, которое отрицает *существенные связи отдельного человека с общностью*, либо отрицает *человеческую духовность (религиозного или культурного субъекта в человеке)*», потому что тем самым оно «утверждает существование только фактических отношений, вверяет все земные общности природной каузальности и религиозно ценит лишь одну отдельную душу» [Ibid.] (курсив мой. – А. М.). Принципиальное различие между философско-мировоззренческим индивидуализмом и этическим персонализмом Шелера состоит в том, что он утверждает равную изначальность и взаимообусловленность индивидуального и социального начал в человеке. При этом концепция личности Шелера опирается на его социальную философию, согласно которой душевно-духовная эволюция человека восходит от бессознательного со-бытия людей в *жизненной общности*, когда духовное индивидуально-личностное начало в человеке еще малоразвито, через осознание себя индивидуумом и развитие индивидуальной личности в *обществе* к формированию солидарной в Боге «*личностной общности*», или общности индивидуальных личностей².

Последний тип социального единства, «личностную общность», – свой христианско-солидаристский идеал – Шелер характеризует как «*единство самостоятельных, духовных,*

---

¹ На основе первой части этих материалов и была написана статья «Пророческий либо марксистский социализм?». См. комментарии к переводу.

² Речь идет о концептуальном ядре солидаристского социального учения Шелера – о его философско-социологической «теории всех возможных существенных социальных единств». В ней выделяются четыре априорных типа единения людей в социуме: «орда», или «масса», «жизненная общность», или просто «общность» (*Gemeinschaft*), «общество» (*Gesellschaft*), «личностная общность» (*Personengemeinschaft*) [4, S. 515–529].

индивидуальных отдельных личностей “в” самостоятельной, духовной, индивидуальной совокупной личности (*Gesamtperson*)¹». «Это то самое единство, – пишет он, – о котором мы утверждаем, что оно и только оно составляет *ядро* и всю *новизну* древнехристианской идеи общности и здесь впервые предстает перед нами как бы в виде исторического открытия – идеи общности, которая совершенно уникальным образом соединяет в себе бытие и неуничтожимую самоценность индивидуальной “души” (понимаемой креационистски) и личности (в противоположность античному учению о теле и еврейской идее “народа”) с идеей солидарного спасения всех в *corpus christianum*, основанной на христианской идее любви (в противоположность... этосу “общества”, отрицающего всякую нравственную солидарность)» [4, S. 522].

Развивая идею Б. Паскаля о нравственном космосе, Шелер утверждает, что «человек не только несет ответственность за каждое свое свободное деяние перед самим собой», но что в силу естественной морали и естественной религии он «изначально *со-ответственен* за единое целое общности, членом которой он в той или иной мере является» [2, S. 263]. Более того: «В глубине своей самости – прежде, чем он узнает, за что и перед кем ответственен в частности, – человек сознает себя соответственным за целое нравственного космоса вообще, так что в силу этого изначального знания, первичного в не меньшей степени, чем знание о своем собственном духовном существовании и ответственности перед самим собой, его долг – снова и снова познавать всю полноту того, кому он также может быть чем-то обязан» [2, S. 263–264].

Кажется, что Шелер стремится занять сбалансированную центристскую позицию, найти «золотую середину» между индивидуализмом и социализмом. Однако он отвергает такой вульгарный подход: «Между полюсами ложной противоположности не может быть и верной “середины”» [2, S. 264]. Ложность дилеммы кроется в том, что естественная, заповеданная Богом нормальность человеческого бытия предполагает *в равной мере и то, и другое*: она требует гармоничного развития в нем как индивидуального, так и социального начал, которое может происходить только на основе их взаимной обусловленности и взаимного дополнения. Идеал гармоничного развития этих двух начал впервые сформулирован, по мнению Шелера, святыми отцами в классическом христианском корпоративном учении, которое «содержит в себе нечто свое, первичное, оригинальное, то, что должно как бы в ослабленной мере духовно вливаться в каждую общность и в каждое воззрение на общность, включая экономическую. Это учение в принципе равно удалено от социализма и индивидуализма...» [Ibid.].

Постепенно мы все больше утрачивали истинное понимание этого учения, поясняет Шелер, вот почему сегодня интерпретируем его как «золотую середину» меж двух заблуж-

---

¹ «*Gesamtperson*», или совокупная личность (= солидарная, коллективная, соборная) – центральное понятие философской социологии Шелера. Это, во-первых, *индивидуальная личность*, т. е. акт актов, или акт собирания воедино всех духовных актов; во-вторых – *сверхиндивидуальная личность*, т. е. центр особых духовных актов единения (солидаризации, сплочения) индивидуальных личностей по тому или иному основанию. Шелер подчеркивает: отношение отдельной личности и совокупной личности нельзя отождествлять с отношением части и целого. *Совокупная личность конституируется не из отдельных личностей как таковых, но из особого класса интенциональных актов отдельных личностей*. Именно эти акты и образуют мир социума, субъектом которого является совокупная личность. «На наш взгляд... – пишет он, – личность одинаково изначально есть и отдельная личность, и (по существу) член совокупной личности независимо от своей ценности как члена совокупной личности» [4, S. 514].

дений, вместо того, чтобы видеть в нем то, что от них одинаково и бесконечно далеко. «Ядром этого корпоративного учения является идея *взаимной реальной солидарности всех со всеми*, всех за каждое целое в заслуге и вине и во всех вытекающих из них последствиях, несмотря на самостоятельную индивидуальную субстанциальность каждой души, – идея совершенного взаимопроникновения ответственности перед самим собой и со-ответственности в каждой душе и в каждой меньшей общности по отношению к большей охватывающей ее общности (со-ответственности семьи за народ, народа – за нацию, нации – за культурный круг, культурного круга – за человечество, человечества – за царство всех конечных духов). Эта солидарность не имеет ничего общего с тем, что на языке социалистов часто именуют “общностью интересов”, соответственно, чувством и волей, возникающими вследствие осознания общности интересов» [2, S. 264–265].

Шелер прав: поступательный процесс секуляризации в Европе зашел сегодня так далеко, что подавляющее большинство современных европейцев утратило истинное понимание христианского корпоративного учения. Более того, оно во многом потеряло и саму способность понимать то, что еще во времена Шелера воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Проблему утраты в ходе реально-исторического процесса не только смысловых познавательных достижений, но и способности их понимать Шелер анализирует в работе «Проблемы религии...» в контексте своей теории *функционализации*.

Аргументация по четвертому вопросу, наверное, наиболее сложная для понимания. Из социальной философии она постепенно выходит в предметную область философии истории.

Кратко изложив суть солидаризма согласно христианскому корпоративному учению, Шелер заявляет: «Таким образом, в этом *принципиальном вопросе нет никакого* христианского социализма» [2, S. 265]. Что это значит? Выше отмечалось, что «христианский социализм» для Шелера – не самоцель. Эта политическая идеология представляет для него инструментальную ценность. Она – своего рода *аватар*, выполняющий роль практически значимого средства. Напомним, с чего начинается статья: «Не надо предпринимать ревизию высших принципов воззрений на общество, государство, право, хозяйство, унаследованных нами от старых времен», – писал Шелер, «...однако требуется существенная и глубокая *ревизия их применения*» [2, S. 259]. Актуализация вечных истин *применительно* к новым исторически-временным условиям человеческого существования посредством их интерпретации – это и есть первое и главное в том, что Шелер называет «*функционализацией сущностных усмотрений*» [7, с. 92–108]. Отсюда становится более понятным суждение немецкого философа, которое может показаться сначала туманным: «Если мы имеем право говорить о “христианском социализме” как антитезе индивидуализму, то речь о нем должна идти только в *исторически-временном, практическом* и относительном смысле» [2, S. 265].

Соответственно, и практически-политический метод – «*пророческий*» – актуализации вечных истин в процессе участия в реальной общественно-политической жизни страны *в принципе не может быть прямым*. Христианский социалист – *посредник* между народом и богоданными вечными истинами, который прислушивается к гласу Божьему. Он исходит из заповедей Священного Писания, но, функционализируя их применительно к актуальным историческим реалиям, не может позволить себе делать предсказания об историческом будущем, которые претендуют на абсолютную значимость. «Ибо это противоречило бы вере в Бога, который как изначально свободная личность не только создал мир, но и сохраняет его,

управляет и правит им; который может изменить любое будущее событие на основании отношения человеческих личностей к нему и его заповедям. Так что пророк по природе своей не может делать абсолютные предсказания. Он может делать только *условные* предсказания – а именно, обусловленные свободным морально-практическим и религиозным отношением людей, к которым он обращается» [2, S. 267–268].

Выходит, что «*пророческая*» методология Шелера, конвертируемая в политическую технологию, наделена ценными в наше время качествами – *терпимостью* и *интерактивностью*. Христианский социалист как субъект политического действия терпимо относится к людям (ибо грешны все) и вступает с ними в диалог. Он не может видеть в людях объект – он видит в них принципиально неопредмечиваемые человеческие личности, т. е. такого же равного (перед Богом) субъекта, каким является и сам. Он понимает, что обращение с народом как с объектом политического воздействия – даже если оно мотивировано искренним желанием принести ему счастье, – в конце концов превратит людей в стадо баранов, которое нуждается в окрике и плетке пастуха. Если же политические деятели, управляя людьми, холодно и безапелляционно ссылаются на якобы высший авторитет научного знания, согласно которому счастливое будущее народа придет автоматически по известному им расписанию, и надо лишь выполнять их приказы, дело должно закончиться массовыми репрессиями. Политическая история СССР – яркое тому подтверждение.

Но есть и другая причина, по которой Шелер отвергает научно обоснованные предсказания далекого будущего в духе «астрономического» социализма Маркса: ткань истории обрывается, по его убеждению, из неповторимых событий, и эта уникальность исторических событий необходимо связана со свободой человеческой личности. «В противоположность Марксу, – пишет Шелер, – пророческий христианский социалист признает *неповторимость исторического становления* и *свободу* человека. <...> Да, в отличие от Маркса, он (христианский социалист. – А. М.), как утопист и как выступающий за реформы социалист, проповедует мораль, однако выше собственной проповеди, обращенной к человечеству, он ставит ту *объективную проповедь исторических катастроф*, влекущих за собой кровь и нищету, в которой передает услышанное им слово Божье, обращенное к людям. Христианский социалист ведет себя как “пророк”, потому что его слух способен улавливать это предостерегающее слово Божье, всякий раз различая его в шуме настоящего времени *исторической действительности*, потому что в этой действительности он способен увидеть нечто большее, чем сумму отдельных ограниченных случайных фактов, а именно – *духовную взаимосвязь тенденций*, которая влияет на них и еще только начинает разворачиваться дальше в совершенно определенном зримом направлении» [2, S. 268].

Здесь уместно заметить, что Шелер отвергает не сам по себе научный подход к изучению истории, а *сциентизм* как философское мировоззрение, согласно которому высшей формой знания объявляется научное, а внутри него нормативным образцом выступает естествознание. Для него неприемлем взгляд, будто в мире нет ничего недоступного научному познанию, а научное объяснение – единственно адекватное, будто миф, религия, искусство, философия и другие виды культуры – всего лишь этапы на пути становления научного познания. Шелер выступает за применение человеком всех его познавательных способностей, предлагая концепцию «совокупного созерцания». «...Христианский социалист вырабатывает свою программу <...> в совокупном созерцании (*Zusammenschau*) того, какие требования

проистекают из принципов разумного и христианского социальных учений, христианской этики или естественного права *вкуне* с требованиями жизни, которые он, прибегая к методологии пророческого типа, усматривает в хаосе исторической жизненной действительности на основе философски фундированного учения о “порядке исторических каузальных факторов”. Насыщаясь созерцанием социальной действительности, которую он не только холодно обсчитывает и вычисляет, но и стремится в высоком душевном порыве всесторонне охватить и симпатически в нее проникнуть, христианский социалист вместе с тем корректирует свою программу по тому масштабу, который находит не в истории, но в вечных идеях добра и зла, правды и неправды. Маркс вообще отрицает эти идеи» [2, S. 270]. Итак, *религиозная* философия истории, которую Шелер противопоставляет *сциентистской* философии истории К. Маркса, открыта для адекватного восприятия и совокупного осмысления достоверно установленных фактов, данных статистики, результатов социально-научных исследований – эмпирических и теоретических (наряду с христианским социальным учением упоминается «разумное социальное учение»), выводов философии истории (учения о «порядке исторических каузальных факторов»), – но при этом она делает ставку не столько на калькуляцию, анализ и синтез, сколько на духовно-разумное умозрение и основанную на опыте интуицию.

Немецкий философ сравнивает свою «пророчески-социалистическую» установку, соответствующую его религиозной философии, с четырьмя политически-идеологическими установками, актуальными для послевоенной Германии, а именно: 1) на утопический социализм; 2) на «реально-исторический, так называемый “научный социализм” Карла Маркса»; 3) на «романтический, реакционно-феодальный социализм»; 4) на «практически-реформаторский социализм». Все они, разумеется, не выдерживают его критики. Из этих четырех установок наибольшего внимания и, соответственно, самой серьезной критики удостоивается вторая. И понятно почему: о причинах особого отношения Шелера к марксизму было сказано выше, да и само название статьи говорит о многом.

Шелер не скрывает свой глубокий пессимизм относительно того, что касается будущего Европы и Запада вообще, вызванный, вероятно, не только проигранной войной, революцией и тенденциями к принудительному коммунизму. На наш взгляд, можно говорить о влиянии на него культурного пессимизма О. Шпенглера. Первый том «Заката Западного мира» вышел в 1918 г. и стал чуть ли не главной послевоенной сенсацией. Шелер оценил его очень высоко, несмотря на критические отзывы современников и даже собственную критику.¹ Но как верующий католик и философ-персоналист Шелер видел причины упадка западного мира, конечно, не в естественных и поэтому якобы необоримых силах, которые фиксируют законы эволюции человеческих культур и соответствующих им цивилизаций, а в господстве с XV в. *этоса «фаустовского»* типа человека и сформированной на его основе культуры. Именно так, на наш взгляд, следует понимать его слова об «измене европейского человека своему предназначению и истинному предназначению человека вообще, коренящейся в первоначальной *свободной* вине, в относительной наследственной и совокупной вине» [2, S. 272].

---

¹ «Неужели думают, – писал Шелер, работая над «Проблемами социологии знания», – будто полученные в серьезной и кропотливой работе достоверные результаты, скажем, Леви-Брюля, или моих исследований, а также *многое и неопровержимое в гениальном труде Шпенглера*, – будто все эти результаты исчезнут и пойдут прахом только из-за того, что удалось обнаружить какой-то “круг”, какое-то “логическое противоречие”? Никуда они не денутся!» [8, с. 217] (курсив мой. – А. М.).

В отличие от К. Маркса он видит в опасных тенденциях к принудительному коммунизму приближение не рая на Земле, а скорее чего-то прямо противоположного. Да, действительно, история Нового времени («буржуазная эпоха») движима по преимуществу экономическими факторами, признает Шелер, но это всего лишь узколокальный и сравнительно небольшой период истории Запада, а не «необходимый результат универсально-исторического развития человечества» [2, S. 271–272].

«В движениях новейшего времени, в той мере, в какой они действительно соответствуют марксистским законам, христианский социалист видит *декаданс* Европы и угрозу культурной смерти Запада, а вовсе не прогресс и не все более высокое развитие так называемого человечества – либерализм и капитализм не имеют с человечеством ничего общего, так как выросли только на западно-европейско-американской почве. К тому же, с логической точки зрения, Маркс не имел ни малейшего права выдавать за “прогресс” исторический процесс, движимый только слепой экономической каузальностью», – утверждает Шелер [2, S. 272]. Любопытно, что в рукописи «Христианский социализм как антикапитализм» он доказывает, что марксистский социализм – отнюдь «не подлинный противник капитализма и его корня, капиталистического духа», но является одной из форм «идеологии интересов» внутри современного капиталистического общества. Здесь взгляды немецкого философа совпадают, иногда почти буквально, со взглядами Вл. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и других русских религиозных философов.

Хотя Шелер и не был пророком, многие его предвидения, основанные на «цельном» видении исторических реалий, осуществились. В первую очередь это относится, на наш взгляд, к *культурному декадансу западного мира*, о котором он, как и Шпенглер, предупреждал – не только в рассматриваемой статье, но и в ряде последующих работ¹ – однако в отличие от Шпенглера не считал его неотвратимым в принципе. Если судить по истории конца XX и начала XXI вв., европейский человек не изменился к лучшему – скорее наоборот. Другим, более конкретным примером является предсказание Шелера о том, что кризис марксизма «будет усугубляться по мере того, как марксистско-социалистически мыслящие классы и их вожди будут призваны *участвовать* в руководстве и *правлении* общественными делами. Марксизм – это *типичная идеология угнетенных и критическая протестная идеология*; чем больше она будет отклоняться от своего социологического условия, тем скорее марксизм как таковой начнет исчезать» [2, S. 260]. Нельзя отказать Шелеру в прозорливости: большевизм, ленинизм, сталинизм, марксизм-ленинизм времен Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева и др. – исторические этапы постепенного исчезновения живого духа из учения К. Маркса или, точнее говоря, ступени его вырождения в догматизированную государственную квазирелигиозную идеологию [10, 11].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, приведенная в цитате лаконичная, но чрезвычайно емкая по смыслу дефиниция марксизма. Рассмотрим ее смысловое содержание.

Трактовка марксизма как «*протестной идеологии*» – основная интерпретация Шелером этого направления политически-идеологической мысли. Она опирается на его идеи, изложенные еще в работе «Ресентимент в структуре моралей» (1912–1913) [3, с. 22–23, 31–32, 47–48]. В книге «Гений войны и Германская война» (1914) [12, S. 216], в статье «О двух

---

¹ См., например, [9].

немецких болезнях» (1919) Шелер отмечал конститутивную слабость немецкого мышления, характерную в особенности для марксизма, – глубокую *методологическую вторичность*, а именно зависимость от *английского* образа мыслей, взятого за образец из-за слепого, смешанного с завистью восторженного поклонения немцев перед великой мировой державой и колониальной империей.¹ «Во время войны я начал собирать коллекцию сочинений наших “врагов Англии”, – писал он, – и у всех этих писаний одна и та же логическая структура:

1. Автор показывает, каким образом Англия “основала” свою империю (показывает, конечно, односторонне, неточно, сжимая эпический, длившийся веками процесс роста в драму из нескольких “актов”).

2. Автор ругает англичан за то, что они использовали методы преступников, мошенников и лицемеров.

3. Автор заканчивает свой трактат решительным требованием: мы должны, наконец, у англичан “учиться” (т. е. быть мошенниками, лицемерами и т. д.)! Вот образец *метода* протестного мышления – мышления, которое получает свои цели и задачи лишь из протеста против чего-то другого. Когда же Германия усвоит, что для каждого человека, но и для каждого народа самое скорбное, невыносимое, вызывающее ненависть, – это образ двойника; что рабское *подражание* и рабский *протест* – всего лишь два полюса *одного и того же* порочного движения духа?» [14, S. 205].

Выявляя предпосылки и истоки вторичности современного немецкого мышления, Шелер обнаруживает их не только в реальных факторах, в частности, в политической и экономической отсталости Германии в XVIII и первой половине XIX в., но и в идеальных. Речь идет в первую очередь о вкладе Лютера и всего протестантского движения в возникновение *протестного способа мышления*, который, по его мнению, получил свое грандиозное выражение в материалистическом переворачивании К. Марксом гегелевской идеалистической философии. «Конечно, это было ценно, что один немец увидел превратность такого способа мышления (Шелер имеет в виду идеализм Гегеля. – А. М.). Но ничего ценного не было в том – и привело даже к еще большей беде, – что этот метод он радикально *протестно перевернул*: создал такой образ мыслей, который в малейших следах идеальных движущих сил, действующих самостоятельно, усматривал лишь замаскированные скрытые интересы» [14, S. 206].

Более глубокая критика марксизма как протестной идеологии низших классов была дана Шелером в «Проблемах социологии знания» (1926). В целом он характеризует марксизм так: «...рационализированная форма древнееврейского мессианства, секуляризованная надежда на царство Божье и к тому же типичная идеология низшего класса» [15, с. 192]. Отдельные системные части марксизма критически анализируются Шелером по ходу изложения им собственной концепции социологии знания, прежде всего социологии науки и научного знания. Критика позитивизма и марксизма рассыпана по всей книге и нуждается в самостоятельном исследовании. Однако два аспекта в интерпретации марксизма как идеологии здесь обойти нельзя.

Во-первых, марксизм интерпретируется Шелером через концепцию трех основных видов чистого знания (наука, философия, религия). Если познание руководствуется не каким-то из трех высших устремлений человека, лежащих в основе этих видов знания, а выражает

---

¹ Более подробно об этом см. [13]. Германия считается «родиной» марксизма, между тем большую часть жизни К. Маркс и Ф. Энгельс провели в Англии.

классовые предчувствия, пристрастия, предрассудки либо движимо всякого рода *интересами*, то в результате возникают *смешанные* формы знания в виде различных идеологий, «чудовищным примером которых в новейшей истории является марксизм как одна из разновидностей “идеологии угнетенных”. Подчинить законам становления идеологий становление всякого знания – специфический тезис экономического воззрения на историю» [15, с. 26].

Во-вторых, марксизм рассматривается в разделе «Развитие знания и внутренняя политика (“логика классов” – “социологическое учение об идолах”)). Шелер описывает «классово обусловленные формальные типы мышления», т. е. специфические особенности способов мышления низших и высших классов [15, с. 179–206]. Низшие классы – суть угнетенные классы, поэтому идеологии последних – это идеологии низших классов. Шелер вскрывает *дореклексивные предпосылки* формирования классовых идеологий и предлагает феноменологически фундированную типологию мироощущения, мировосприятия и мировоззрения высших (господствующих) классов и низших (угнетенных), выстроенную по антитетическому принципу из десяти позиций [15, с. 189–190].

В философско-социологической литературе эта типология до сих пор незаслуженно игнорировалась, хотя еще большевик Н. И. Бухарин ее заметил и оценил, насколько это было позволительно ему как ведущему идеологу ВКП(б). «В новейшее время, – писал он, – софистицированный марксизмом известный полукатолический философ Макс Шелер занимался специально проблемами социологии знания и в своей капитальной работе о социологически определяемых формах знания (“Wissensformen”) выработал даже целую таблицу господствующих идейных ориентаций, специфических, с одной стороны, для – как он выражается – “Oberklasse”, с другой – для “Unterklasse”» [16, с. 481].¹ Типология, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на то, как именно Шелер поясняет ее *эпистемологический статус* и позиционирует в ряду своих феноменологических открытий. Приведем этот важнейший и, как нам кажется, еще не оцененный по достоинству фрагмент целиком.

Под выделяемыми типами подразумеваются «...*живые способы мышления и формы созерцания в самом их действии*, а не только одноименные *философские теории*, т. е. не рефлексивное знание об этих способах и формах. Речь идет о *классово обусловленных под-сознательных склонностях* воспринимать мир преимущественно так или иначе, – подчеркивает немецкий философ. – Это не классовые “предрассудки”, а нечто большее, чем предрассудки: это *формальные законы образования* предрассудков; а именно формальные законы, которые, будучи законами преобладающих склонностей образовывать те или иные

---

¹ Выражения «софистицированный марксизмом» и «полукатолический» нуждаются в пояснении. На первых страницах «Проблем...» Шелер, *дистанцировавшийся к тому времени от католицизма*, писал, поясняя свой *философско-антропологически* фундированный «закон порядка действия идеальных и реальных факторов истории»: «Да, в конечном счете для нас в полной мере сохраняет значимость положение Карла Маркса о том, что именно *бытие* людей (правда, не только их экономическое, “материальное” бытие, как в отличие от нас считает Маркс) является тем, что направляет все их возможное “*сознание*”, “*знание*”, определяет границы их понимания и переживания» [15, с. 8]. В другом месте он писал, полемизируя с Максом Адлером: «Я сам в этом отношении едва ли не больший “марксист”, чем Адлер, поскольку все сознание объясняю бытием, все высшие принципы и формы разума – функционализацией осмысленных форм бытия, но не так, как Маркс, – только материальным бытием, а *целостным* бытием человека. Из этого трактата явствует, что единообразные, неизменные имманентные функциональные законы сознания и разума человека, т. е. константность категориального аппарата, для меня, в противоположность Максиму Адлеру, *неприемлемы*. И в этом пункте (правда, только в этом пункте) моя теория ближе к учениям позитивизма и Маркса, чем теория Адлера» [15, с. 159].

предрассудки, коренятся только в классовом положении и лишь в нем одном – совершенно независимо от индивидуальности, профессии, меры знаний человека, а также его расы, национальности и т. д. Если бы их полностью признали, осознав *необходимость* их происхождения из классового положения, то они вошли бы в состав социологии знания как новое учение, которое – по аналогии с учением Бэкона об идолах (иллюзиях) внешнего восприятия и созданным мной учением об идолах внутреннего восприятия¹ – я бы назвал “*социологическим учением об идолах*” мышления, созерцания и оценки. Эти социологически обусловленные “идолы” – нечто большее, чем просто заблуждения. Они касаются и того, *что* принадлежащий к тому или иному классу человек воспринимает из самого мира как еще наглядный материал, и тех *предметных форм*, в которых последний ему вообще *дается* (без особого искусственно направленного внимания и последующего сознательного осмысления).

Таким образом, они суть нечто гораздо более сильное, упрямое, навязчивое, чем совершаемые задним числом в воспоминании и суждении фальсификации наглядного восприятия мира, существование которых так охотно предполагает дешевый рационализм, не затрагиваемый социологией знания. На самом деле именно *сам* мир дан в *различном формальном рельефе* низшим и высшим классам, а также обоим классам, поскольку они переживают и осознают себя как “восходящий” либо “нисходящий” класс. Эти идолы передаются в классах *по традиции*, – так сказать, впитываясь с молоком матери. До этого момента теория знания экономизма полностью права. Заблуждение начинается только тогда, когда эти классово обусловленные системы идолов, во-первых, *отождествляются* с формами бытия и становления вещей, во-вторых, с предметно-значимыми формами мышления, созерцания и оценки, а потом о тех и о других судят по аналогии с категоризованными перспективами классовых интересов; в-третьих, когда их считают “необходимыми” не только в качестве мыслительных *склонностей* и созерцательных *побуждений* – каковыми они в действительности являются, – но и, кроме того, считают каузально необходимым, чтобы все принадлежащие классу индивиды *обязательно* следовали этим склонностям и побуждениям в над-автоматической сознательной *духовной* деятельности познания» [15, с. 190–191].

Если теперь из глубины столетней давности взглянуть на современную практику международных политических отношений, то выявленные Шелером «подсознательные склонности воспринимать мир преимущественно так или иначе» невольно проецируются на причины второй холодной войны, развязанной против России Западом, прежде всего Англией и США. Разница лишь в том, что Шелер писал о «классово обусловленных» склонностях, здесь же мы имеем дело со склонностями, обусловленными *колониально-имперскими* амбициями правящих элит западных стран, которые веками укоренялись в их *национальном менталитете*, приняв форму убеждения в собственной *исключительности* и *вседозволенности*. Разве не скрывалось за пресловутым «highly likely» премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, когда она раскручивала так называемое «дело Скрипалей», *традиционное англосаксонское лицемерие (cant)* [18; 13, с. 87–93], питаемое чувством *национального превосходства*? Что подкрепляло искреннюю убежденность английских политиков в своей моральной правоте, в праве судить и наказывать «санкциями» ни в чем не повинное суверенное государство и его народ, если не англосаксонская *идея избранности* с ее пуританской

¹ Шелер имеет в виду феноменологически-социологическое исследование «Об идолах самопознания» [17].

подоплекой? Не стоит ли за политической практикой США распространять свою юрисдикцию на все страны мира все та же, по сути расистская англосаксонская идея?

Неотъемлемой частью современной *социальной мысли России* благодаря семидесятилетнему советскому периоду отечественной истории стало марксистско-ленинское видение социализма. Речь идет прежде всего о понимании *социализма как переходной стадии от капитализма к коммунизму* в свете учения К. Маркса об «общественно-экономических формациях» в интерпретации В. И. Ленина в книге «Государство и революция» (1917) и Н. И. Бухарина в книге «Экономика переходного периода» (1920). За долгие годы большевистской пропаганды марксистские идеи настолько глубоко внедрились в сознание наших соотечественников, что и сейчас обычному человеку, далекому от философии, трудно от них дистанцироваться, тем более найти им альтернативу. Сегодня нам важно переосмыслить накопленный в XX в. идейный опыт, чтобы извлечь из него уроки и не делать ошибок завтра. Вот почему необходим критический анализ марксистско-ленинской компоненты нашего наследия, в котором она присутствует и тянет нас назад.

В плане этой задачи статья Шелера «Пророческий либо марксистский социализм?» полезна и поучительна во многих отношениях. Но обо всем в рамках статьи не скажешь. Наверное, главное все же заключается в том, чтобы вырваться, наконец, из идеологической ловушки марксизма и перестать видеть в социализме «формационную стадию» или «общественный строй». Пора, наконец, понять, что эвдемонистическая сциентистская эсхатология К. Маркса и Ф. Энгельса – *протестная диссидентская утопия*, вводящая низшие социальные классы общества в соблазн и прельщение, что их предсказания о грядущем коммунистическом рае на Земле, строящемся посредством *исторического «материализма» на диалектическом отрицании отрицания (экспроприации экспроприаторов)* как якобы *высшей науке*, не менее иллюзорны и потенциально опасны, чем визионерские конструкции Платона, Т. Мора, Ш. Фурье и др. Мало того, что диалектика – будь то у Гегеля или Маркса – не имеет ничего общего с наукой, позитивная наука может стать инструментом эмансипации человека вообще лишь при условии, если сама свободна от сциентизма как современной квазирелигии и управляется не технократами, лишенными культурно-исторической памяти, а людьми морально и социально ответственными.

Еще в 1878 г. Вл. Соловьев писал в статье, содержание которой вошло потом в «Критику отвлеченных начал», что между социализмом и капитализмом не существует принципиального различия. «Плутократия» (= капитализм) и ее альтернатива (= социализм) – это две стороны одной медали, ибо исходят из одного принципа: «Хлебом единым будет жив человек»¹. Шелер же, доказывая, что личность формирует приоритет духовного начала над материальным, душевного над телесным, при том, что все они образуют взаимообусловленное единство, вслед за Вл. Соловьевым возвращает нас к первоначальному, *социально-этическому*, значению термина «социализм», за которым стоят вечные *нравственно-философские* смыслы, возникающие из *духовного бытия* человека как *социального существа*.

Может ли «пророческий социализм» в том виде, в каком его предлагал Шелер, претендовать на то, чтобы стать одной из политических идеологий в современной России? Попытки возвращения христианско-социалистических идей на российской почве в 1990-е гг. успеха не имели. Дело не только в том, что в России слишком мало католиков и с тех пор

---

¹ В более развернутом виде эта аргументация представлена в «Оправдании добра» [19, с. 481–482].

прошло более 100 лет, но и в том, что современный российский народ в массе своей состоит из людей религиозно индифферентных, в Бога не верующих, а верующие в России не делятся, как 100 лет назад в Германии, в основном на католиков и протестантов, но исповедуют главным образом православие, а также ислам, буддизм, иудаизм и др. Надо сказать, что и сама религиозная вера, отношение верующих к заповедям, церкви, культуре и пр. – о какой бы конфессии в данном случае ни шла речь – стали сегодня другими, поскольку произошли радикальные изменения в образе жизни и мыслей людей. За последний век изменился сам характер религиозности.

Между тем в современной России не пропали ни искренняя вера в Бога, ни открытая для каждой индивидуальной личности возможность богопознания через откровение, ни философское осмысление религиозного опыта и возможность создания новых религиозно-философских идей, будь то на основе христианской традиции или традиций других конфессий. Большим и важным шагом стала разработка по инициативе Патриарха Кирилла и принятие на Архиерейском соборе 2000 г. «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Предметом этого документа являются «фундаментальные богословские и церковно-социальные вопросы, а также те стороны жизни государств и обществ, которые были и остаются одинаково актуальными для всей церковной Полноты в конце XX в. и в ближайшем будущем» [20]. Социальная концепция РПЦ создает предпосылки для ее сближения с российским обществом и государством, а политическим представителям последних позволяет лучше понять «вечные истины» Священного Писания и политику церкви.

Нужен ли нам сегодня *«православный социализм»*, как, по мнению Шелера, немцам был нужен *«католический социализм»* в 1919 г., или более целесообразно теоретически и практически развивать конституционную идею *«социального государства»*? Достаточно ли укреплено, с конституционно-правовой точки зрения, российское государство, чтобы удерживать владельцев крупных капиталов в границах, за которыми они превращаются в жестоких эксплуататоров природных и человеческих ресурсов, в глобалистски ориентированных *«игроков»*, готовых ради увеличения прибыли подрывать традиционные духовные скрепы российского общества? Оставим пока эти вопросы открытыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелер М. Мысли о политике и морали / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина. М.: МСЛ, 2020.
2. Scheler M. Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 259–272.
3. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.
4. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 2. 6. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und München: Francke Verlag, 1980.
5. Шелер М. Проблемы религии. К религиозному обновлению // О сущности философии. Работы разных лет / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 118–165.
6. Scheler M. Christlicher Sozialismus als Antikapitalismus // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 615–675.

7. Малинкин А. Н. Концепция феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019.

8. Шелер М. Социология знания и теория познания. Дополнения из рукописного наследия к «Проблемам социологии знания» // Проблемы социологии знания / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. С. 215–218.

9. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Дежжина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.

10. Малинкин А. Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Ч. 1 // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399.

11. Малинкин А. Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Ч. 2 // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 4. С. 137–169. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7647.

12. Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 7–217.

13. Малинкин А. Н. Германо-российские исторические параллели в свете политической философии и публицистики М. Шелера // Шелер М. Мысли о политике и морали / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина. М.: МСЛ, 2020. С. 79–131.

14. Scheler M. Von zwei deutschen Krankheiten // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 204–219.

15. Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.

16. Бухарин Н. И. Философские арабески // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 240–673.

17. Scheler M. Die Idole der Selbsterkenntnis // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 3: Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen und Aufsätze. 5. Aufl., Hrsg. von Maria Scheler. Bern und München: Francke Verlag, 1972. S. 213–292.

18. Scheler M. Zur Psychologie des englischen Ethos und des Cant. Anhang zu: Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 218–250.

19. Соловьев Вл. С. Оправдание добра. Нравственная философия / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.

20. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата обращения: 21.08.2021).

Информация об авторе.

Малинкин Александр Николаевич – кандидат философских наук (1990), ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия. Автор 70 научных публикаций и 28 научных переводов. Сфера научных интересов: история философии и социологии, история отечественной социальной мысли, социология знания, социология науки, социология культуры, социология наградного дела. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7169-110X>. E-mail: lo_zio@bk.ru

REFERENCES

1. Scheler, M. (2020), *Mysli o politike i morali* [Thoughts on Politics and Morals], Transl. by Malinkin, A.N., Moscow, MSL, RUS.

2. Scheler, M. (1986), "Prophetischer oder marxistischer Sozialismus?", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*, 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bouvier Verlag, Herbert Grundmann, Bonn, GER, S. 259–272.
3. Sheler, M. (1999), *Resentiment v strukture moraley* [Resentiment in the structure of morals], Transl. by Malinkin, A.N., Nauka, Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
4. Scheler, M. (1980), "Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 2*, 6. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bern und München, Francke Verlag, GER.
5. Scheler, M. (2020), "Problems of religion. Towards a Religious Renewal", *O sushchnosti filosofii. Raboty raznykh let* [On the Essence of Philosophy. Works of different years], Transl. by Malinkin, A.N., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, SPb., RUS, pp. 118–165.
6. Scheler, M. (1982), "Christlicher Sozialismus als Antikapitalismus", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*, Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 615–675.
7. Malinkin, A.N. (2019), *Kontseptsiya fenomenologii Maksa Shelera. Sheler v Gusserl* [Max Scheler's concept of phenomenology. Scheler v Husserl], Russkaya shkola, Moscow, RUS.
8. Scheler, M. (2011), "Sociology of knowledge and the theory of knowledge. Additions from the handwritten heritage to "Problems of the Sociology of Knowledge", *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge], Transl. by Malinkin, A.N., Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, RUS, pp. 215–218.
9. Scheler, M. (1994), "Man in the era of equalization", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Transl. by Denezhkin, A.V., Malinkin, A.N. and Filippov, A.F., Gnosis, Moscow, RUS, pp. 98–128.
10. Malinkin, A.N. (2020), "Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-Merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 1", *Sociological J.*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399.
11. Malinkin, A.N. (2020), "Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 2", *Sociological J.*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 137–169. DOI: 10.19181/ socjour.2020.26.4.7647.
12. Scheler, M. (1982), "Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*. Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 7–217.
13. Malinkin, A.N. (2020), "German-Russian historical parallels in the light of political philosophy and journalism of M. Scheler", *Sheler M. Mysli o politike i morali* [Scheler M. Thoughts on Politics and Morals], Transl. by Malinkin, A.N., Moscow, MSL, 2020. pp. 79–131.
14. Scheler, M. (1986), "Von zwei deutschen Krankheiten", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*, 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bouvier Verlag, Herbert Grundmann, Bonn, GER, ss. 204–219.
15. Scheler, M. (2011), *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge], Transl. by Malinkin, A.N., Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, RUS.
16. Bukharin, N.I. (2008), "Philosophical Arabesques", *Uzник Lubyanki. Tyuremnye rukopisi Nikolaya Bukharina* [A Prisoner of the Lubyanka. Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin], Moscow, AIRO-XXI, pp. 240–673.
17. Scheler, M. (1972), "Die Idole der Selbsterkenntnis", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 3: Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen und Aufsätze*, 5. Aufl., Hrsg. von Maria Scheler, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 213–292.
18. Scheler, M. (1982), "Zur Psychologie des englischen Ethos und des Cant. Anhang zu: Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*, Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 218–250.
19. Soloviev, V.I.S. (2012), *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [Justifying Good. Moral philosophy], in Platonov, O.A. (ed.), Institut russkoi tsivilizatsii; Algoritm, Moscow, RUS.

20. *Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church], available at: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (accessed 21.08.2021).

Information about the author.

Alexander N. Malinkin – Can. Sci. (Philosophy) (1990), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 5 bldg. 1, str. Bolshaya Andronievskaya, Moscow 109544, Russia. The author of 70 scientific publications and of 28 scientific translation works. Area of expertise: history of philosophy and sociology, history of Russian social thought, sociology of knowledge, sociology of science, sociology of culture, sociology of award affairs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7169-110X>. Email: lo_zio@bk.ru

Макс Шелер. Пророческий либо марксистский социализм?¹

Перевод с немецкого и комментарии канд. филос. наук А. Н. Малинкина

Вниманию читателей предлагается первый русский перевод статьи Макса Шелера (1874–1928) «Пророческий либо марксистский социализм?», которая была впервые опубликована в октябре 1919 г. в журнале «Хохланд» (Hochland) и в 1924 г. переиздана в т. III «Христианство и общество» «Сочинений по социологии и учению о мировоззрении» (т. I назывался «Moralia», т. II – «Нация и мировоззрение»). Немецкий философ и социолог выдвигает концепцию «пророческого христианского социализма» как средство политически-идеологического противодействия марксизму. Концепция выражает его религиозно-философские взгляды, развитые в более ранних работах, прежде всего в главном труде «Формализм в этике и материальная этика ценностей». Шелер сравнивает собственные взгляды на социализм, понимание истории, возможность предвидения исторических процессов со взглядами на эти реалии К. Маркса. Критика учения К. Маркса перемежается у Шелера с признанием его частичной правоты.

Max Scheler. Prophetischer oder marxistischer Sozialismus?

German philosopher and sociologist Max Scheler (1874–1928) puts forward the concept of “prophetic Christian socialism” as a means of political and ideological opposition to Marxism. The concept expresses his religious-philosophical views, developed in earlier works, primarily in the main work “Formalism in Ethics and Material Ethics of Values”. Scheler compares his own views on socialism, understanding of history, the possibility of foreseeing historical processes with the views of these realities of K. Marx. Scheler's criticism of Marx's teachings is interspersed with the recognition of its partial correctness.

В одном сочинении Генриха Пеша^{2*} под названием «Не коммунистический, но христианский социализм» (1918) есть такие слова: «Социализму марксистского толка, рвущемуся к господству, должна быть противопоставлена система другого, лучшего и практически реализуемого «христианского социализма». У нас, католиков, здесь огромное преимущество благодаря тому, что эта социальная система уже существует в готовом виде в нашей научной литературе». С первым предложением я согласен – но не вполне согласен со вторым. Да, начатки у нас есть, но никак не «система», которая была бы сопоставима с марксистской по своему формальному совершенству, укорененности в современной общественной действительности, а тем более по своей окрыляющей души притягательной силе.

Но не вызовет ли у многих глубокое сомнение уже одно лишь сочетание понятий «христианский социализм», к которому прибегает Пеш? Может ли нечто подобное вообще существовать и позволительно ли таковому быть? Во всяком случае, это сочетание понятий пока еще не стало общепринятым. Обычно католики рассматривают христианство и социализм как противоположности, исключаящие друг друга. Лев XIII^{3*} в своих знаменитых энциклопедиях, посвященных социальному вопросу, использует выражение «христианская демократия», а не «христианский социализм». В недавних пастырских посланиях немецких епископов оба слова употребляются также в противоположном смысле. Вот почему, если бы мы и решились сегодня прибегнуть к такому выражению и при этом не хотели следовать недостойной моде скрывать христианские принципы за теми привлекательными лозунгами

¹ Текст доклада (1919)^{1*}. Цифрами со звездочкой – 1*, 2*, 3*... – обозначены ссылки на комментарии переводчика, помещенные в конце перевода. – *Прим. перев.*

наших дней, которые особенно полюбились массам, мы должны были бы иметь на то куда более весомые основания, чем те, что заложены, как утверждает Пеш, в «существовавшей до сих пор католической науке». Конечно, для этого не надо предпринимать ревизию высших принципов воззрений на общество, государство, право, хозяйство, унаследованных нами от старых времен, однако требуется существенная и глубокая *ревизия их применения*.

Я долго колебался, назвать ли мое собственное воззрение «христианским социализмом»¹ или «солидаризмом», но решил выбрать первое, причем в определенном смысле. Здесь я хотел бы изложить как мои сомнения, так и доводы в пользу своего выбора. То, что сегодня среднестатистический немец при слове «социализм» сразу подумает о марксистском социализме германской социал-демократии, никак не мешает мне говорить о христианском социализме. Марксизм – только *одна* из разновидностей социализма, к тому же такая, которая на германской почве стала самой распространенной лишь перед началом войны. Хотя во Франции, Англии, Америке, Италии и России марксизм также имеет большое число сторонников, в этих странах у него много противников среди социалистов. К примеру, Жорес^{5*} был решительным противником материалистического воззрения на историю. Различные формы «революционного синдикализма» в Англии, Италии и Франции, равно как и английские фабианцы^{6*}, исходят из совершенно других философских и социологических принципов, чем Маркс. В России с давних пор существуют самые разные виды социализма, в том числе христианского. Так что наше словоупотребление в том, что касается общей христианской *программы действий*, нам следовало бы формировать с учетом *международных фактов*.

Но и в нашей стране стало значительно меньше причин понимать под социализмом только марксистскую систему. При этом в первую очередь я имею в виду даже не так называемый ревизионизм, который под руководством Бернштейна^{7*} еще задолго до войны порвал как с философскими основами марксизма, так и с рядом его социально-экономических и философско-исторических принципов, поскольку в философском отношении возвратился к Канту, отказался от доктрины обнищания и усиливающейся пролетаризации, в ее марксистском понимании, и, хотя сохранил учение об агломерации предприятий во все более могущественные предпринимательские корпорации, тем не менее, отверг теорию концентрации [капитала] и теорию краха, как и теорию разрастания так называемых кризисов, а также не принял перенос марксистских учений на сельское хозяйство. Этому направлению я уделяю меньше внимания, ибо, как мне кажется, такой либеральный социализм имеет мало будущего и удален от идейного мира христианского социализма еще больше, чем марксизм, по крайней мере, из-за своих философских основ.

Но куда большее значение имеет тот факт, что в результате войны и революции сам марксизм претерпел глубочайшие потрясения, и социалистическое мышление, равно как социалистическая практика, оказались в тяжелейшем кризисе – в кризисе, который пока еще только начинается, но будет усугубляться по мере того, как марксистско-социалистически мыслящие классы и их вожди будут призваны *участвовать* в руководстве и *правлении* общественными делами. Марксизм – это *типичная идеология угнетенных и критическая протестная идеология*^{8*}; чем больше она будет отклоняться от своего социологического условия, тем скорее марксизм как таковой начнет исчезать. Серьезные *практические* проявления

---

¹ См. в связи с этим также небольшую работу Й. Пленге под названием «Христианский социализм» в книге «Христианство и социализм», Лейпциг, 1919^{4*}, характеризующую мои взгляды.

этого кризиса – существенные партийные размежевания внутри старой социал-демократии во всех странах и возникшие вследствие них новообразования (например, у нас это «социалисты большинства», «независимые», «Спартак»^{9*}). В *теоретической* области – это ряд важных произведений, книг. Работа социалистического мышления взрыхлила всю социалистическую мысль от Платона до Маркса и Лассаля^{10*} (тогда как до войны придерживалась Маркса) и превратила ее в один большой живой поток со множеством русел, так сказать, в новую расплавленную массу, из которой постепенно начнут образовываться значимые для будущего социалистические идеологии. Убедительным свидетельством тому являются сочинения Реннера^{11*}, Гильфердинга^{12*}, Ленша^{13*}, В. Ратенау^{14*}, М. Адлера^{15*}, Р. Гольдшайда^{16*}, трехэтапные битвы за интерпретацию Маркса между «социалистами большинства» и «независимыми», с одной стороны, между Каутским^{17*} и Лениным-Троцким, с другой, – битвы, которые, хотя и преподносят себя еще как «битвы интерпретаций», *de facto* суть нечто большее, чем вопросы истолкований. Во всяком случае, в такое время, когда идеологии различных частей так называемого четвертого сословия (по-моему, сейчас мы должны говорить уже о шести или семи сословиях) находятся в процессе становления, а некогда твердая, как сталь, догматика марксизма почти вся разбита, нет никакого резона, просто следуя исторической инерции, понимать под «социализмом» только марксизм Эрфуртской программы^{18*}. Зато резонно поставить вопрос: почему в мире, в котором известная мера социализма начинает предполагаться как нечто само собой разумеющееся в составе *общего воззрения на мироустройство* и споры ведутся лишь о *виде и направлении* социализма, не говорить также о «христианском социализме»? Разве у нас есть лишь одно право – принципиально отказаться от участия в формировании мира социалистических идей из-за того, что слова «христианский» и «социализм» мы обычно употребляем как взаимоисключающие? К тому же вести речь о «марксистском социализме», собственно говоря, неправильно. Маркс – коммунист. Его первое программное произведение называется «Коммунистический манифест». Последний содержит в себе уже *in nuce*^{19*} все его более поздние доктрины.

Впрочем, само по себе это положение вещей в позитивном смысле еще не решает вопрос, имеем ли мы право говорить о «христианском социализме». Оно лишь *дозволяет* это делать, поскольку бессмысленно приравнивать социализм к марксистскому коммунизму. Однако оно должно этого *требовать*, если в позитивных христианских принципах человеческого общежития заключен завет признать «христианский социализм» либо если признание такового лежит хотя бы в допустимых границах этих принципов. Следует поставить вопросы о том и о другом.

Понятие «социализм» лучше всего проясняется через его противоположности. Среди них выделяются три: «индивидуализм», «либерализм», «капитализм». В науке наибольшую значимость имеет противоположность «социализм – индивидуализм», во внеучной практике более значимы две другие. С чисто логической точки зрения, «социализм» противоположен прежде всего «индивидуализму». У всех такого рода слов можно найти двоякий смысл: *сущностно-понятийный* и *исторически-временной*. Либо они означают *вечные принципы* воззрений на человеческую общность, как, например, в аристотелевском учении «человек изначально есть политическое животное», или в индивидуалистической так называемой теории договора, восходящей к Эпикуру, которую развивало современное революционное естественное право вплоть до Руссо и Канта. Либо они означают *исторически относительные требования*, которые – поскольку они исходят из какой-либо позитивной идеи

о том, какой должна быть человеческая общность, какой может быть та или иная общность в будущем, – противопоставляют общественным фактам определенной эпохи, чтобы преобразовать реалии в соответствующем направлении. В зависимости от того, в каком смысле слово употребляется, в первом или во втором, у нас будет не равное право говорить о «христианском социализме».

Сначала я спрошу: есть ли у нас право, причем право *принципиальное*, говорить о «христианском социализме» в том смысле, когда он понимается как *исключительная противоположность индивидуализму*? Со всей категоричностью отвечу: нет! Поскольку человеческая личность есть не простая определенность взятых каким-то образом универсальных реалий (субстанция, процесс мышления, хозяйственный процесс), но *индивидуально-субстанциальное* духовное бытие – бытие бессмертное, стремящееся к вечным целям, которые выходят за пределы всякого земного бытия, всех земных сообществ и их истории, – постольку любой принципиально *анти-индивидуалистический* социализм является учением, *противным* христианству. Принципиальный социализм как мировоззрение есть лишь возможное следствие того или иного монизма. А теперь спросим: почему бы духовному индивидуализму не соединиться с *политическим* всевластием государства или *экономическим* коммунизмом? Казалось бы, религиозный субъект, гражданин государства, экономический субъект – это все разные вещи. Но и здесь мой ответ: нет! Разделение их возможно только при условии ложного дуалистического воззрения на связь человеческого тела (Leib) и души, в смысле Платона, Канта или Декарта. С философской точки зрения, это воззрение ошибочно, и церковью оно также отвергнуто. Тело человека принадлежит его душе *сущностно-необходимо*, а вовсе не случайно. Хотя фактическая земная телесность нашего физического тела (Körperleib) *realiter*^{20*} и случайно разделима в смерти, сущностное отношение «принадлежности» тела душе этим, однако, не упраздняется. Пока и поскольку душа фактически обладает земным человеческим телом в его возможно более невредимом состоянии, постольку тело принадлежит этой душе, а телу, в свою очередь, принадлежит окружающая среда (Umwelt), которой личность распоряжается свободно и беспрепятственно, так же, как в ее пределах – всеми находящимися в ней вещами. Из этого фундаментального положения проистекают все определенные так называемые *естественные права* человека: право на существование, необходимую оборону, право на труд и т. д.; в том числе также право на собственность вообще и частную собственность, но право на частную собственность – лишь постольку, поскольку речь идет о непосредственно используемых и потребляемых вещных ценностях, равно как о средствах производства для их изготовления, с которыми в то или иное исторически изменчивое время связана выработка минимума благ, необходимого для сохранения каждого человека и его семьи, ее здоровья и существования. Государственный и общественный порядок, который хочет устранить частную собственность в этих сущностных границах, противен христианству, следовательно, таковым является и порядок, желающий обобществить (kommunisieren) все средства производства. Но, с другой стороны, не всякий собственнический порядок, разрешающий или признающий возможной собственностью на вещи за этой сущностной границей, поскольку он существует лишь в силу изменчивого позитивного права, существует и обладает значимостью поэтому уже в силу естественного права. Естественное право – всего лишь рамочное право, и никогда нельзя выводить или конструировать из него право позитивное. В одном только естественном праве нельзя найти

ответы на все преследующие нас сегодня вопросы. Между тем граница, разделяющая естественное право и тезис об обобществлении всех средств производства, абсолютно четкая: последний несовместим с христианским учением.

Но имеем ли мы поэтому право считать себя *принципиальными индивидуалистами*? Мой ответ: в такой же малой степени, как и принципиальными социалистами. Мы отвергаем индивидуалистическую теорию договора в любой ее форме. Мы отвергаем также фундаментальное протестантское воззрение, сформулированное недавно Эрнстом Трельчем в его «социальных учениях»^{21*}, согласно которому христианская заповедь братской любви, как и спасительной любви к ближнему, первична якобы в меньшей степени, чем заповедь спасения самого себя, а именно отвергаем в первую очередь *следствие* из этого воззрения, понимаемое так, будто любовь к ближнему есть лишь одно из средств спасти себя пред Богом или заслужить Его благосклонность. Тем более ложно всякое учение, которое отрицает существенные связи отдельного человека с общностью либо отрицает человеческую духовность (религиозного или культурного субъекта в человеке) и, таким образом, утверждает существование только *фактических* отношений, ввергает все земные общности природной каузальности и религиозно ценит лишь одну отдельную душу. Человек же, скорее наоборот, *изначально* имеет *чисто социальные* обязанности и права во всех областях социальной жизни, имеет их также в силу религии и в силу социальной формы религии, церкви, – причем как те, что касаются земного спасения его собратьев, так и те, которые относятся к их вечному спасению. Таким образом, религия – это ни в коем случае не «чисто приватное дело». Точно так же, как человек несет ответственность за каждое свое свободное деяние перед самим собой, он уже в силу естественной морали и естественной религии изначально *со-ответственен* за единое целое общности, членом которой он в той или иной мере является. В глубине своей самости – прежде, чем он узнает, за что и перед кем ответственен в частности, – человек сознает себя соответственным за целое нравственного космоса вообще, так что в силу этого изначально знания¹, первичного в не меньшей степени, чем знание о своем собственном духовном существовании и ответственности перед самим собой, его долг – снова и снова познавать всю полноту того, кому он также может быть чем-то обязан.

Должны ли мы теперь сказать, что христианские принципы в том очищенном виде, в каком я их только что представил, лежат «посередине» между социализмом и индивидуализмом? Ни в коей мере. Между полюсами ложной противоположности не может быть и верной «середины». Надо целиком ее отвергнуть, отбросить полностью. Все иное – оппортунизм. Сформулированное впервые святыми отцами классическое христианское корпоративное учение, в основе которого лежит идея церкви, отношения одной отдельной души к себе самой, к Богу и церкви, к центральным истинам веры (все пали «в» Адаме, все будут исцелены и спасены во Христе; Христос добровольно взял на себя телесный грех всех – *totum peccatum erat*^{23*}, как говорит св. Павел, – и в этом богочеловеческом Главе (Haupt) все члены одной человеческой общности уподобятся божеству), – это учение содержит в себе нечто свое, первичное, оригинальное, то, что должно как бы в ослабленной мере духовно вливаться в каждую общность и в каждое воззрение на общность, включая экономическую. Это

¹ См. в связи с этим мою теорию познания, изложенную в разделе С «О чужом Я» книги «Сущность и формы симпатии»^{22*}.

учение в принципе равно удалено от социализма и индивидуализма, от доктрин Аристотеля и Эпикура, от индивидуалистической теории договора и от воззрения, согласно которому каждый в отдельности, будучи членом, частью, модусом некой общности, растворяется в ней, – в мировом Логосе, как у Гегеля, в потоке хозяйственного развития, как у Маркса; оно столь же далеко от либерально-индивидуалистического учения, от так называемой органической концепции общности и государства, как оно в конечном счете совершенно чуждо и германской корпоративной доктрине^{24*}. Постепенно мы все больше и больше утрачивали истинное понимание этого учения, так что сегодня способны узреть его правоту лишь как «золотую середину» меж двух заблуждений, вместо того, чтобы видеть в нем не то, что одинаково близко обоим, индивидуализму и социализму, а то, что от них одинаково и бесконечно далеко. Ядром этого корпоративного учения является идея *взаимной реальной солидарности всех со всеми*¹, всех за каждое целое в заслуге и вине и во всех вытекающих из них последствиях, несмотря на самостоятельную индивидуальную субстанциальность каждой души, – идея совершенного взаимопроникновения ответственности перед самим собой и со-ответственности в каждой душе и в каждой меньшей общности по отношению к большей охватывающей ее общности (со-ответственности семьи за народ, народа – за нацию, нации – за культурный круг, культурного круга – за человечество, человечества – за царство всех конечных духов). Эта солидарность не имеет ничего общего с тем, что на языке социалистов часто именуют «общностью интересов», соответственно, чувством и волей, возникающими вследствие осознания общности интересов².

Таким образом, в этом *принципиальном вопросе нет никакого* христианского социализма. Если мы имеем право говорить о «христианском социализме» как антитезе индивидуализму, то речь о нем должна идти только в *исторически-временном, практическом* и относительном смысле. Сразу хотел бы добавить, что в этом определенном мной смысле и Маркс – вовсе не «принципиальный социалист», правда, не потому, что он признал какую-то вечную истину, подобно тому, как христиане признали свой корпоративный принцип или как либералы – свою теорию договора, а потому, что как исторический релятивист он вообще отрицает «вечные истины». Он также – лишь исторически-временной социалист, хотя и в особой форме «астрономического» социализма, способного, как ему кажется, научно предсказать пришествие социализма.

На вопрос «*Можем и должны ли мы также называть себя исторически-временными христианскими социалистами?*» я даю такой же ясный ответ «да!», каким был ответ «нет!» на предыдущий вопрос. Если сопоставить христианское корпоративное учение с исторической действительностью последних столетий, возникает вопрос: в каком направлении эта действительность больше отклоняется от своего высшего идеального мерилла – в сторону социализма или индивидуализма? Надо ли, желательно ли делать ее более соответствующей идее христианской общности, а не идеям социализма или индивидуализма? Надо ли, желательно ли практически корректировать ее в большей мере в направлении освобождения

---

¹ Здесь я не могу не сослаться на мою книгу «Формализм в этике и материальная этика ценностей», в которой попытался развить и строго обосновать это учение чисто философски и совершенно по-новому. Его наиболее глубоким теологическим изложением я считаю книгу М. Шебена «Мистерии христианства» (Фрайбург, 1912)^{25*}, особенно там, где он изображает Христа в центре вселенной.

² Чтобы хоть немного проникнуть в глубины этой темы, нужно написать отдельную книгу. На разных университетских лекциях и семинарах я детально разработал три *фундаментальных* социально-философских принципа: социализм – индивидуализм – солидаризм.

индивидуума либо в направлении его большего связывания посредством нравственных и правовых сил общественной жизни? На это я отвечаю: надо корректировать в направлении нового и более сильного *связывания*, причем вопрос «что должно связывать?», т. е. вопрос о *способе* связывания, например, должно ли оно быть идущим изнутри, этическим или идущим извне принудительным, следует пока отложить. Нет сомнения в одном: история европейского Запада при ее сравнении с христианской корпоративной идеей пошла с XV в. по ложному пути, увлекаемая в большей мере, чем социалистическими тенденциями, своими усилившимися до крайности тенденциями индивидуалистическими (член семьи против семьи, совесть отдельного верующего против церкви, нация против наднациональных общественных форм, индивидуум как хозяйствующий субъект против своего сословия и т. д.). Если у нас так же мало оснований считать, что социалистические тенденции родились из христианской веры, как и оснований полагать, будто из нее возник индивидуализм во всех его формах, и первые мы можем рассматривать в конечном счете как противоядие индивидуализму, а не как нормальное питание человека, то все же практикующему христианскому врачу обществу как социальному терапевту больше подобает называть себя по имени *того* движения, которое является носителем противоядия. В этом смысле можно говорить также о «христианско-педагогическом социализме», или *человечественно-педагогическом* (*menschheits-pädagogische*).

Каким должен быть тип нашей практической исторически-временной социалистической установки?

Назову сначала четыре основных типа установок:

1. Установка на *утопический* социализм, апеллирующий через моральную проповедь и рациональные технические предложения к господствующему классу, чтобы сподвигнуть его или отдельных, так сказать, социальных меценатов на добровольную реализацию сформированного в той или мере социалистического принципа, происходящую часто в виде эксперимента, путем создания некоей образцово-показательной общности. К этому типу относятся, например, Оуэн^{26*}, Фурье^{27*}, Кабе^{28*}, Вейтлинг^{29*}, Брандтс^{30*}, Аббе^{31*} и др., в настоящее время – В. Ратенау¹.

2. Установка на *реально-исторический*, так называемый «научный социализм» Карла Маркса, который утверждает, будто социализм придет с естественной неотвратимостью, ибо является необходимым следствием развития истории всего человечества, в особенности современного буржуазного общества.

3. Установка на *романтический*, реакционно-феодальный социализм, сторонники которого хотят сохранить или восстановить остатки средневековых отношений собственности. Это как бы утопия на пути назад. Об этой форме христианского социализма хорошо сказал Маркс: «Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь – наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого – наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории»².

4. Установка на *практически-реформаторский* социализм (катедер-социализм, социализм христианских социальных проповедников обеих конфессий, а также социалистических

¹ См.: В. Ратенау. «О грядущих вещах». Берлин, 1917 г.^{14*}

² См.: «Коммунистический манифест», раздел III^{32*}.

ревизионистов). Его сторонники намерены лечить болезни общества, порожденные крайностями либерально-капиталистического порядка, выполнять, так сказать, злободневную работу, но в принципе хотят сохранить этот капиталистический порядок, поскольку он, как им кажется, пусть и не христианский, но все-таки не находится в явном антагонизме к заповедям христианской жизни. Немецкая католическая наука и движение в Мюнхен-Гладбахе^{33*} по сути пока еще не вышли за рамки этого типа христианского социализма. В особенности мюнхен-гладбахское направление представляется мне движением католиков, которые по своим общественным воззрениям и принципам мало чем отличаются от социал-демократических ревизионистов и «социалистов большинства», а если и отличаются, то в лучшем случае – в степенном отношении. На мой взгляд, это не христианско-католическое социалистическое направление, т. е. не такое, которое, исходя из христианско-католического духа, нашло новую идеологию и выработало новую программу.

Я отвергаю все четыре типа в пользу формальной установки, которую называю в рассматриваемом здесь аспекте *пророческим христианским социализмом*. В чем сущность пророческого социализма и чем он отличается от описанных выше четырех типов? Но сначала: что означает «пророческий» и что такое «пророк»?

Пророк, в отличие, например, от морализирующего утопического социалиста, не говорит: исходя из вечных идей, должно быть так или иначе; он скорее целиком и полностью озабочен *конкретной* исторической *действительностью*, а именно тем, чтобы она формировалась в духе вечных законов разума и согласно божественной воле. Точно так же пророк не хочет что-либо «предсказывать» в том смысле, в каком наука стремится «астрономически» предсказать будущее состояние или будущий процесс на основании известных законов природы или так называемых законов исторического развития. Христианин вообще не может признать так называемые исторические законы, позволяющие делать астрономические предсказания будущих общественных состояний, ибо настаивает на *свободе* человеческой личности даже тогда, когда признает, что диапазон человеческой свободы сужается в той мере, в какой человек все чаще действует как масса, а не как отдельное лицо, и в той мере, в какой «история» уже прошла¹. В лучшем случае он может спросить: что произойдет, если мы будем искусственно *игнорировать* моральное разнообразие воли и действий отдельных человеческих личностей? Уже поэтому «астрономический» социализм в духе Маркса для него заведомо неприемлем. Но даже если бы предсказания исторических процессов и были допустимы, существовало бы строгое различие между пророком и желающим делать такие предсказания ученым. Во-первых, из-за материала, с которым пророк имеет дело, – *неповторимое, никогда не возвращающееся* событие в истории; т. е. это не та сфера, где имеют место правила и повторения одного и того же. Во-вторых, поскольку пророк принадлежит культурному кругу Ветхого и Нового Завета, он никогда не передаст *абсолютное* видение будущего. Ибо это противоречило бы вере в Бога, который как изначально свободная личность не только создал мир, но и сохраняет его, управляет и правит им; который может изменить любое будущее событие на основании отношения человеческих личностей к нему и его заповедям. Так что пророк по природе своей не может делать абсолютные предсказания.

---

¹ См. в связи с этим мои размышления об исторической закономерности в томе IV этих «Сочинений...»: «К философии истории»^{34*}.

Он может делать только *условные* предсказания – а именно обусловленные свободным морально-практическим и религиозным отношением людей, к которым он обращается. Да, пророк говорит: «Я вижу, что это произойдет и что это должно произойти», но добавляет: «Если вы, люди, добровольно не переменитесь, если Бог не изменит все к лучшему, сделав так, чтобы вы переменились».

Когда в этом смысле я говорю о «пророческом социализме», то подразумеваю, что христианский социалист должен занять внутреннюю позицию по отношению к настоящему и будущему обществу, аналогичную позиции пророка, хотя здесь идет речь не о религиозных вещах, с которыми имели дело настоящие пророки, но о вопросах человеческого общежития. Эта позиция представляется мне схожей с позицией ветхозаветных пророков еще в одном отношении: христианский социалист развивает идею о наступлении христианского социализма, исходя из *исторической действительности* и с тем условием, что, если человечество не переменится в духе христианского социализма, то придет нечто значительно худшее – противный христианству принудительный коммунизм. В противоположность Марксу пророческий христианский социалист признает *неповторимость исторического становления* и *свободу* человека. Но в то же время он знает: Бог деятелен не только в духе и воле человека, что может признать и утопический социалист, – Бог, его вечный промысел, его управление мирозданием активно воздействуют на необходимый ход истории этого мира. Он знает также: диапазон свободы человека и всего, что находится в сфере его влияния, уменьшается, сужается, если речь идет о судьбах целых народов и тем более культурных кругов¹. Да, в отличие от Маркса, он, как утопист и как выступающий за реформы социалист, проповедует мораль, однако выше собственной проповеди, обращенной к человечеству, он ставит ту *объективную проповедь исторических катастроф*, влекущих за собой кровь и нищету, в которой передает услышанное им слово Божье, обращенное к людям. Христианский социалист ведет себя как «пророк», потому что его слух способен улавливать это предостерегающее слово Божье, всякий раз различая его в шуме настоящего времени *исторической действительности*, потому что в этой действительности он способен увидеть нечто большее, чем сумму отдельных ограниченных случайных фактов, а именно – *духовную взаимосвязь тенденций*, которая влияет на них и еще только начинает разворачиваться дальше в совершенно определенном зримом направлении.

Если сравнить эту установку с четырьмя ранее упомянутыми, то в глаза бросится ее резкое *отличие*. Утопический социализм вырос из неисторического, даже антиисторического образа мыслей революционного естественного права эпохи Просвещения. Он, как и его современные наследники, например, революционные синдикалисты или совершенно в другом смысле В. Ратенау, действительно, верят в свободу человека, но это свобода автономного, считающего себя всемогущим субъекта, вырванного из всех общностных уз и мирового процесса, направляемого промыслом Божиим. Тем социалистам, которых я назвал «утопистами на пути назад», тем христианским феодалам, что описаны Марксом в «Коммунистическом манифесте», – им тоже из-за их исключительно реакционного духа недостает внимания к участию Бога в истории. Вот почему их теория, как и практика, останутся всего лишь пустой прихотью. Будучи не в состоянии отделить вечные элементы христианского

¹ См. в дополнение к этому мои размышления о свободе в истории в томе IV «Философия истории»^{34*}.

учения об обществе от временно-исторических, они отягощают само христианское мировоззрение поверхностными, отжившими констелляциями. Это они дали косвенный повод тому, чтобы французские позитивисты (Сен-Симон^{35*} и Конт^{36*}) создали учение – воспринятое от них и Марксом, – согласно которому все совокупное строение мира католических идей (включая догматику и философию) есть не более, чем идеальная компонента или идеальная надстройка к фундаментальным фактам хозяйственной и политической жизни средневековой феодальной эпохи. Поэтому и в немецком романтизме, шедшем тем же путем, мы не находим ничего существенного, что могло бы пригодиться для построения нового христианского социализма. Таким людям, как Адам Мюллер^{37*}, Фридрих фон Шлегель^{38*}, которые в политическом отношении были ориентированными легитимистски, в духе так называемого Священного альянса^{39*}, в философии, теологии и действовавшем тогда праве – традиционалистски, которые были настроены не только против революционного естественного права, но и против классического христианского, – им нечего нам сказать о социализме.

Христианский пророческий социализм радикально противоположен основной установке *Маркса*. Впрочем, у них общее негативное отношение к утопическому социализму, поскольку и христианский социалист стремится выработать свои цели из глубокого и полного воззрения на историческую действительность и пытается философски-исторически осмыслить ее в особой идеологии. Поэтому христианский социализм также имеет право называть себя «исторически-реалистическим». Вместе с Марксом он также находит в классической социологии и национальной экономии английского либерализма Адама Смита^{40*} и Рикардо^{41*} и в том, что, к примеру, Мальтус^{42*} преподносит как естественный закон, вовсе не основанные на индукции эмпирические законы, а всего лишь искусственные *абстракции* (об их искусственности отцы этой философии хозяйства даже не догадывались); но пусть и с такой методологической ограниченностью они для него – только исторически относительные законы *западноевропейского* человечества на эволюционной стадии буржуазного приобретательского общества, каким оно постепенно сформировалось с XV–XVI вв.

Да, общим у христианского социалиста с Марксом является то, что они оба отвергают утопический социализм и утопический социализм наоборот, т. е. феодальный, реакционный. Но в противоположность Марксу христианский социалист вырабатывает свою программу не посредством астрономического предсказания, а в совокупном созерцании (*Zusammenschau*) того, какие требования проистекают из принципов разумного и христианского социальных учений, христианской этики или естественного права *вкуне* с требованиями жизни, которые он, прибегая к методологии пророческого типа, усматривает в хаосе исторической жизненной действительности на основе философски фундированного учения о «порядке исторических каузальных факторов»¹. Насыщаясь созерцанием социальной действительности, которую он не только холодно обсчитывает и вычисляет, но и стремится в высоком душевном порыве всесторонне охватить и симпатически в нее проникнуть, христианский социалист вместе с тем корректирует свою программу по тому масштабу, который находит не в истории, но в вечных идеях добра и зла, правды и неправды. Маркс вообще отрицает эти идеи. И когда волны исторической действительности, в становлении и бытии которой христианский социалист усматривает руку Господа – иногда приглашающую к

---

¹ См. об этом мою «Философию истории» в т. IV этих «Сочинений»^{34*}.

тому, чтобы развить данное, иногда предостерегающую от того, что́ может наступить, если не сопротивляться, – когда кажется, что эти волны словно прикасаются к вечным христианским принципам или движутся к ним целенаправленно, тогда он выискивает точки, где ему необходимо практически приложить свою руку.

Но еще более глубокое различие пролегает между христианским пророческим социализмом и *марксизмом*. Правда, христианский социалист, как и Маркс, считает, что в исторической действительности Западной Европы последних веков наблюдаются живые тенденции к принудительному коммунизму, подготовленные *либерализмом* и *капитализмом*, которые стали своего рода наследственной виной прошедших столетий. Он согласен с Марксом в том, что касается оценки фактов, – как в этой констатации, так и в воззрении, что специфически современная история во все возрастающей мере движима не идеями, но экономическими импульсами человеческих масс. Он даже готов помочь в отражении атак его противников, особенно тех, которые оспаривают тенденции к коммунизму и истолковывают современную историю в духе постоянно прогрессирующей теофании^{43*} (Гегель). Но будучи далек от того, чтобы в этих фактах – в тенденции к коммунизму и в том, что история буржуазной эпохи, т. е. эпоха буржуазного типа, движима по преимуществу экономическими факторами, – видеть *необходимый* результат *универсально-исторического* развития человечества, христианский социалист усматривает в этом *измену европейского человека* своему предназначению и истинному предназначению человека вообще, коренящуюся в первоначальной *свободной* вине, в относительной наследственной и совокупной вине. В фактических тенденциях к принудительному коммунизму он видит не приближающийся рай на земле, а наказание Божье, угрожающее человечеству, отпавшему от своего предназначения, если оно свободно не обратится к христианскому социализму. В движениях новейшего времени, в той мере, в какой они действительно соответствуют марксистским законам, христианский социалист видит *декаданс* Европы и угрозу культурной смерти Запада, а вовсе не прогресс и не все более высокое развитие так называемого человечества – либерализм и капитализм не имеют с человечеством ничего общего, так как выросли только на западно-европейско-американской почве. К тому же с логической точки зрения Маркс не имел ни малейшего права выдавать за «прогресс» исторический процесс, движимый только слепой экономической каузальностью. Это умонастроение он безотчетно перенял у Гегеля. Но у последнего это умонастроение оправдано, по крайней мере, внутри его системы, ибо, согласно Гегелю, божественная идея разворачивается в истории сама по себе, – у Маркса же оно лишено всякого оправдания.

Получается, что христианский пророческий социалист, так сказать, – пророк несчастья, а не пророк счастья, как Маркс. И еще в одном отношении он похож на пророков несчастья Ветхого Завета и вообще таких времен, когда высоко развитый человек распознавал симптомы тенденций упадка, умирания культуры. Пророки Ветхого Завета много говорили об «оставшихся» набожных, благочестивых людях, которые и в гибельное время сохраняли иудейскую веру и из которых должен был родиться мессия. Эта идея «остатка» есть нечто большее, чем только ветхозаветное представление. С типичной необходимостью она возвращается как *социологическая форма мышления* лучших там и тогда, где и когда какая-то культура собирается сойти в могилу. «*Λάθε βίωσας*» («Живи незаметно»^{44*}), говорили стойки, предчувствуя гибель Древнего мира. Св. Бенедикт^{45*} переехал из Рима в Субьяко, потому

что в «вечном городе» ему постоянно мешали вести христианский образ жизни, а в монашестве вместе с идеалом христианского совершенства сохранились и благородные остатки античной культуры, растоптанные временем за пределами монастыря.

Вести праведный образ жизни – долг христианина, и он не относительный, но *абсолютный*. Если культурная среда общества изменилась настолько, что праведный образ жизни больше невозможен, христианин из любви к Богу обязан оставить эту среду, т. е. должен «удалиться от мира». Во время упадка культур великих мировых эпох человек, который хочет остаться верным Богу, оказывается перед тяжелейшим выбором: идти вместе с миром, чтобы разумно его преобразовывать, – либо удалиться от него, чтобы сохранить те высшие ценности, которые еще есть в старом мире, спасти их от гибели в пропасти, куда их грозит увлечь за собой история общественной жизни. Христианскому социалисту, так как его идеология содержит гипотезу о декадансе современного мира и закате капиталистической эпохи, не чужды размышления о такой альтернативе, чего не скажешь о большинстве довоенных немецких католиков с их культурным оптимизмом и верой в прогресс.

Прошу понять меня правильно. Христианский социализм далек от того, чтобы отрицать общий закон прогресса человечества, и я считаю его одной из прочных истин христианской философии. Если бы христианский социализм отрицал его, то какой смысл был бы в спасении ради последующего «лучшего» мира всего ценного, чему угрожает варварство принудительного коммунизма? Он лишь исходит из гипотезы, что над европейской культурой нависла «угроза» деградации – разумеется, не в смысле природной необходимости, – что эта угроза существует, пока европейский человек не переменится. Но христианскому социализму этого достаточно, чтобы выработать *существенно* иную установку в отношении настоящего и будущего времени, чем та, что была до сих пор у немецких католиков.

КОММЕНТАРИИ

^{1*} Статья Шелера «Пророческий либо марксистский социализм?» была впервые опубликована в октябре 1919 г. в журнале «Хохланд» («Hochland») и в 1924 г. переиздана в т. III «Христианство и общество» «Сочинений по социологии и учению о мировоззрении» (т. I назывался «Moralia», т. II – «Нация и мировоззрение»). О предыстории написания статьи см. комментарий 4*. Перевод выполнен по изданию [1].

^{2*} Генрих Пеш (нем. Heinrich Pesch) (1854–1926) – немецкий католический философ, экономист, теоретик солидаризма. Автор работ «Либерализм, социализм и христианский общественный порядок» в 2 т. (1900), «Учебник национальной экономики» в 5 т. (1905–1923), «Социальная пригодность церкви» (1911), «Этика и народное хозяйство» (1918) и др.

^{3*} Лев XIII (1810–1903), Папа Римский с 20 февраля 1878 г. до 20 июля 1903 г. Автор 88 энциклик. В энциклике *Reverentiarum* («Новые веяния») от 15 мая 1891 г. впервые были сформулированы тезисы социальной доктрины Римско-католической церкви. В ней рассматривался и «рабочий вопрос»: отношения между правительством, рабочими, собственниками и католической церковью. Папа поддержал право рабочих создавать профсоюзы, подтвердил право на частную собственность, но отверг социалистическую идеологию. Энциклика *Reverentiarum* стала основополагающим документом для христианской демократии. Многие ее положения были дополнены энцикликами Пия XI «*Quadragesimo Anno*» (1931), Иоанна XXIII «*Mater et Magistra*» (1961) и Иоанна Павла II «*Centesimus Annus*» (1991). См. текст энциклики «Новые веяния» в современном переводе В. И. Рабиновича [2].

^{4*} Ссылка Шелера не совсем точна: имеется в виду брошюра объемом 47 страниц Йоганна Пленге «Христианство и социализм. Об одном докладе Макса Шелера», которая вышла отдельным изданием в 1919 г. В ее основе лежит лекция, с которой Пленге выступил 11 апреля 1919 г. в университете Мюнстера (Вестфалия). Переписка Пленге с Шелером в 1919 г., изданная Бернгардом Шеферсом [3], свидетельствует о том, что Пленге пригласил Шелера в Мюнстер выступить 8 и 9 апреля 1919 г. с докладом из двух частей на тему «Что такое христианский социализм?». Приглашение было принято и доклад состоялся. Мария Шелер отмечает, что между 1919 и 1923 гг. темы «Индивидуализм, социализм, солидаризм. Основные черты социальной философии», «Солидаризм. Основные черты социальной философии» (включавшей философию истории), «Формы социализма и христианство» были темами лекций и семинаров Шелера в Кельнском университете [4, S. 405].

Таким образом, лекция Пленге была прочитана через два дня после лекции Шелера, их последующей встречи и беседы. Здесь важно упомянуть тот факт, что ранее Шелер опубликовал рецензию на книгу Пленге «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа» (1916). Рецензия под названием «1789 и 1914» была впервые опубликована в «Архиве по социальным наукам и социальной политике» в декабре 1916 г. и переиздана в т. 4 «Собрания сочинений Макса Шелера» под редакцией Марии Шелер. В послесловии ко второму изданию «Сочинений по социологии и учению о мировоззрении» она отмечает, что в вступительном слове к своей работе «Христианство и социализм. Об одном докладе Макса Шелера» Пленге пишет, что после выступления Шелера между ними состоялась «долгая дружеская беседа», в которой они пришли к «глубокому взаимопониманию».

Основываясь на анализе суждений Пленге о докладе, Мария Шелер высказала предположение, что, поскольку в нем затрагивались темы, которые не содержатся в опубликованной им статье «Пророческий либо марксистский социализм?», но присутствуют в материалах из рукописного наследия Шелера под названием «Христианский социализм как антикапитализм» [5], относящихся к началу 1919 г., постольку доклад скорее всего опирался на них, статья же могла быть их первой частью. Предположение Марии Шелер подкреплял тот факт, что в рукописных материалах не хватало первых сорока страниц, в наличии были только страницы 41–133 [4, S. 405]. Рукопись же статьи, как считала Мария Шелер, не сохранилась. Однако позднее эти первые 40 страниц были обнаружены в наследии Карла Мута (Muth), хранившемся в Баварской государственной библиотеке. Как выяснилось, они действительно послужили основой для статьи «Пророческий либо марксистский социализм?» [6, S. 697–698].

Манфред С. Фрингс, ставший вторым после Марии Шелер редактором «Собрания сочинений Макса Шелера», пришел к выводу, что на рубеже 1919–1920 гг. немецкий философ хотел написать книгу «Сущность и законы становления капитализма. Путь к христианскому социализму». Ее главной идеей должна была стать идея солидарности, которую он выдвинул в работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913–1915) и которую намеревался развить более глубоко и обстоятельно [6, с. 698]. Об этом намерении Шелер сам пишет в примечании к статье «Пророческий либо марксистский социализм?», когда кратко излагает принципы «христианского корпоративного учения».

^{5*} Жорес, Жан (фр. Jean Jaurès) (1859–1914) – философ, историк, деятель французского и международного социалистического движения, борец против колониализма, милитаризма и войны.

^{6*} Фабианцы – сторонники фабианства, или фабианского социализма – философско-экономического течения реформистски-социалистического толка; в узком смысле – члены «Фабианского общества», основанного в Лондоне в 1884 г. Считали, что переход от капитализма к социализму должен происходить постепенно, медленно, посредством поэтапных институциональных преобразований.

^{7*} Бернштейн, Эдуард (нем. Eduard Bernstein) (1850–1932) – германский политический деятель, социал-демократ, идеолог ревизии учения К. Маркса и Ф. Энгельса, теоретик реформизма.

^{8*} Трактовка марксизма как «протестной идеологии» – основная интерпретация Шеллером этого направления политически-идеологической мысли. Она опирается на его идеи, изложенные в работах «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913–1915), «Ресентимент в структуре моралей» (1912–1913) [7] и получает развитие в последующих произведениях. Так, в «Проблемах социологии знания» (1926) марксизм интерпретируется в контексте концепции «логики классов» и «социологического учения об идолах» [8, с. 179–206].

^{9*} «Социалисты большинства» (Mehrheitssozialisten) – так до 1922 г. называли большинство членов Социал-демократической партии Германии (СДПГ), оставшееся в ней после внутреннего раскола и выхода части членов, которые в 1916 г. образовали сначала Социал-демократическое рабочее сообщество (Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft), затем в 1917 г. Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ, нем. USPD).

«Независимые» – члены НСДПГ.

«Спартак» – Союз Спартака (Spartakusbund) (с 1918 г.). С августа 1914 г. будущий Союз Спартака в Социал-демократической партии Германии составлял оппозиционную группу «Интернационал», которая в 1916 г. получила название «Спартак», с 1917 г. представляла левое, революционно-социалистическое крыло отделившейся от СДПГ Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Ноябрьскую революцию 1918 г. спартакисты встретили вне какой-либо партии и, выдвинув лозунг «Вся власть Советам!», добились учреждения в Германии советской республики. 1 января 1919 г. Союз Спартака вошел в новую Коммунистическую партию Германии.

^{10*} Лассаль, Фердинанд (нем. Lassalle) (1825–1864) – немецкий политический деятель, философ, юрист, экономист, писатель. Родоначальник немецкой социал-демократии.

В 1862 г. Лассаль выступил в Берлине перед рабочими со знаменитой речью «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия». Речь произвела настолько сильное впечатление, что комитет, образованный для созыва всеобщего германского конгресса рабочих, предложил ему изложить свои взгляды в социально-политической программе. Лассаль сделал это в «открытом письме». Комитет принял его за основу программы. В соответствии с ней 23 мая 1863 г. в Лейпциге был учрежден Всеобщий германский рабочий союз (ADAV). Лассаль был избран его президентом. ADAV стал первой массовой партией немецкого рабочего движения и просуществовал до 1875 г. См. комментарий 18*.

^{11*} Реннер, Карл (нем. Karl Renner) (1870–1950) – австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

^{12*} Гильфердинг, Рудольф (нем. Rudolf Hilferding) (1877–1941) – австрийско-немецкий экономист-марксист, теоретик австромарксизма, лидер австрийской и немецкой социал-демократии и II Интернационала, политический деятель Германии.

^{13*} Ленш, Пауль (нем. Paul Lensch) (1873–1926) – германский политический деятель и мыслитель, член СДПГ. В 1912 г. был избран депутатом германского рейхстага от СДПГ. С 1919 г. – профессор Берлинского университета. Автор доктрины военного социализма.

^{14*} Ратенау, Вальтер (нем. Walter Rathenau) (1867–1922) – германский промышленник еврейского происхождения, возглавивший после смерти отца Эмиля Ратенау концерн А.Е.Г.; теоретик либерализма и либеральный политик (в духе Ллойда Джорджа), министр иностранных дел Германии с 1 февраля 1922 г. по 24 июня 1922 г. Придерживался новаторских, во многом социально-утопических взглядов на перспективы преобразования германского государства и общества после окончания Первой мировой войны. Автор 12 книг, вышедших с 1908 по 1924 г. В СССР были переведены его главные труды: «Новое государство» (М., 1924), «Механизация жизни» (Атеней, Пг., 1923), «Новое хозяйство» (М., 1923).

Шелер относился к Ратенау весьма уважительно, однако не разделял его взглядов. Так, в 1917 г. в июльском номере журнала «Хохланд» вышла большая критическая рецензия Шелера на книгу Ратенау «О грядущих вещах» [9]. Убийство Ратенау, совершенное членами националистической и антисемитской группы «Консул», потрясло Веймарскую республику. Макс Шелер воспринял его как зловещее предзнаменование. 16 июля 1922 г. на собрании студентов и преподавателей Кельнского университета, посвященном памяти Ратенау, он выступил с большой речью, которая была опубликована отдельной брошюрой и переиздана позднее в собрании его сочинений [10].

^{15*} Адлер, Макс (нем. Max Adler) (1873–1937) – австрийский философ, социолог, педагог. Теоретик австромарксизма и неокантиански ориентированного «этического социализма», один из лидеров австрийской социал-демократии. О расхождении во взглядах и взаимной критике М. Адлера и Шелера см. [8, с. 157–160].

^{16*} Гольдшайд, Рудольф (нем. Rudolf Goldscheid) (1870–1931) – австрийский социолог, философ, писатель. Вместе с Ф. Теннисом, М. Вебером и Г. Зиммелем стал сооснователем Немецкого социологического общества в 1909 г. в Берлине. О расхождении во взглядах и взаимной критике Гольдшайда и Шелера см. [8, с. 157].

«Читателю будет небезынтересно узнать, – писал Шелер в 1926 г., – какие возражения со стороны приверженцев марксистской социологии вызвала моя концепция грядущего взаимодополнения западной и азиатской культур знания и принадлежащих им техник, когда с изложенными выше тезисами я выступил на социологическом съезде в Гейдельберге в сентябре 1924 г. Следует упомянуть прежде всего два критических выступления: во-первых, – моего уважаемого друга Рудольфа Гольдшайда, которому я обязан значительным углублением своих представлений о многих социологических проблемах; во-вторых – Макса Адлера, моего содокладчика. Смысл выступления Гольдшайда (задуманного наполовину как защита моих тезисов от выпада против них Макса Адлера, но по сути оказавшегося более основательной критикой моей концепции, чем возражения, высказанные Максом Адлером) заключался в следующем: техника преодоления страданий посредством активного терпения и связанная с ней метафизика имеют более высокую положительную ценность по сравнению с западной позитивной наукой и ее материальной производственной техникой – но этот

более высокий ценностный статус якобы относителен, так как объясняется недостаточно развитым состоянием экономики и производственной техники. Конечно, такое “дополнение” сводит на нет все, что мы хотели сказать. Оно превращает нежелание в неспособность» [8, с. 157].

^{17*} Каутский, Карл (нем. Karl Kautsky) (1854–1938) – германский философ, экономист, историк, публицист. Теоретик марксизма, социал-демократический политик.

^{18*} Эрфуртская программа – первая программа Социал-демократической партии Германии, принятая на съезде в Эрфурте в 1891 г., подготовленная под решающим влиянием Ф. Энгельса (хотя и не вполне его удовлетворившая). Эта программа оказалась единственной, написанной с марксистских позиций – К. Каутским в теоретической части, Э. Бернштейном в практической. Заменяла собой Готскую программу (1875).

К. Маркс писал, что не может признать Готскую программу, которая, по его словам, «решительно никуда не годится». «...Рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой, – писал Маркс. – Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры» [11]. Свое критическое отношение к программе Маркс выразил в замечаниях, известных под названием «Критика Готской программы» (1875; впервые опубликована Ф. Энгельсом в январе 1891 г.).

Всеобщий германский рабочий союз (ADAV), основанный в 1863 г. Ф. Лассалем, конкурировал с Социал-демократической рабочей партией (SDAP) Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта со дня основания последней в 1869 г. в Эйзенахе (отсюда расхожее название этой партии – «Эйзенахцы»). В конце мая 1875 г. две партии объединились на съезде в Готе (Тюрингия) и образовали Социалистическую рабочую партию Германии, получившую на съезде в Эрфурте в 1891 г. название Социал-демократической партии Германии (SPD, СДПГ).

^{19*} *in nuce* (лат.) – в зародыше.

^{20*} *realiter* (лат.) – действительно.

^{21*} Трельч, Эрнст (нем. Ernst Troeltsch) (1865–1923) – германский лютеранский теолог, философ культуры и истории, политический деятель. Шелер ссылается на книгу Э. Трельча «Социальные учения христианских церквей и групп» (1912).

^{22*} См. [12].

^{23*} *Totum peccatum erat* (лат.) – «был всецелым грехом». Христос взял на себя грех Адама, но был безгрешен как Богочеловек. О различиях в трактовке первородного греха в католической и православной традициях см. [13].

^{24*} Имеются в виду исторически сложившиеся и узаконенные формы коллективной хозяйственной деятельности в Германии. К ним относятся, в частности, акционерное общество (*Aktiengesellschaft*, AG), общество с ограниченной ответственностью (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung*, GmbH), командитное товарищество (*Kommanditgesellschaft*, KG).

^{25*} Имеется в виду книга немецкого католического богослова Матиаса Йозефа Шебена (нем. Matthias Joseph Scheeben) (1835–1888) «Мистерии христианства» [14].

^{26*} Оуэн, Роберт (англ. Robert Owen) (1771–1858) – английский философ, педагог, предприниматель. Представитель утопического социализма.

^{27*} Фурье, Франсуа Мари Шарль (фр. François Marie Charles Fourier) (1772–1837) – французский философ, социолог. Представитель утопического социализма.

^{28*} Кабе, Этьен (фр. Etienne Cabet) (1788–1856) – французский философ, публицист. Представитель утопического коммунизма.

^{29*} Вейтлинг, Вильгельм (нем. Wilhelm Weitling) (1808–1871) – немецкий философ, по профессии портной. Представитель утопического коммунизма. Деятель раннего немецкого рабочего движения, за что его высоко ценил К. Маркс.

^{30*} Брандтс, Франц (нем. Franz Brandts) (1834–1914) – германский промышленник, католический активист, политический деятель локального уровня. В 1912 г. – почетный президент 59-го съезда католиков в Ахене.

^{31*} Аббе, Эрнст Карл (нем. Ernst Karl Abbe) (1840–1905) – германский физик-оптик, астроном, изобретатель. Придерживался социалистических взглядов, был убежден в необходимости сотрудничества всех классов общества. Став в 1888 г., после смерти К. Цейсса, единственным собственником фирмы, преобразовал ее в предприятие, правление которого состояло из представителей государства, города Йены, университета и рабочих.

^{32*} См. [15, с. 448].

^{33*} Движение в Мюнхен-Гладбахе (нем. München-Gladbacher Bewegung): вероятно, Шелер имеет в виду движение рабочих-католиков в западной части земли Северный Рейн-Вестфалия, начало которому было положено основанием в 1904 г. Западногерманского объединения обществ католических рабочих с резиденцией в Мюнхен-Гладбахе (München-Gladbach; с 1950 г. – Mönchen Gladbach, с 1960 г. – Mönchengladbach).

^{34*} Шелер ссылается на т. IV «Сочинений по социологии и учению о мировоззрении», который планировался к изданию, однако не был опубликован. Главные идеи философии истории Шелера (позволяющие сделать вывод об изменении в начале 1920-х гг. его отношения к католицизму и христианству вообще) изложены в первом разделе «Проблем социологии знания», который называется «Сущность и понятие социологии культуры. Социология культуры – социология реальности, закон порядка действия идеальных и реальных факторов» [8].

^{35*} Сен-Симон, Анри (фр. Claude Henri de Rouvroy, Comte de Saint-Simon) (1760–1825) – французский философ, социолог, социальный реформатор, основатель школы утопического социализма. Основные произведения Сен-Симона переведены на русский язык и опубликованы в СССР [16].

^{36*} Конт, Огюст (фр. Isidore Marie Auguste François Xavier Comte) (1798–1857) – французский философ, ученик Сен-Симона. Родоначальник позитивизма. Основатель социологии как самостоятельной науки.

^{37*} Мюллер, Адам (нем. Adam Müller) (1779–1829) – немецкий консервативный мыслитель, представитель романтической школы, предшественник исторического направления в экономической науке.

^{38*} Шлегель, Карл Вильгельм Фридрих фон (нем. Friedrich Schlegel) (1772–1829) – немецкий писатель, поэт, критик и философ, лингвист, педагог. Он и его старший брат Август Вильгельм были главными теоретиками йенского романтизма.

^{39*} Священный альянс (фр. La Sainte-Alliance, нем. Heilige Allianz) – консервативный союз России, Пруссии и Австрии. Создан с целью поддержания международного порядка, установленного на Венском конгрессе (1815).

^{40*} Смит, Адам (англ. Adam Smith) (1723–1790) – шотландский экономист и философ-этик, один из основоположников экономической теории как науки. Считается основателем классической политэкономии.

^{41*} Рикардо, Давид (англ. David Ricardo) (1772–1823) – английский экономист, классик политической экономии, последователь и одновременно оппонент Адама Смита.

^{42*} Мальтус, Томас Роберт (англ. Thomas Robert Malthus) (1766–1834) – английский священник и ученый, демограф и экономист. Автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения может приводить к снижению благосостояния и массовому голоду.

^{43*} Теофания, или феофания (нем. Theophanie; от др.-греч. θεοφάνια = θεός – «бог, божество» + φαίνω – «светить(ся), являть, показывать, обнаруживать») – богоявление, непосредственное явление божества в различных религиях.

^{44*} «Живи незаметно» – известное изречение Эпикура ([17], фрагмент 551).

^{45*} Бенедикт Нурсийский (лат. Benedictus Nursiae) (480–547) – религиозный деятель. В 529 г. основал первый в Европе католический монашеский орден в Субьяко (итальянский регион Лацио, в 73 км к востоку от Рима на горе Кассино). Святой католической и православной церквей, в православной традиции причислен к лику преподобных. Небесный покровитель Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Scheler M. Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 259–272.

2. Лев XIII. Rerum Novarum. 1891 / пер. с лат. В. И. Рабиновича. URL: <https://traditio.wiki/> Текст:Rerum_Novarum (дата обращения: 29.06.2021).

3. Schäfers B. Christentum und Sozialismus: Ein Briefwechsel zwischen Max Scheler und Johann Plenge // Soziale Welt 17. 1966. No. 1. S. 66–78.

4. Scheler Maria. Nachwort des Herausgeberin zur zweiten Auflage // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6. Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 399–408.

5. Scheler M. Christlicher Sozialismus als Antikapitalismus // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4. Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings, Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 615–675.

6. Frings M. S. Nachwort des Herausgebers // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4. Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings, Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 691–699.

7. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. и коммент. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.

8. Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.

9. Scheler M. Von kommenden Dingen // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften. Hrsg. von Manfred S. Frings, Bern und München: Francke Verlag, 1982. S. 543–570.

10. Scheler M. Walter Rathenau †. Eine Würdigung zu seinem Gedächtnis // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6. Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 361–376.

11. Маркс К. Письмо к В. Бракке от 5 мая 1875 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 11–12.

12. Шелер М. О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ // О сущности философии: работы разных лет / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 195–254.
13. Мейендорф И. Антропология и первородный грех // Пасхальная тайна. Статьи по богословию / пер. с англ. А. В. Левитского. М.: Эксмо, ПСТГУ, 2013. С. 197–202.
14. Scheeben M. J. Die Mysterien des Christentums. Nach Wesen, Bedeutung und Zusammenhang dargestellt. 3. Aufl., bearbeitet von Arnold Rademacher. Herder: Freiburg I. B., 1912.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 419–459.
16. Сен-Симон А. Избранные сочинения: в 2 т. / пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.
17. Usener H. K. Epicurea. 1887.

REFERENCES

1. Scheler, M. (1986), "Prophetischer oder marxistischer Sozialismus?", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*, 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bouvier Verlag, Herbert Grundmann, Bonn, GER, S. 259–272.
2. Leo XIII (1891), *Rerum Novarum*, Transl. by Rabinovich, V.I., available at: https://traditio.wiki/Text:Rerum_Novarum (accessed 29.06.2021).
3. Schäfers, B. (1966), "Christentum und Sozialismus: Ein Briefwechsel zwischen Max Scheler und Johann Plenge", *Soziale Welt* 17, no. 1, S. 66–78.
4. Scheler, Maria (1986), "Nachwort des Herausgeberin zur zweiten Auflage", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*, 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bouvier Verlag Herbert Grundmann, Bonn, GER, S. 399–408.
5. Scheler, M. (1982), "Christlicher Sozialismus als Antikapitalismus", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*, Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 615–675.
6. Frings, M.S. (1982), "Nachwort des Herausgebers", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*, Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 691–699.
7. Sheler, M. (1999), *Resentiment v strukture moralej* [Resentiment in the structure of morals], Transl. by Malinkin, A.N., Nauka, Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
8. Scheler, M. (2011), *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge], Transl. by Malinkin, A.N., Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, Moscow, RUS.
9. Scheler, M. (1982), "Von kommenden Dingen", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 4: Politisch-pädagogische Schriften*, Hrsg. von Manfred S. Frings, Francke Verlag, Bern und München, GER, S. 543–570.
10. Scheler, M. (1986), "Walter Rathenau † Eine Würdigung zu seinem Gedächtnis", *Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*, 3. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings, Bouvier Verlag Herbert Grundmann, Bonn, GER, S. 361–376.
11. Marx, K. (1961), "Letter to V. Bracke dated May 5, 1875", *Marks K. i Engel's F., Sochineniya* [Marx K. and Engels F. Works], 2nd ed., vol. 19, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR, pp. 11–12.
12. Scheler, M. (2020), "About the alien self. Experience of eidology, the theory of knowledge and metaphysics of experimental knowledge and real positing of the alien self and living beings", *O sushchnosti filosofii: raboty raznykh let* [On the essence of philosophy: works of different years], Tsentr humanitarnykh initsiativ, Transl. by Malinkin, A.N., Moscow, RUS, pp. 195–254.
13. Meyendorff, I. (2013), "Anthropology and Original Sin", *Paskhal'naya taina. Stat'i po bogosloviyu* [Easter Mystery. Articles on theology], Transl. by Levitskii, A.V., Eksmo, PSTGU, Moscow, RUS, pp. 197–202.

14. Scheeben, M.J. (1912), *Die Mysterien des Christentums. Nach Wesen, Bedeutung und Zusammenhang dargestellt*, 3. Aufl., bearbeitet von Arnold Rademacher, Freiburg I. B., Herder, GER.

15. Marx, K. and Engels, F. (1955), "Manifesto of the Communist Party", *K. Marks i F. Engel's, Sochineniya* [K. Marx and F. Engels, Works], 2nd ed., vol. 4, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR, pp. 419–459.

16. Saint-Simon, A. (1948), *Izbrannyye sochineniya: v 2-kh tomakh* [Selected Works, in 2 vol.], in Tsetlin, L. S. (ed.), Izdatel'stvo Akademii nauk, Moscow-Leningrad, USSR.

17. Usener, H.K. (ed.) (1887), *Epicurea*.

Проблема устойчивости социальной системы в древнеиндийской философии

В. В. Тузов¹✉, Р. Р. Мазина²

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉tuzov_1950@mail.ru

Введение. Цель статьи состоит в том, чтобы показать действие закона соответствия как фактора устойчивости социальной системы и актуальность этой проблемы для древнеиндийской философии. Проблема устойчивости социума ни в древнеиндийской философии, ни в современной литературе подробно не рассматривалась, тем более через призму действия закона соответствия.

Методология и источники. В работе применяется контент-анализ, системный подход, диалектика и синергетика. Кроме того, основной анализ проблемы устойчивости, которая может быть отражена в древнеиндийской философии, осуществляется на основе предложенного В. В. Тузовым закона соответствия между реальными отношениями, связывающими людей в данный момент, и сущностью «социального». Сущность «социального» можно условно выразить через понятия «равенство», «гуманизм», «взаимопомощь», «справедливость». Реальные отношения могут отклоняться от сущности, но на определенную величину, меру. Выход за пределы меры лишает систему устойчивости, и она становится неуправляемой. Основным источником анализа являются академическое издание текста Артхашастра (древнеиндийского политического и экономического трактата), а также «История политических и правовых учений», «Развитие идей об управлении в философской мысли».

Результаты и обсуждение. В статье проводится анализ древнеиндийских философских текстов для обнаружения в них в скрытой или явной форме озабоченности философов проблемой сохранения стабильности, устойчивости государства и общества. Акцентируется внимание на том, что в рекомендациях для правителей о том, как следует управлять народом, просматривается необходимость соблюдать закон соответствия. Анализ основного источника древнеиндийской философии, в котором рассматриваются проблемы управления, показывает, что рекомендации царю, излагаемые автором Артхашастры Каутилейей, подразумевают в результате необходимость поддерживать баланс интересов между правящим классом и народом, т. е. соблюдать ту меру, за которой общество теряет устойчивость из-за обнищания народа. Другими словами, в рекомендациях по управлению в скрытой форме проявляется закон соответствия, о котором шла речь выше.

Заключение. Проблема устойчивости социальной системы в классовом обществе была и остается крайне актуальной. Философский закон соответствия реальных отношений и сущности социальных отношений, который обеспечивает устойчивость социума при соблюдении меры, требует обоснования. Поскольку принцип формирования отношений и характер взаимодействия на протяжении веков остается неизменным, то размышления древних философов об управлении, о строении общества,

взаимоотношениях в нем различных групп, взаимодействии интересов, с одной стороны, подтверждают действие данного закона, с другой стороны – могут быть полезны для современного менеджмента.

Ключевые слова: устойчивость, стабильность, социальная система, закон соответствия, Артхашастра, древнеиндийская философия.

Для цитирования: Тузов В. В., Мазина Р. Р. Проблема устойчивости социальной системы в древнеиндийской философии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 45–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-45-54.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.09.2021; принята после рецензирования 08.10.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

The Problem of the Stability of the Social System in Ancient Indian Philosophy

Viktor V. Tuzov¹✉, Rita R. Mazina²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State Agrarian University, St Petersburg, Russia*

✉tuzov_1950@mail.ru

Introduction. The purpose of the article is to show the effect of the law of correspondence as a factor of stability of the social system and the relevance of this problem for ancient Indian philosophy. The problem of the stability of society was not directly considered in ancient Indian philosophy or in modern literature, especially through the prism of the law of correspondence.

Methodology and sources. The work uses content analysis, system approach, dialectics and the concept of self-organization. In addition, the main analysis of the problem of stability in ancient Indian philosophy is carried out on the basis of the law of correspondence between the real relations that connect people at a given moment and the essence of the “social”. This law was formulated and proposed by V.V. Tuzov. The essence of the “social” could be conditionally expressed through the concepts of “equality”, “humanism”, mutual assistance, “justice”. Real relations may deviate from the essence, but by a certain amount, a measure. Going beyond the limits of the measure deprives the system of stability, and it becomes uncontrollable. The main source of analysis is the academic edition of the text Arthashastra (ancient Indian political and economic treatise), as well as “History of political and legal doctrines”, “Development of ideas about management in philosophical thought”.

Results and discussion. The article analyzes the ancient Indian philosophical texts to reveal in them, in a latent or explicit form, the concern of philosophers with the problem of maintaining the stability of the state and society. Attention is focused on the fact that there is a need to observe the law of conformity in the recommendations for rulers on how to govern the people.

Analysis of the main source of ancient Indian philosophy, which deals with the problems of governance, shows that the recommendations to the king, which are set forth by the author of Arthashastra Kautilya, imply, in the end result, the need to maintain a balance of interests between the ruling class and the people, that is, to observe the measure for which society loses its stability due to for the impoverishment of the people. In other words, in the management recommendations, the law of conformity, which was discussed above, appears in a latent form.

Conclusion. The problem of the stability of the social system in a class society was and remains extremely relevant. The philosophical law of correspondence between real

relations and the essence of social relations, which ensures the stability of society while observing the measure, requires justification. Since the principle of forming relationships and the nature of interaction has remained unchanged for centuries, the reflections of ancient philosophers on management, on the structure of society, on the relationship between different groups in it, and on the interaction of interests, on the one hand, confirm the operation of this law, on the other hand, could be useful for modern management.

Key words: sustainability, stability, social system, law of conformity, Arthashastra, Ancient Indian philosophy.

For citation: Tuzov V. V., Mazina R. R. The Problem of the Stability of the Social System in Ancient Indian Philosophy. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 5, pp. 45–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-45-54 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.09.2021; adopted after review 08.10.2021; published online 24.11.2021

Введение. История человеческого общества на макроуровне (межгосударственные отношения) – война с редкими периодами мирного существования. История отдельных государств (микроуровень) – заговоры, восстания, бунты, революции. Все эти события негативно отражаются на развитии социальных организаций, на жизни людей, и тем не менее их не становится меньше. Возникает естественный вопрос: такого рода события в принципе присущи человеческим сообществам или к этому приводят определенные действия людей? В первом случае должен быть закон, который определяет такое взаимодействие между государствами и людьми. Во втором случае необходимо найти причину таких действий людей, которые порождают конфликтные ситуации в обществе. Очень удобно все объяснять экономическими интересами, их противоположностью. Но тогда надо объяснить, почему интересы оказываются противоположными. Причем надо объяснить, почему интересы стали такими. Почему возникла частная собственность на средства производства и многое другое. Данный вопрос пока до конца не решен.

Поскольку еще не ясна причина внутреннего конфликта в обществе, устойчивая вроде бы система вдруг становится неустойчивой и разрушает прежнюю организационную структуру, меняет людей в сфере управления, но стабильность не наступает, развитие отсутствует, система деградирует.

Методология и источники. Вопрос стабильности, устойчивости государства волнует мыслящие умы с давних времен. Но прежде чем обратиться к рассмотрению этого вопроса, необходимо отразить мнение авторов статьи на проблему устойчивости социума. Эта проблема может быть рассмотрена на разных уровнях. Чаше всего исследуют причины устойчивости экономической подсистемы и ее элементов. Не обойдена вниманием и политическая подсистема. Рассматриваются проблемы управления социумом и справедливости отношений в обществе. Однако большая часть работ носит феноменологический характер, в них описываются отдельные проблемы и вопросы, которые, по мнению авторов, влияют на устойчивость рассматриваемой подсистемы. Такой подход вполне правомерен, но он не раскрывает существенных противоречий, которые формируют законы данной системы. Не зная законов, невозможно выстраивать прогнозы или формировать стратегию управления системой, которая обеспечит ее устойчивость.

Устойчивость социальной системы носит динамический характер. Эта динамика предполагает единство двух противоречивых процессов: процесса, который обеспечивает изменчи-

вость системы, ее развитие, и процесса, который обеспечивает устойчивость системы. Устойчивость системы обеспечивается ее изменчивостью. Если система застывает в своем развитии, она теряет устойчивость. С точки зрения синергетики устойчивость процесса самоорганизации системы обеспечивает наличие положительных и отрицательных обратных связей.

По мнению авторов статьи, на уровне философской рефлексии устойчивость социальной системы обеспечивает соблюдение закона соответствия между характером реальных отношений в сообществе и тем, какими они должны быть с точки зрения сущности социальной системы.

Дело в том, что сущность отношений современного этапа развития общества (классового или «цивилизованного») не является сущностью социальной системы. С точки зрения диалектики система проходит в своем развитии три этапа, которые Гегель обозначил логическими терминами, точно передающими их особенности: «Тезис – Антитезис – Синтез». У каждого этапа есть свои особенности в проявлении сущности. На этапе возникновения («Тезис») система имеет свою собственную сущность, которая определяет характер отношений в системе. На этапе «Антитезиса» у данной системы иная сущность и иной тип отношений. Но здесь имеет место взаимодействие двух сущностей, одна из которых пребывает в «угнетенном» состоянии, поскольку для ее развертывания нет объективных условий. Но если реальные отношения слишком далеко отклоняются от этой первоначальной сущности (условно это можно обозначить понятиями «справедливость» и «гуманизм»), когда жизнь большинства населения становится невыносимой из-за «жадности» управляющего обществом меньшинства, система теряет устойчивость [1].

Если рассматривать проблему устойчивости с позиции данного закона, то в истории философии можно обнаружить взгляды, которые отражают важные элементы функционирования государства, обеспечивающие баланс между реальными отношениями и теми, которые должны быть с точки зрения сущности социального и необходимы для сохранения устойчивости общества.

Проблема устойчивости социальной системы возникает в связи с переходом общества от первобытных отношений равенства к отношениям неравенства. При отношениях равенства жизненно важные ресурсы распределяются более или менее справедливо. Главная задача при этом состоит в том, чтобы обеспечить выживание данного сообщества. В классовом обществе задача иная в силу атомизированности, разобщенности членов сообщества. Эгоизм отдельной особи становится главным фактором существования. Интерес сохранения целого остается только у системы управления, но и она пронизана эгоизмом и личными интересами.

Попытки понять причину потери устойчивости обществом, причины бунтов и восстаний предпринимались в разных регионах с древних времен. В Древнем Китае целый ряд мыслителей пытались это сделать. Наиболее известный из них Конфуций. В Древней Греции Платон предложил модель справедливого государственного устройства, а Аристотель задумался над проблемой справедливости. Не обошла данная проблема и Древнюю Индию.

Древнеиндийское общество для создания устойчивого равновесия сформировало четыре замкнутых сословия (варны): 1) варна жрецов – брахманы; 2) варна воинов – кшатрии; 3) варна земледельцев, ремесленников и торговцев – вайшьи; 4) низшая варна – шудры.

Духовная и светская власть принадлежала брахманам и кшатриям.

Принадлежность к варне определялась рождением и наследовалась. Каждая варна занимала строго определенное место в обществе. Переход из одной варны в другую карался смертью [2].

Эта социальная структура, опирающаяся на религиозные и мифологические основания, обеспечивала устойчивость общественных отношений на протяжении длительного времени. Появление философии дополнило ее знаниями о роли управляющей системы в стабилизации социума и поддержания его устойчивого состояния.

Ю. К. Катунина отмечает в своей статье: «Культура управления обществом прошла многовековую историю своего становления и развития. Историко-философские подходы на различных исторических этапах отображают особенности формирования взглядов и представлений о ее содержании, характере управленческих отношений, а также принципах, лежащих в основе управления, и методов, посредством которых оно осуществляется.

Один из этапов цивилизационного развития общества был связан с появлением новых управленческих идей, обусловленных выдвиганием на первый план философской мысли. Появление философских школ в различных регионах мира – Древнем Китае, Древней Индии и Греции, явилось основой начала третьей управленческой революции» [3, с. 698].

С. Ф. Ударцев, анализируя политико-правовые идеи Древней Индии, также отмечает, что в Артахаштре на первый план выдвинута идея сильной централизованной царской власти. Автор (Каутилья) подчеркивал, что высшей силой обладает царский указ, а не религиозный закон. В трактате присутствует идея законности: все должны соблюдать закон, в том числе и глава государства. Однако в случае, если возникает противоречие между законом и пользой, царь должен выбрать пользу, поскольку закон и любовь, по мнению Каутильи, основаны на пользе. Автор рекомендует царям руководствоваться в первую очередь интересами укрепления государства, соображениями государственной пользы. Он советует, если того требуют обстоятельства, не останавливаться и перед нарушением закона или религиозного долга [4, с. 232].

Непосредственно проблема устойчивости социума к внутренним и внешним возмущениям в нашей литературе по древнеиндийской философии не рассматривается. Однако анализ отдельных аспектов жизнедеятельности общества, влияющих на его стабильность, устойчивость, представлен.

Л. Ф. Скубченко в статье «Проблема безопасности личности и государства в политико-правовых концепциях Древнего мира» затрагивает эту тему, говоря о безопасности государства [5]. Проблема обеспечения стабильности общества на межгосударственном уровне представлена в статье Д. Н. Барышникова «Международные отношения и дипломатия в традиции древнеиндийской политической мысли» [6].

Гуманизм в отношениях между людьми является одним из главных условий проявления закона соответствия, который обеспечивает стабильность в обществе. Эту проблему анализирует В. К. Сергеев в своей работе «Истоки гуманистических исканий философской мысли Древнего Востока» [7].

Результаты и обсуждение. В древнеиндийском философском трактате, посвященном проблемам эффективного управления государством, рассматриваются факторы, обеспечивающие стабильность общества. Не подвергается сомнению его кастовая структура, напротив,

она сама рассматривается как основа стабильности. Важное значение в управлении государством придается наказанию. Однако наказание требует правильного применения: «... тот, кто хочет (успеха) в мирских делах, пусть всегда будет с поднятым жезлом. Нет ведь подобного средства удержания в своей власти живых существ, как жезл, так говорят учителя.

Нет, – говорит Каутилья, – ибо царь с грозным жезлом вызывает страх у существ, а у кого жезл мягкий, тем пренебрегают. Тот, кто владеет жезлом надлежащим образом, чтится. Ибо жезл, употребляемый с истинным пониманием, приносит людям чувство законности, пользу и наслаждение. Плохо употребляемый от неведения, страсти и гнева, он вызывает гнев даже у удалившихся в лес и странствующих отшельников, тем более у домохозяев. Не примененный к делу жезл создает положение как у рыб, т. е. ввиду отсутствия держателя жезла более сильный поедает слабого, а охраняемый жезлом преуспевает.

Люди, принадлежащие к четырем кастам и к четырем ступеням жизни, охраняются царем при помощи жезла (наказания); преданные своим обязанностям и занятиям, они благополучно живут в своих обиталищах» [8, с. 20].

Это высказывание о применении наказания четко указывает направленность его на стабилизацию общества.

Эффективное управление невозможно без образованной элиты. В первую очередь верховного правителя. Умение применять наказание, которое обеспечит устойчивость общества, неразрывно связано с образованием. «Применение жезла (наказание), основывающееся на истинном поведении, приносит живым существам благополучие. ... Царь, воспитанный науками, заботящийся о воспитании своих подданных, владеет землею безраздельно, радуясь благу всех существ» [8, с. 21].

В разделе 3 «Победа над чувствами» говорится о необходимости рационального подхода к управлению и отказа от эмоций при принятии решений. Благодаря обучению и воспитанию царь должен избавиться от страсти, гнева, стяжания, гордости, безумства, высокомерия.

«Царь, поступающий в противоположность этому руководству (политики), не обуздывающий своих чувств, немедленно гибнет, хотя бы он был владыкой четырех стран света». Царь-мудрец должен отклонять «от себя (действия, связанные с) оскорблением чужих жен и похищением имущества, сонливость, похоть, неправду, надменную манеру, вредные влечения, дела, соединенные с беззакониями или пагубные. Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается трем целям, части которых связаны друг с другом.

Каутилья считает, что главное – польза, ибо закон и любовь основаны на пользе» [8, с. 22].

Для того чтобы обеспечить устойчивое состояние общества, правитель должен правильно сформировать управленческую структуру. В частности, подобрать помощников-министров. «Управление царством выполняется с помощниками, одно колесо не вертится, пусть поэтому он создает себе советников и слушает их» [8, с. 23].

В разделе 4, посвященном советам по подбору министров, говорится о том, что для этого не подходят ни друзья детства, ни просто преданные правителю, ни дети министров и т. д. Отмечаются недостатки всех рассматриваемых групп возможных претендентов. В конце рассуждений дается краткая характеристика качеств человека, который может претендовать на роль министра.

«Пусть царь министрами назначает людей благородного происхождения, обладающих умом, честностью, мужеством, преданностью, так как достоинства стоят на первом месте.

Все это вполне подходит, говорит Каутилья, так как пригодность человека создается из пригодности его к делу вообще и из его специальной пригодности» [8, с. 25].

Стабильность общества и государства зависит от того, как правитель взаимодействует со своими сторонниками и противниками внутри государства. Этой проблеме посвящен раздел 9 «Наблюдение в своей стране за партиями людей преданных и людей, предательски настроенных».

Главный фактор управления этими партиями – информация о настроениях и намерениях входящих в них людей. Для получения информации необходима организационная структура по сбору информации – сеть шпионов.

«Учредив надзор за главными должностными лицами, пусть царь устроит надзор за горожанами и сельскими жителями. Шпионы, разделившись на две стороны, пусть вступят в препирательство в местах священных омовений, в залах собраний, в (ремесленных) корпорациях, среди сборищ людей, говоря: “Слышно, что этот царь одарен всеми добродетелями, между тем у него не видно ни одной добродетели, он мучит горожан и сельских жителей наказаниями и налогами”.

И (шпионы) должны знать все, что говорится (в толпе). И о тех, кто живет за счет царского зерна, скота, золота, и кто ему помогает (всем) этим во время бедствия или благополучия, и кто возвращает (к повиновению) разгневавшегося родственника царя, кто оказывает противодействие врагу или вождю лесного племени. Пусть шпионы, переодетые отшельниками, бритыми или с заплетенной косой, узнают их довольство и недовольство.

Полученную информацию правитель должен правильно использовать для сохранения государства. А именно: “Довольных пусть (царь) чтит материальными дарами и знаками внимания. Недовольных пусть покоряет приветливостью, дарами, ссорами и наказаниями.

Мудрый царь в своей стране пусть охраняет преданных людей и людей, склонных к предательству, больших и малых, от подговоров врагов”» [8, с. 32–34].

Внутренняя стабильность государства предполагает защиту от внешних враждебных воздействий. В разделе 10 даны рекомендации по нейтрализации внешних воздействий на свою страну. «Пусть он (царь) приобретает во вражеских странах лаской и дарами тех, кто может предать, не идущих на предательство – ссорой и силой и пусть указывает им на ошибки вражеского царя» [8, с. 36].

Успех правителя в благополучии и безопасности страны неразрывно связан с делами. А в этом процессе уместно использовать поговорку о том, что один ум хорошо, а два лучше.

В разделе 11 указывается на роль совещания при принятии управленческих решений и на то, как надо действовать во время совещания и после его окончания. «Привлекши свои и вражеские партии, пусть он (царь) думает о начале дел. Всякое начало (дела) предваряется совещанием.

Никем не должен он пренебрегать и должен слушать мнение каждого. Мудрый должен как следует воспринять речь даже ребенка.

Восприняв суть дела, пусть не медлит. Пусть долго не совещается и не защищает тех, кому собирается нанести вред» [8, с. 37–38].

В разделе 16, посвященном обязанностям царя, отмечается, что счастье царя – в счастье подданных, в пользе подданных – его польза. Польза для царя – не то, что ему приятно, но что приятно подданным. Исходя из этого царь не должен смешивать то, что надо и чего не надо делать, так как это может привести к возмущению подданных.

«Поэтому пусть царь по порядку рассматривает дела; божеств, отшельнических обителей, еретиков, жрецов-брахманов, скота, священных мест, детей, стариков, больных, попавших в беду, беззащитных и женщин. Или же пусть рассматривает дела в порядке их важности или срочности» [8, с. 46–47].

Раздел 96 о совершенстве основ государства также нацелен на обеспечение устойчивости социума. Основными элементами государства являются государь, министр, сельская местность, укрепленные города, казна, войско и союзники. Далее даны оптимальные характеристики, необходимые для каждого из перечисленных элементов общества. Описывается идеал государя, идеал казны, идеал войска, идеал союзников. В конце раздела делается вывод: «...царь, не имеющий положительных качеств и у которого непрочные основы, погибает от своих подданных или подпадает под власть врагов, хотя бы он и владел землей в четырех ее пределах.

Но тот, кто обладает (должными) личными качествами, хотя бы он владел и незначительной землей, обладая совершенными основами государства и зная методы правления, получит власть над всей землей и не потерпит ущерба» [8, с. 287–288].

Поскольку «инструкция» по обеспечению устойчивости социальной системы относится к обществу, которое разделено на различные касты, на богатых и бедных, в этих условиях естественно есть много недовольных своим положением. Такая ситуация подрывает стабильность государства, и автор Артхашастры предлагает метод решения для нее. «Недовольство (среди подданных) может быть устранено путем уничтожения вожаков (недовольных). Ведь подданные, лишённые вожаков, станут податливыми и не так доступными подговорам. Те, которые неспособны сносить бедствия, будучи раздроблены на много (враждующих партий) тем, что их вожаки будут уничтожены, смогут быть должным образом сдерживаемы и принуждены сносить притеснения» [8, с. 310].

В заключение в Артхашастре указывается на главный фактор в жизни населения страны, который разрушает устойчивость общества.

«Путем притеснения праведных и оказания предпочтения неправедным, путем устройства нелепых и незаконных избиений; путем уклонения от привычного и законного образа действий, путем потворства незаконному и нарушения закона,.. путем небрежности и недостойного поведения государя, путем нарушения безопасности (подданных) – (всем этим) вызывается истощение, алчность и враждебное отношение этих последних.

Истощенные подданные делаются алчными и становятся враждебными (к своему правителю). И будучи враждебными, они переходят к врагу или же убивают своего владыку. Поэтому не следует вызывать причины, создающие истощение, алчность и враждебность подданных. Те же причины, которые могли бы возникнуть, следует немедленно устранить» [8, с. 309].

Заключение. Анализ основного произведения древнеиндийской философии Артхашастры, которое касается проблемы устойчивости социальной системы, показывает, с одной стороны, крайне важную роль системы управления социумом в обеспечении стабильности, устойчивости социальной структуры. С другой стороны, рекомендации по оптимизации системы управления нацелены на создание условий в обществе, при которых учитывались бы интересы как господствующего класса, слоя богатых и знатных людей, так и интересы основной массы населения. Автор произведения интуитивно ощущает то, что мы называем

законом соответствия. Низы не могут терпеть нужду до бесконечности. У нужды есть граница, за которой следует возмущение, бунт, потеря стабильности социальной системой. О том, как избежать этой крайности и идет речь в анализируемом произведении. В исследуемой работе Каутилья рассматривает как внутренние причины, приводящие к нестабильности, неустойчивости общества, так и внешние. Значительный раздел Артхашастры посвящен взаимодействию с соседними государствами и оптимизации этих отношений с целью сохранения устойчивости собственной страны, собственного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тузов В. В. От хаоса к порядку: проблемы самоорганизации социальной системы. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2002.
2. Рубаник С. А. История политических и правовых учений. Академический курс: учебник для вузов. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. URL: https://studme.org/82723/politekonomiya/istoriya_politicheskikh_i_pravovykh_ucheniy (дата обращения: 20.04.2021).
3. Катунина Ю. К. Взгляды на проблему культуры управления обществом и обеспечения безопасности границ государства в Древневосточной философии // Молодой ученый. 2015. № 15 (95). С. 698–701.
4. Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: академич. курс. СПб.: Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2007.
5. Скубченко Л. Ф. Проблема безопасности личности и государства в политико-правовых концепциях Древнего мира // Вестн. МИЭП. 2011. № 1. С. 146–152.
6. Барышников Д. Н. Международные отношения и дипломатия в традиции древнеиндийской политической мысли // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 2. С. 101–119.
7. Сергеев В. К. Истоки гуманистических исканий философской мысли Древнего Востока // Вестн. науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 231–236.
8. Артхашастра, или Наука политики / пер. с санскрита В. И. Кальянова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

Информация об авторах.

Тузов Виктор Васильевич – доктор философских наук (2004), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: исследование закономерностей исторического процесса, методология исследования социальных процессов. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>. E-mail: tuzov_1950@mail.ru

Мазина Рита Рашитовна – кандидат философских наук (2001), доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Петербургское ш., д. 2, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: исследование закономерностей исторического процесса, политические и правовые учения. E-mail: rit.mazina@yandex.ru

REFERENCES

1. Tuzov, V.V. (2002), *Ot haosa k poryadku: problemy samoorganizacii social'noj sistemy* [From chaos to order: problems of self-organization of the social system], ETU Publishing house, SPb., RUS.
2. Rubanik, S.A. (2014), *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines], available at: https://studme.org/82723/politekonomiya/istoriya_politicheskikh_i_pravovykh_ucheniy (accessed 20.04.2021).

3. Katunina, Yu.K. (2015), "Views on the problem of the culture of managing society and ensuring the security of state borders in Ancient Eastern philosophy", *Young Scientist*, no. 15 (95), pp. 698–701.

4. Udartsev, S.F. (2007), *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii Vostok: akademicheskii kurs* [History of political and legal doctrines. Ancient East: Academic Course], Izd-vo yurid. fak. SPbGU, SPb., RUS.

5. Skubchenko, L.F. (2011), "The problem of personal and state security in the political and legal concepts of the Ancient World", *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*, no. 1, pp. 146–152.

6. Baryshnikov, D.N. (2015), "INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMACY IN ANCIENT INDIA'S TRADITION OF POLITICAL THOUGHT», *Journal Moscow Univ. Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 2, pp. 101–119.

7. Sergeev, V.K. (2012), « The origins of the humanistic quest for the philosophical thought of the Ancient East», *Siberian Journal of Science*, no. 1 (2), pp. 231–236.

8. *Arkhashastra, ili Nauka politiki* [Arthashastra or Science of Politics] (1959), Transl. by Kal'yanov, V.I., Izdanie Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Viktor V. Tuzov – Dr. Sci. (Philosophy) (2004), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 100 scientific publications. Area of expertise: study of the laws of the historical process, methodology for the study of social processes. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>. E-mail: tuzov_1950@mail.ru

Rita R. Mazina – Can. Sci. (Philosophy) (2001), Associate Professor at the Department of Theory of State and Law, Saint Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg hwy., Pushkin, St Petersburg 196601, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: study of the laws of the historical process, political and legal doctrines. E-mail: rit.mazina@yandex.ru

The Philosophical Aspects of the Dialogue between Modern Cosmology and Theology

Alexei V. Nesteruk^{1,2}, Aleksandr V. Soldatov²✉

¹University of Portsmouth, Portsmouth, UK

²State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

✉soldatov2012@yandex.ru

Introduction. The paper deals with the philosophical problems of the modern dialogue between cosmology and theology. It is argued that no existential contradiction is possible between them as originating in one and the same human condition. The difference between cosmology and theology amounts to the difference in their open-ended hermeneutics of the outer world. It is from within this philosophical conclusion that the hot issue of the dialogue are discussed and some insights are proposed.

Methodology and sources. The philosophical analysis is based on the discussion of epistemological issues in modern cosmology and their relevance to theological view of the world. The method is similar to existential phenomenology's approach to the constitution of the notion of the universe in cosmology and theology as an open-ended hermeneutics of the world.

Results and discussion. It is shown that no existential contradiction is possible between two types of hermeneutics as originating in one and the same human condition. It is human being that becomes the major theme of the dialogue between cosmology and theology. On the basis of the conclusions made the paper discusses some "hot" issues in the contemporary cosmology-theology discussion, including: 1) The inseparability of cosmology and theology in justification of the possibility of cosmological knowledge, 2) Fine-tuning, Anthropic principle, fitness of the universe for life, 3) The unknowability of the universe and apophaticism in cosmology, 4) Multiple universes and their ontology, 5) How much of life is in the universe: the Search for Extraterrestrial Intelligence (SETI), exoplanets and theological consequence for multiple incarnations, 6) The origin of the universe in modern scientific cosmology and its relevance to the theologically understood *creatio ex nihilo*, 7) Consciousness and the universe: can cosmology account for its own possibility without appealing to the theologically understood human capacity in producing an intellectual synthesis of the universe.

Conclusion. On the basis of the methods applied to the hot issues in the dialogue between cosmology and theology one concludes that the dialogue between cosmology and theology is an open-ended enterprise related to the fundamentally concealed origins of humanity and universe. The difference in hermeneutics of the universe does not create any contradiction or tension but reflects a dualistic position of humanity in the universe, being an insignificant part of it and at the same time its center of disclosure and manifestation.

Key words: cosmology, history, humanity, phenomenology, philosophy, theology, universe.

For citation: Nesteruk, A. V., Soldatov, A. V. The Philosophical Aspects of the Dialogue between Modern Cosmology and Theology. DISCOURSE. 2021. vol. 7, no. 5, pp. 55–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-55-70

Source of financing. Alexei Nesteruk acknowledges the support for this work through a participation in the project "Science and Orthodoxy around the World" run by the National Hellenic Research Foundation in Greece and sponsored by the World Charity Templeton Foundation, as well as through the grant "PH Philosophy In Neoplatonics: New Figures And New Interpretations" from The National Science Centre, Poland (DEC-2018/31/B/HS1/01861).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.09.2021; adopted after review 08.10.2021; published online 24.11.2021

Философские аспекты диалога между современной космологией и теологией

А. В. Нестерук^{1,2}, А. В. Солдатов²✉

¹Университет Портсмута, Портсмут, Великобритания

²Санкт-Петербургский морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉soldatov2012@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются философские проблемы диалога между современной космологией и теологией. Приводятся аргументы в пользу того, что не существует экзистенциального противоречия между двумя взглядами на природу Вселенной, поскольку оба происходят из одного и того же человеческого состояния. Различие между научной космологией и теологическим воззрением на природу космоса происходит из различия в герменевтике опыта существования в мире. Исходя из этого философского вывода обсуждаются некоторые «горячие» проблемы диалога между космологией и теологией и предлагаются пути их интерпретации

Методология и источники. Философский анализ основан на обсуждении эпистемологических проблем современной космологии и их релевантности для теологической картины мира. Используемый метод аналогичен подходу экзистенциальной феноменологии в отношении конституирования концепции Вселенной в космологии и теологии как нескончаемой герменевтики мира.

Результаты и обсуждение. Показано, что не существует экзистенциального противоречия между двумя типами герменевтики, поскольку человек становится центральной темой диалога между космологией и теологией. Исходя из сформулированных выше тезисов, статья обсуждает ряд «горячих» проблем в современном диалоге между космологией и теологией, включая: 1) взаимодополнительность космологии и теологии в обосновании возможности знаний о Вселенной; 2) точную настройку космологических параметров для возможности жизни во Вселенной и антропный принцип; 3) непознаваемость Вселенной и апофатизм в космологии; 4) проблему множественности вселенных и их онтологический статус; 5) жизнь во Вселенной: поиск внеземного разума (SETI), открытие экзопланет и теологические последствия для множественных воплощений; 6) происхождение Вселенной в современной научной космологии и соотношение теорий этого происхождения с теологически понимаемым *creatio ex nihilo*; 7) сознание и Вселенная: может ли космология обосновать факт своей собственной возможности без обращения к теологически понимаемой способности человека в осуществлении интеллектуального синтеза Вселенной.

Заключение. На основе философских методов, примененных к «горячим» проблемам в диалоге между космологией и теологией, можно заключить, что диалог является нескончаемой попыткой преодолеть принципиальную сокрытость происхождения человека и Вселенной. Различие в герменевтике Вселенной в космологии и теологии

не порождает экзистенциального противоречия или напряжения, а отражает дуалистическое положение человека во Вселенной, который является, с одной стороны, ее незначительной частью, а с другой стороны, центром ее раскрытия и манифестации.

Ключевые слова: Вселенная, история, космология, философия, феноменология, теология, человек.

Для цитирования: Нестерук А. В., Солдатов А. В. Философские аспекты диалога между современной космологией и теологией // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 55–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-55-70.

Финансирование. Нестерук А. В. выражает благодарность за финансовую поддержку, происходящую из участия в проекте «Science and Orthodoxy around the World», руководимом Национальным греческим научным фондом и спонсируемым Фондом Темплтона, а также из участия в гранте «PH Philosophy In Neoplatonism: New Figures And New Interpretations» Национального научного центра в Польше (DEC-2018/31/B/HS1/01861).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.09.2021; принята после рецензирования 08.10.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Introduction. The issue of cosmology and theology is a perennial one and this is the reason why we will have to appeal to some historical references. But being a perennial issue, it also requires a new philosophical insight on the sense of why this issue is still actual and will not go away in the foreseeable future. Thus first we proceed methodologically with setting the boundaries and methods of that which we are going to discuss by making a general conclusion on the relevance of theology to cosmology. Then, as case studies, we will apply our conclusions to some particular “hot” issues in the dialogue between cosmology and theology in order to bring them to a new philosophical elucidation.

Methodology and sources. First of all, let us discuss terminology in order to understand the meaning of the enquiry about the relevance of theology for cosmology. The distinction and difference between three basic terms cosmology, philosophy and theology is important because it is related to the present historical period when that which is implied by these terms was not always in history. The main question is the sense of what is meant by cosmology and, correspondingly, if we enquire about the relevance of theology to cosmology, what is meant by cosmology in this question. Modern researches in the field of physical cosmology, when they attempt to think of their discipline in a wide historical, social and philosophical context sometimes feel that there a distinction must be made between proper scientific aspects of cosmology (related to observations and mathematical models which aim to produce a credible and coherent account of the physical reality), and cosmological hypotheses which do not fall in the scope of scientific rationality. This happens when physical and mathematical hypotheses are produced with respect to that which is fundamentally unobservable. In this case philosophical ideas (and may be even theological motives) infiltrate cosmology. A typical example is a spectrum of models related to the origination of the universe (“creation” of the universe), as well as hypotheses of the so called multiverse (plurality of worlds). Another example is the famous Anthropic Principle (AP) which in all its varieties witnesses to the inference which does not have an intrinsic physical necessity and “observable” only through researcher’s intentionality sometimes motivated by philosophical concerns. In all these issues cosmology is imbued with a wider system of ideas related to philosophy. These aspects of cosmology, in contradistinction to the physical cosmology, can be

called philosophical cosmology, metaphysical cosmology (meta-cosmology [1, pp. 47–50]) or simply cosmologia [2, p. 4] a Greek word denoting cosmology as a part of philosophia (love for wisdom) and general knowledge (episteme).

Then the question present in the title of this article must be clarified: is theology relevant to physical cosmology, or to philosophical or meta-physical cosmology, or to cosmologia? In order to give an answer to this question one needs to adopt a kind of the overseeing position in order to relate these varieties of cosmology to theology as if one was able to encompass in thought both of them. Such an endeavour is possible either along the lines of reflecting upon the history of cosmological ideas thus seeing cosmology as an ongoing hermeneutics of the world. The weakness of this position is that it is historically contingent and thus purely empirical not clarifying the sense of the initial split in two classes of phenomena of the world related to cosmology and theology. In order to avoid such a contingency one needs to adopt a radical philosophical attitude by suspending a historical judgement and attempting to look at the relationship between all varieties of cosmology and theology from some apodictic grounds. These grounds can be either metaphysical (appealing to some a-priori models of reality) or existential (phenomenological) placing man at the center of disclosure of the universe, as well as of experience of God. Modern philosophy advocates “the end of metaphysics” in the sense that no ontology preceding that one which is asserted in cosmology or theology is possible (one of the arguments is that one cannot produce any realistic model of humanity by abstracting from its specific and concrete position in the universe as well as from its radically unknowable essence asserted by theology). Correspondingly it seem to us that the most realistic approach to the mediation between theology and cosmology is based on a simple empirical ground that both theology and cosmology manifest human activities having one single source, that is, human conscious life. Then the enquiry into the sense of the relevance of theology to cosmology turns out to be a rather trivial philosophical enquiry into the sense of the split between two phenomenalitys of the human existence related to two types of experience of this existence.

If, for a second, one narrows cosmology to its modern scientific standing, then the issue of “cosmology and theology” could be qualified as non-scientific. There is no logical or any theoretical necessity in carrying out such an investigation. Scientific cosmology functions with no regard to either philosophy and theology. Correspondingly, whatever it claims about the whole physical universe remains within its own limits. However, if cosmology attempts to generalise its findings towards the whole being (understood either philosophically as the totality of existence or, theologically, as creation), it trespasses its own boundaries and thus ceases to function as a strictly scientific discipline. The scientific cosmology transforms in this case into a philosophical cosmology, or just into a sort of world outlook in the style of the ancient Greek cosmologia. Then all its edifice turns out to be non-descriptive, that is simply hermeneutical, where such a hermeneutics (as produced eidetically, on the level of some intentionality) is related to the hermeneutics of the human condition. Since the latter is the subject matter of theology, the mediation between cosmology and theology becomes inevitable. The transition from the scientific cosmology to the philosophical one corresponds to the transition from the objectivised order of the cosmos to its particular version disclosed from within the order of history. The extent of objectivity of the order of the cosmos is diminished simply because it is placed within the universally subjective order of humanity. Once again, the cosmic hermeneutics turns out to be an expressed outwardly hermeneutics of the human condition.

The same thing can be said about theology. If the latter shifts its concern from the order of history (related to humanity's relations with God) towards the structure of the world as if theology makes some descriptive propositions about ontology of the world, it also transcends its capacity because effectively it attempts to predicate something about God and his creation which are both incommensurable with a finite human being (even made in the divine image). If theology is apophatic with respect to its truth claims about God, it should be apophatic to the same extent with respect to world and man himself as made by the infinite and incomprehensible Creator (on the general definition of apophaticism in knowledge as non-exhaustiveness of its object in terms of its signifiers see [3, p. 84]). Theology can disclose the sense of the Creator's presence in the world, but it cannot exhaust the sense of the world as the latter is presented to God himself. This follows simply from the fact that the world is contingent. One can enquire into the "what" of creation, but not of its "why." The order of history is human order. Therefore the order of humanity unable to know itself, being transferred to the whole world makes the cosmic order unknowable to the same extent as humanity itself. The cosmic order then becomes another form of a theological hermeneutics whose sense cannot have ultimate ontological foundations because they are concealed from humanity. One comes to a similar conclusion as it was made above that the theological hermeneutics of the created world is implicitly a hermeneutics of the worldly human condition in communion with God.

It becomes clear that the mediation between cosmology and theology is something which by definition exceeds a scientific, as well as strictly theological scope. In other words, if cosmology deals with the order of the cosmos, whereas theology deals with the order of history, the question of their interaction/mediation/dialogue becomes by its constitution a philosophical question about the hierarchy of these orders in human consciousness. The problem of relation between theology and cosmology turns out to be a philosophical problem of the paradoxical enclosure of these orders one into another. Indeed, on the one hand the order of history is enclosed into the cosmic order as the necessary condition of the former. On the other hand the very cosmic order is disclosed and articulated from within the order of history. The premise of man's existence as a theologian is its cosmic place, whereas man's premise of being a cosmologist is its Divine image. Cosmology and theology become inseparable if these disciplines pretend to realistically contribute to the description of the human condition. As to the descriptive statements about the external world in cosmology and theology, they acquire either a philosophical sense in the style of cosmologia of ancient Greeks, whereas theology becomes at best *theologia naturalis*. The interaction between the latter is ever historically contingent without clarifying the source of the paradoxical phenomenality of the order of the cosmos and the order of history.

Before going in detail into philosophical aspects of mediation between theology and cosmology one must admit that modern cosmology considered within modern culture becomes a sort of public "theology" [4, p. 46]. Contemporary cosmologists are often seen as exercising a certain priestly role in modern society [5] as if cosmological ideas had immediate existential and social impact which would catch and fascinate public opinion [6]. Then it is naturally that this "new cosmic theology" enters into the polemic with the traditional theology. The latter cannot abstain from this engagement because it must defend its convictions, but by so doing traditional theology itself engages not so much into the polemics on the nature of scientific claims about reality but into a polemics on a particular social and cultural (sometimes explicitly atheistic; see,

for example, [7, 8]) appropriation of cosmological theories. The public nature of cosmology means that it contributes to the overall human culture by supplying the latter with a grandiose multifarious narrative some parts of which are based on interpretations of observations and mathematical modelling. In such a public appropriation cosmology is subjected to a hermeneutics exceeding the scope of the scientific. However, if theology is aware of the fact that any hermeneutics of creation is historically contingent, science can hardly accept this because the latter implicitly follows a belief that any of its ideas expressed mathematically corresponds to reality in itself independently of how such a knowledge was obtained.

Philosophy and theology are prepared to accept the public nature of cosmological knowledge in the form of the constantly renewing narrative about the universe. This narrative includes up-to-date scientific discoveries and ideas, as well as many trans-scientific extrapolations and speculations which exemplify the open-ended status of any scientific enquiry. It is not difficult to grasp that such a narrative leaves a strictly scientific field transforming scientific cosmology into cosmologia as part of the overall concept of reality. The ambitions of such a cosmology to provide a descriptive representation of reality have even less grounds than scientific hypotheses themselves. Since in such a narrative the notion of the universe accessible to the scientific grasp is transformed into the totality of being, infinite by definition cosmology loses its scientific status. Cosmology of the practically (and potentially) infinite universe cannot be ever accomplished and exhausted because of some fundamental physical and epistemological limits of the human knowledge of the universe [2]. In this trivial sense cosmology picturesquely provides one with an example of the open-ended hermeneutics of the large-scale physical existence (as that background which is necessary for existence of humanity). This hermeneutics itself has its own limits because it must comply with the physical laws (expressed mathematically) accessible to man in its constitution determined by these laws. This this hermeneutics is open-ended but yet limited by the horizon of the cognitive faculties of man in the conditions of corporeal existence. Here an analogy comes to mind with the apophatic sense of theology as admitting any possible hermeneutics of the infinite and incomprehensible Divine within the dogmatic definitions.

Can then the issue of the relevance of theology to cosmology become a question of a possibility of using a theological hermeneutics of creation together with the cosmological hermeneutics in order to produce a unified, more solid representation of one single whole, although open-ended? This question is a legitimate one because it has precedents in history, where cosmology was naturally a part of philosophy understood as knowledge, as well as theologia (understood as “knowledge of gods”). Here one can pose a question whether we return to posing a question on the relation between theology and cosmology as a historically contingent comparison of narratives related to modern era? Our objective was to avoid such an approach by transferring the question into an apodictic, that is philosophical frame. To formulate the sense of the “dialogue” between theology and cosmology as a comparison of two hermeneutics’ of the world and to stop there is not philosophically deep. The question is why there are two hermeneutics but not one. This question brings any researcher back to the enquiry about the basic difference in the human condition of two types of experience: religious and natural (worldly). But this is a philosophical question so that the approach to the problem of a relation between theology and cosmology must be philosophical.

Indeed, in order to make a comparative analysis of two spheres of the human experience one must have an a-priori philosophical predisposition which is initiated not through the necessities of

the scientific advance, not socio-historical factors, but through the logical necessity to understand how two types of experience of the universe are possible in one and the same human being. This philosophical concern shifts the center of enquiry from its objective pole (that is from truth claims about objective reality) to the subjective (noetic) pole by bringing on board an anthropological (existential) dimension of the problem. From within this dimension it seems that the question of the relevance of theology to cosmology or vice versa does not have too much sense, because it is the same as to ask what psychological experience of the universe is more relevant: the scientific one or that of theology?

Here the word relevance becomes inappropriate because both experiences are possible in human life and both do not contradict each other if one does not undertake their transmission into truth-claims. This entails that the enquiry into the interaction between cosmology and theology in one and the same human being is constitutive for man himself. This can be expressed in a different way: the disclosure and manifestation of the universe as it is studied in cosmology and asserted in theology is intrinsically linked to the existential desire to explicate the human condition, human life as it is experienced in its immediate givenness to every human being. Here cosmology represents a certain telos (goal) of the human intellectual activity in order to exercise, in words of the founders of phenomenology, “worldification” or “enworlding,” whose scope is not reduced only to curiosity and wonder of the infinite sky and the cosmos, but is implanted in the very essence of the human telic constitution. From within such a vision of cosmology a particular historical distinction between that in cosmology which is strictly scientific (as defined at this particular moment) and that which represents a much wider narrative has only a historical significance, implying that those perennial issues which humanity encountered at the dawn of its conscious existence, such as, for example, the sense of contingent facticity of all, the origin of the universe and life in it, etc. remain undisclosed and concealed in spite of their ongoing scientific hermeneutics.

In spite of the fact that the ultimate origin of this concealment cannot be elucidated either scientifically or philosophically it can be interpreted anthropologically, that is as related to the most immediate existential anxiety of the origin of the human life. Here one sees a different approach to cosmology not as to a discipline which explores something out there (that is produces some descriptive claims about reality of things) but as to some outward expression of the human existence considered as a primary philosophical fact. The scheme “the universe therefore human existence” is replaced by a phenomenologically explicated existential formula “human existence therefore the universe”, where in the former the universe is treated as a necessary background for the appearance of embodied consciousness, whereas in the latter the universe is treated as a product of the human articulation and constitution (where humanity as such appears as a sufficient condition for existence of such an image of the universe). The fact that the natural background of the universe is necessary for the human existence is an articulated and constituted fact, brought to light post-factum through scientific research whose possibility is based in the human intellectual capacities which are not causally implanted in the physical necessities.

Recapitulating the final point, one can approach cosmology within the enquiry of its relation to theology not from the point of view of that which it claims as a matter of fact (leaving this to the proper scientific cosmology), not from a point of numerous views of the universe from the historical past to its postmodern grand narratives (including numerous popular books), but as an ever present modus of the human existential activity which is always directed to the future (being indeed a

cosmogonic process of world-building). Seen in this way, cosmology as aiming to explicate the sense of the universe, in particular its origin, forcefully demonstrates that the origin of the universe forms the telos of cosmological explanation and thus, by its constituted essence, is situated in the future of humanity (as an example one can point to a famous physicist J. A. Wheeler, who asserted, for example, that the Big Bang is a shorthand notion of that which is constituted through a scientific research at present; see his book [9]). In spite of a seemingly paradoxical nature of this conclusion, it can receive a philosophical justification as the working of the formal teleology in the cosmological research which originates in the human cognitive faculties [10]. If the whole of cosmological research related to tracing down the origins of the evolving universe can be seen as a certain formally teleological activity, then the entrance of a theological dimension in the issue of “cosmology and theology” can be seen not straightforwardly as if scientific views are brought into correlation with the experience of God (which would have no sense anyway) but as bringing into correlation of two different types of the intrinsically teleological contemplation of the universe whose purposes, in spite of their differences in content, have a common origin in the human condition.

Theology never implied an accomplished cosmological synthesis because theology dealt with the human situation in the created world in communion with God. However, theology together with philosophy engages with the cosmological discourse when men experience emotional and spiritual predicaments in appropriating the findings of cosmology. This happens when humanity has to face its radical physical insignificance in the universe and its contingency upon physical factors which are beyond man’s control. Whether one implies a single universe related to what we observe or multiverse, man’s physical position in the cosmos can be described in terms of cosmic homelessness (M. Heidegger), non-attunement (J.-F. Lyotard), restlessness (S. Frank), or saying shortly as deprived of sense and value. This is confirmed not only through the modern estimate of the visible universe’s size in terms of 92 billions of light years at whose background the habitable zone of the planet Earth with its atmosphere of 10 kilometres high seems to be infinitely small, but, in fact, through a fundamental chaining of humanity to the planet Earth. Indeed, as recent scientific result assert, any perspective of expansion of humanity in space seems to be bleak because of the over-penetrating cosmic ionising radiation contradicting to any existence of life. Geocentrism becomes for humanity not an option, but as the imperative (it does not imply that humanity has to deny existence of life and intelligence beyond Earth, the question is about the possibility of being displaced in space). And it is in the background of this inevitability of geocentrism that all cosmological discoveries and estimates of the size and the age of the universe seem to be very depressing if humanity treats itself only in physical terms. Cosmology in this sense explicates well the predicaments of the human condition. It provides a profound account of what humanity has achieved in a short historical period in terms of understanding of the outer cosmos, but, as such, cosmology does elucidate the sense of the human existence only apophatically: it describes the extent of how the universe is hostile to humanity.

Cosmology outlines the necessary conditions for existence of humanity, but it leaves untouched any question on the contingent facticity of and the sense in these conditions. Certainly this is not cosmology’s business to deal with this issue. But, any cosmologist must remember their discipline exists only because there are human beings endowed with an intellect and whose existence is elucidated by this cosmology only to a “half.” Thus cosmology exists in the unclarified conditions of its own possibility. To clarify the latter, it is enough to pose a question of how men

with the 20 cm of their brains are capable of producing an instantaneous synthesis of the practically infinite universe. Philosophically, one can rephrase this question as to where from humanity has access to the idea of infinity? It is only in the background of this innate idea that humanity is capable of sensing its physical incommensurability with the universe, its homelessness, non-attunement and restlessness. History shows that one can survive on this planet without ever thinking about the cosmic place just imitating an animal “freedom” from enquiring into the sense of existence. It is here that one observes a certain reversal of the situation with the cosmic place: the human obsession with its place in the universe transforms into the question of why this very obsession is given to humanity in the very fact of its existence. In other words, where the very possibility of cosmology comes from and what is its purpose in view of its depressive (but obviously scientifically dispassionate and objective) findings?

All these questions are related to the realm of the human affairs by treating cosmology as one of them. But the human affairs take place within the order of history which is a subject matter of theology and here cosmology naturally meets theology. Cosmology receives its explication from within the human condition and human history, that is, existentially. One finds the questions of the universe as a whole, of its origin, its suitability for the human existence etc. as grounded in the basic concern of humanity about the sense of its own existence. By doing cosmology humanity attempts to achieve existential goals functioning in its psyche in rubrics of faith in humanity’ destiny as it is portrayed from within the order of sacred history.

How then a vision of such existential goals cascades towards the vision of the order of the cosmos? The answer to this question contributes to the question on the relevance of theology to cosmology.

Results and discussion.

Modern Cosmology and Theology: hot issues.

1. The inseparability of cosmology and theology.

Cosmology and theology are inseparable in a trivial philosophical sense because they are both related to the realm of human activity. However, more specifically, the very possibility of theology is determined by the possibility of existence of the incarnate human persons, that is by the necessary physical and biological conditions for the existence of theologians, the conditions which are ultimately cosmological. From here one concludes that any theological proposition implicitly contains truth about the world as such. The argument from cosmology to theology flows in a similar manner: cosmology studies the universe without clarifying the sense of the sufficient conditions responsible not only for the outcomes of the physical laws in order to have a given display of the universe, but also for the very possibility of knowledge and explication of the universe by human persons. Although theology does not explain these facts, it interprets them by pointing out that only human beings have a rational capacity of studying and articulating the universe associated with their special creation in Divine Image. Thus theology is implicitly present in all cosmological formulae, so that cosmology as such contributes to the explication of the special position of humanity in the universe.

2. Fine Tuning, Anthropic Principle, fitness of the universe for life.

The Anthropic Cosmological Principle (AP) explicates that the necessary physical conditions for the existence of humanity are finely balanced (fine-tuning) in the evolutionary universe leading to the possibility of life on Earth [11]. Thus AP contributes further to the articulation of

consubstantiality of humanity to the universe. Theological anthropology accentuates this point through its stance of the microcosmic and meditational position of humanity in creation thus mimicking in its constitution the structure of the visible universe. Cosmology confirms that humanity indeed recapitulates the visible universe (only 4 % of the overall matter) but its actual presence in the universe is radically insignificant in physical terms in spite of theological claims of humanity's centrality as being the centre of disclosure and manifestation of the universe. The theological claim for humanity to be responsible for the transfiguration of the universe and overcoming the moral division between it and the creator seems to be unclear, if it is treated literally, in view of the modern cosmological stance on insignificance of the human position in space and time. Humanity through its theoretical research could be considered as mediating between the visible and invisible (noetic) universe on the epistemological level. This propensity is not trivial natural fact and cannot be explicated philosophically. Yet, theology can interpret it Christologically by referring to the archetypical image of the incarnate Christ who, by assuming human flesh in space and time, remained the creator of the universe, thus by being present in it hypostatically.

3. The unknowability of the universe and apophatic cosmology?

In spite of the fact that, according to the Anthropic Principle humanity is consubstantial to the visible universe, the universe in its bulk content remains unknowable because, according to modern cosmology, it consist of 96 % of Dark Matter and Dark Energy which do not physically interact with those constituents from the optically and experimentally visible part of the universe, including human bodies (its existence is presupposed on logical grounds in order to keep theory consistent, but there are no empirical clues what kind of matter it is). In other words, humanity is consubstantial only to 4 % of the material stuff of the universe thus loosing its title of the physical microcosm in relation to the universe as a whole. Then the question is: does physical cosmology amend the philosophical and theological reading of man as microcosm, relegating its microcosmic function only to an epistemological sphere thus positioning the finite and nomistically limited human beings at the centre of disclosure and manifestation of the universe? In this case, does the 96 % of the non-consubstantial and invisible matter appear only as theoretical constructs for the purpose of a coherent cosmological explanation?

Then it seems reasonable to conjecture that since the universe's content remains unknowable, its description represents an open-ended hermeneutics, whose present scientific episode contributes to the endless narrative about it. One then makes a comparison between the apophaticism in theology where all definitions and narrations of the Divine never exhaust the sense of what is signified by them, with the apophaticism in cosmology, claiming that the ultimate nature of the universe is inaccessible to the human reason in the conditions of its embodiment. Theologically, such an observation contributes to an argument that the universe is unknowable to the same extent as unknowable its Creator. This conclusion is similar to another theological claim of man's inability to know himself as being a Divine Image of the incomprehensible God.

4. Multiple universes.

The "fine-tuning" issue relates to the very low probability of the initial conditions of the universe, if one assumes (in any possible sense) the potential existence of the ensemble of the universes, and hence a choice of that one out of them which represents our universe [12]. The major problem with the hypothesis of the multiverse is its radically non-empirical status and hence with its testability entailing a doubt in a scientific nature of this hypothesis [13]. The claimed

proposals for scientific tests of the physical existence of a multiverse most of which rely on probability concepts are doubtful because it seems that one cannot use probability arguments in cosmology when only one universe exists. Probability arguments cannot prove a multiverse exists, they can only prove the self-consistency of multiverse proposals as such. Yet some cosmologists, in order to avoid any appeal to the idea of creation of the universe and its creator, prefer the multiverse model by simply ontologizing its construct in a naively realistic fashion. From a theological point of view, the perennial issue of the contingent facticity of the multiverse itself (as a new type of the highly undifferentiated “substance”) remains untouched by any of its models so that in no way the multiverse hypothesis can replace or “explain” *creatio ex nihilo*. Yet, from the same theological point of view the idea of the multiverse can represent an interest if considered in a platonic sense: God created many intelligible universes, but only one or some of them have received an embodied physical existence.

5. How much of life is in the universe: Search for Extraterrestrial Intelligence (SETI), exoplanets, multiple incarnations.

Recent discoveries of exoplanets stimulated a new wave of the search for extraterrestrial intelligence in our galaxy assuming that the necessary physical and biological conditions for life are fulfilled on these planets. Then the question of existence of intelligent sentient beings on other planets receives many theological overtones:

1) Do the similar necessary conditions of existence of life entail the same sufficient conditions leading to appearance of intelligent beings similar to those of humanity?

2) In what sense can one speak of the other intelligent beings if they are not in the Divine Image: do we have an epistemological access to them.

3) Do potential intelligent beings experience a similar to us regression in communion with the creator and hence need salvation?

4) Can multiple incarnations happen in the universe or a single Incarnation on Earth is enough in order its effects to be communicated by humans to other inhabited worlds?

5) Do we soteriologically need to know of and contact with those potential beings in the conditions when the sense of our own world is obscured by the garments of skin?

6) How the issue of SETI can be disentangled from the theologically expressed concern for the cosmos at large being devoid of grace and potentially threatening by being usurped by fallen angels?

In view of the NASA’s recent discoveries of the practical impossibility of cosmic travels because of the high exposure to the ionising radiation by fast cosmic particles, the planet Earth remains the only place for humanity to exist which puts in doubt any phantasies of the human expansion in the universe. Hence, can the discovery of exoplanets in conjunction with the impossibility of the remote travelling in space, as well as the advance in the SETI, explicate further the sense of a theological claim for the centrality of Earth and the geocentric uniqueness of the Incarnation.

6. The origin of the universe and *creatio ex nihilo*.

The issue of origination of the universe represents a major challenge for scientific cosmology because of its lack of testability. Here physical theories reach their limits if testability is regarded as being an essential attribute of physics. Theories of creation of the universe are not testable and cosmological observations provide very weak limits on conditions immediately after creation

because the inflationary phase of expansion wipes out most memory of that which preceded it. Alleged ‘explanations’ of creation rely on extrapolating some aspects of tested physics to situations where tests are not possible. Usually they employ physical theories (such as Quantum Field Theory, for example) held to be applicable in situations before space and time existed, in spite of the fact that their usual formulation assumes that space and time do exist. So the major issue here is, what features of cosmology (physics) depend on the existence of the universe, and which transcend it? Only those that transcend it can feature in theories of how the universe came into being. This raises a question of how to understand the transcendent features of theories in an ontological sense. What kind of existence is assigned to the theoretically constituted origin of the universe: is it indeed physical, or just mathematical (platonic), or intersubjective (remaining a regulative idea in a Kantian sense)? In the latter case one has to deal with the issue of how philosophical and theological rigor can enter into the data verification and analysis in cosmology of the early universe and what will be the ultimate quality of the argument: metaphysical or scientific. Can top-down explications of the origin of the universe be considered as a legitimate mental causation? In addition to this, can one enquire whether these transcendent features of theories based on mental causation point towards the fact that scientific theories of the early universe ‘detect’ the presence of the Divine? (see more in [14, 15]).

In spite of all the issues raised above, the discourse of origination of the universe in a singular state (Big Bang) which is traditionally related to the theologically understood *creatio ex nihilo*, can be considered as the most developed in the context of the dialogue with theology. Theology provided lots of writings on creation of the universe out of nothing, but it was never concerned with the specifically cosmological aspects of creation because it never aimed to produce any accomplished cosmology. Any co-relation of theological ideas on creation with the modern cosmological narrative would be considered not only as anachronistic, but logically purposeless because of the historically contingent means of comparing of the two narratives. The essential feature of the patristic narrative of creation is to place it in the logic of transfiguration of the universe and human deification enabled through the Incarnation of Christ. In this sense the whole cosmology of the Fathers is through and through Christocentric thus approaching creation through its major motive – the Incarnation. Correspondingly the only possible novelty in appropriation of modern cosmology of the early universe by theology would be by treating the origination of the universe as related to the motive of the Incarnation, that is, by linking the initial conditions of the universe to the necessary conditions for the Incarnation (and hence the existence of humanity).

There are two other issues from theology of creation that can be relevant to the modern cosmological views of origination of the universe: 1) the dual structure of the created realm: the empirical and intelligible (theoretical models of the visible universe) as the constitutive element of *creatio ex nihilo*; 2) the contingency of creation expressed through the perennial question of “why not sooner?” of creation. The 1) is related to the issue of the importance of the intelligible creation/causation (platonic worlds, multiverse, mathematical objects) in the overall cosmological picture; the 2) is related to the age of the universe (either biblical, or scientifically stated) which refers the issue to the contingency of the initial conditions of the universe (as the transcendent feature of cosmological theories) and hence theologically to the unknown will and wisdom of the creator. Then cosmological models of origination of the universe can be treated as contributing to the open-ended hermeneutics of the contingent facticity of the universe thus expressing the

ultimate unknowability of its origin related to the impossibility of constructing the causal principle of the world.

7. Consciousness and the universe.

Physics in its classical form, when it works in the natural attitude and disregards the functioning of that subjectivity which predicates the physical world, cannot incorporate consciousness in its scope. The word ‘classical’ is used here not in order to contrapose quantum physics to that which is traditionally called ‘classical physics’. This word is used in a philosophical sense related to that particular phenomenality with which physics deals (namely the phenomenality of objects), that is, with that which is allegedly objective and independent of the human insight. There are many speculations and a hope that Quantum Physics will change this approach to reality and bring onboard the presence of an enquiring subject. It suffices to mention all famous discussions on the role of the observer within the Copenhagen interpretation of Quantum mechanics. However all these discussions do not change anything in the understanding of the sense of humanity in the universe as embodied hypostatic creatures with their private sense of existence (expressed in 1st person) which is not describable by any possible science. This is the reason why physics until now attempts to banish any enquiry into the sense of personal consciousness by insisting on studying the objective world. This tendency seems to be strange, in particular when the same physics claims to seek for the Theory of Everything which must include consciousness in the universe by definition. Cosmology, at first glance, contributes to the diminution of humanity in the universe by proving its utter insignificance on the physical scale. Correspondingly the status of the embodied consciousness in the universe seems to be negligible and incidental. However this observation enters a direct contradiction with the fact that this very observation is possible only because humanity is epistemologically central in the universe to the extent that the overall picture of the evolving universe is the product of humanity’s mental activity.

The very fact of existence of the universe is manifested through the fact of existence of humanity. Hence the very possibility of existence of the universe in a humanly articulated form is possible only because of the existence of human intelligent beings (theologically made in the divine image). Then one can conclude that the human intelligence may be a fundamental rather than incidental feature of the universe, implicitly present in the very definition of the universe as the sum total of being. In this case any old-fashion models of “God of the Gaps” on the one hand, and any claim of the absolute (God-given) truth about the world, on the other hand, become relevant only in the sense that these models are implanted into the open-ended hermeneutics of the human condition from within which the disclosure and manifestation of the universe is going on together with the advance in experience of the Divine. Saying differently, if God is supposed to be everywhere in the universe, then one could expect cosmology to reveal him in some specific ways which are encoded in the human approximations for truth. Cosmology here must be compatible with a direct religious experience of communion with the Divine, because this experience is in the same universe. One implies the compatible hermeneutics of existence in cosmology and theology which is in a constant dialogue.

Then theological and cosmological hermeneutics of existence can be considered phenomenologically as constitutive of humanity as the centre of disclosure and manifestation of the universe. In this case the question of explanation of consciousness by some scientific and philosophical means loses its sense and acquires a different status, namely as that which manifests

existence as such, including either theological or scientific forms. In this case one stops looking for the ultimate foundation and origin of the hypostatic consciousness in the universe by taking as this foundation not the hypothetical mechanism of the transition from the animal consciousness to that one of Homo Sapiens, for example, but by studying consciousness' evolution through its acquisition of the world and hence its (allegedly metaphysical) explanation of its origin through constructing the origin of the universe. In no way, however, such an 'explanation' will have a theoretical, ontological sense: it will provide us only with a regulative approach to the goal of our explanation, that is consciousness itself. Consciousness will always be encoded in theories and explanations of the universe but it will never be 'seen' as an object, as that which can be defined in terms of substance and its variations. It will always remain a transcendental condition of disclosure and manifestation of the universe, that condition which humanity receives together with the gift of life. In this phenomenological view cosmology acquires the sense of a particular form of the human subjectivity dealing with the conditions of its physical existence. It becomes a different experience of existence, when consciousness has to balance its internal sense of existence as a private person with that other in the background of which this privacy experiences its being through communion with the Giver of life. Then any cosmological enquiry, in a phenomenological sense, can be considered as contributing to the experience of the Divine as the giver of the physical and intellectual possibility of this enquiry.

Conclusion. On the basis of the methods applied to the hot issues in the dialogue between cosmology and theology one concludes that the dialogue between cosmology and theology is an open-ended enterprise related to the fundamentally concealed origins of humanity and universe. The difference in hermeneutics of the universe does not create any contradiction or tension but reflects a dualistic position of humanity in the universe, being an insignificant part of it and at the same time its centre of disclosure and manifestation.

REFERENCES

1. Carr, B. (2017), "Black Holes, Cosmology and the Passage of Time: Three Problems and the Limits of Science", *The Philosophy of Cosmology*, in Chamcham, K., et al. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 40–65. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316535783.003>.
2. Ellis, G.F.R. (2017), "The Domain of Cosmology and the Testing of Cosmological Theories", *The Philosophy of Cosmology*, in Chamcham, K., et al. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 3–39. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316535783.002>.
3. Yannaras, C. (2004), *Postmodern Metaphysics*, Transl. by Russel, N., Holy Cross Orthodox Press, Brookline, USA.
4. Peters, T., Hewlett, M., Moritz, J.M. and Russell, R.J. (eds.) (2018), *Astrotheology. Science and Theology Meet Extraterrestrial Life*, Cascade, Eugene, USA.
5. Disney, M.J. (2000), "The Case Against Cosmology", *General Relativity and Gravitation*, vol. 32, pp. 1125–1134. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1001981929727>.
6. Cornwell, J. (2004), "Hawking's quest: a search without end", *The Tablet* (27 March 2004), pp. 4–5.
7. Krauss, L.M. (2012), *A Universe from Nothing*, Free Press, NY, USA.
8. Stenger, V. (2008), *God the Failed Hypothesis: How Science Shows that God Does not Exist*, Prometheus Books, NY, USA.
9. Wheeler, J.A. (1996), *At Home in the Universe*, American Institute of Physics, NY, USA.
10. *Immanuel Kant, Critique of Judgement* (1951), Trans. by Bernard, J.H., Hafner, NY, USA.
11. Barrow, J.D. and Tipler, F.J. (1986), *Anthropic Cosmological Principle*, Clarendon Press, Oxford, UK.

12. Carr, B.J. (ed.) (2007), *Universe or Multiverse?*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
13. Ellis, G.F.R. (2011), "Does the Multiverse Really Exist?", *Scientific American*, pp. 38–43.
14. McMullin, E. (1981), "How should cosmology relate to theology?", *The Sciences and Theology in the Twentieth Century*, in Peacocke, A.R. (ed.), Oriel Press, London, UK, pp. 17–57.
15. McMullin, E. (1998), "Is philosophy relevant to cosmology?", *Modern Cosmology and Philosophy*, in Leslie, J. (ed.), Prometheus, NY, USA, pp. 46–82.

Information about the authors.

Alexei V. Nesteruk – Dr. Sci. (Philosophy) (2019), Visiting Research Lecturer at the University of Portsmouth, Lion Gate Bld, Portsmouth, P01 3HF, UK. Associate Professor at the Inter-University Centre on Education in History and Philosophy of Science, State Marine Technical University, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 116 scientific publications. Areas of expertise: cosmology, philosophy of science, the dialogue between science and theology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Aleksandr V. Soldatov – Dr. Sci. (Philosophy) (1991), Professor (1992), Head of the Department of Philosophy and Sociology, State Marine Technical University, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 205 scientific publications. Areas of expertise: philosophy of science, philosophy of religion, sociology of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carr B. Black Holes, Cosmology and the Passage of Time: Three Problems and the Limits of Science // *The Philosophy of Cosmology* / in K. Chamcham et al. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 40–65. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316535783.003>.
2. Ellis G. F. R. The Domain of Cosmology and the Testing of Cosmological Theories // *The Philosophy of Cosmology* / in K. Chamcham et al. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 3–39. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316535783.002>.
3. Yannaras C. *Postmodern Metaphysics* / transl. by N. Russel. Brookline: Holy Cross Orthodox Press, 2004.
4. *Astrotheology. Science and Theology Meet Extraterrestrial Life* / in T. Peters, M. Hewlett, J. M. Moritz, R. J. Russell (eds.). Eugene: Cascade, 2018.
5. Disney M. J. The Case Against Cosmology // *General Relativity and Gravitation*. 2000. Vol. 32. P. 1125–1134. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1001981929727>.
6. Cornwell J. Hawking's quest: a search without end // *The Tablet*. 27 March 2004. P. 4–5.
7. Krauss L. M. *A Universe from Nothing*, NY: Free Press, 2012.
8. Stenger V. *God the Failed Hypothesis: How Science Shows that God Does not Exist*. NY: Prometheus Books, 2008,
9. Wheeler J. A. *At Home in the Universe*, NY: American Institute of Physics, 1996.
10. Immanuel Kant, *Critique of Judgement* / trans. by J. H. Bernard. NY: Hafner, 1951.
11. Barrow J. D., Tipler F. J. *Anthropic Cosmological Principle*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
12. *Universe or Multiverse?* / in B. J. Carr (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
13. Ellis G. F. R. Does the Multiverse Really Exist? // *Scientific American*, 2011. P. 38–43.
14. McMullin E. How should cosmology relate to theology? // *The Sciences and Theology in the Twentieth Century* / in A. R. Peacocke (ed.). London: Oriel Press, 1981. P. 17–57.
15. McMullin E. Is philosophy relevant to cosmology? // *Modern Cosmology and Philosophy* / in J. Leslie (ed.). NY: Prometheus, 1998. P. 46–82.

Информация об авторах.

Нестерук Алексей Всеволодович – доктор философских наук (2019), научный сотрудник университета Портсмута, Лайон Гэйт корп., Портсмут, PO1 3TR, Великобритания. Доцент межвузовского центра по образованию в области истории и философии науки при Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 116 научных публикаций. Сфера научных интересов: космология, философия науки, диалог между наукой и богословием. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Солдатов Александр Васильевич – доктор философских наук (1991), профессор (1992), заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 205 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, философия религии, социология науки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии

Н. Б. Помозова✉

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

✉ npomozova@mail.ru

Введение. Рассматривается становление сети китайских аналитических центров («мозговых центров» (МЦ)) как особого социально-политического института – исследовательской системы, не только нацеленной на решение задач, поставленных ей государством, но и, в силу специфики этих задач, оказывающей все возрастающее влияние на это свое же государство-заказчик. Этот процесс исследуется с позиции социальной рефлексии, определяемой современным – «текучим» – характером социума, находящегося в процессе становления в условиях возрастающей социокультурной динамики и риска. Сегодня «мозговые центры» как весьма популярный на Западе институт активно обсуждаются в научном сообществе в контексте их ангажированности и утраты экспертной независимости. В то же время в Китае, где подобные структуры появились позже, чем в США и Европе, их влияние на принятие политических и экономических решений оценивается как стабильно высокое. Целями исследования являются классификация ведущих китайских МЦ и анализ их деятельности с позиции социологической рефлексии.

Методология и источники. Методологической основой исследования стал подход рефлексивной социологии, при помощи которого была предпринята попытка анализа деятельности современных аналитических центров КНР, их направленности. Эмпирическую базу составили находящиеся в открытом доступе данные о деятельности китайских аналитических центров, вошедших в перечень лучших согласно американскому рейтингу Go Global Think Tank Index Report. На этой базе было проведено исследование природы этих организаций и их тематики.

Результаты и обсуждение. На основании изучения структурной динамики и тематики исследований китайских аналитических центров утверждается, что развитие такой сети с 2000-х гг. обусловлено переориентацией китайской внешней политики с двух «сверхдержав» на Европу и страны, лежащие на «новом шелковом пути» в нее. Вопреки расхожему на Западе мнению о том, что только в демократических обществах западного образца «мозговые центры» способны оказывать влияние на принятие политических решений, анализ направлений деятельности современных аналитических центров Китая демонстрирует, что именно там обсуждаются идеи, которые впоследствии ложатся в основу принятия руководством КНР политических решений.

Заключение. Взаимодействие с Европой как основной внешнеполитической целью привело к социальной рефлексии проблем при построении всестороннего сотрудничества с ней. Такая рефлексия, в свою очередь, в сочетании с социальной же практической рациональностью, обусловила обращение к европейскому же рационализму

с целью как понять Европу, так и попробовать наладить общение с ней с использованием понятного ей дискурса. На решение этой задачи направлена работа, в частности, китайских аналитических центров, значимость которых в формировании внешней политики Китая растёт.

Ключевые слова: китайские аналитические центры, «мозговые центры», социальная рациональность, социальная институциональная рефлексия.

Для цитирования: Помозова Н. Б. Китайские аналитические центры: от практической рациональности к социальной институциональной рефлексии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 71–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-71-85.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.06.2021; принята после рецензирования 16.07.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Chinese Think Tanks: from Practical Rationality to Social Institutional Reflection

Natalia B. Pomozova✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

✉ npomozova@mail.ru

Introduction. The article examines the formation of a network of Chinese think tanks as a special socio-political institution – a research system, not only aimed at solving the tasks set by the state, but also, due to the specifics of these tasks, exerting an ever-increasing influence on the same state is the customer. This process is being studied from the standpoint of social reflection, determined by the modern “fluid” nature of society, which is becoming in conditions of increasing socio-cultural dynamics and risk. Today think tanks, as a very popular institution in the West, are actively discussed in the scientific community in the context of their engagement and loss of expert independence. At the same time, in China, where such structures appeared later than in the United States and Europe, their influence on political and economic decision-making is recognized as consistently high. The aim of the study is to classify the leading Chinese think tanks and analyze their activities from the perspective of sociological reflection.

Methodology and sources. The methodological basis of the study was the approach of reflective sociology, with the help of which was made an attempt to analyze the activities of modern analytical centers in the PRC and their focus. The empirical base was made up of publicly available data on the activities of Chinese think tanks, included in the list of the best, according to the American Go Global Think Tank Index Report, on the basis of which a study of the nature of these organizations and their topics was carried out.

Results and discussion. Based on the study of the structural dynamics and research topics of Chinese think tanks, it is argued that the development of such a network since the 2000s is due to the reorientation of Chinese foreign policy from two “superpowers” to Europe and countries lying on the “new silk road” to it. There is a widespread opinion in the West that think tanks are capable of influencing political decision-making only in Western-style democratic societies. An analysis of the activities of modern think tanks in China refutes this opinion and demonstrates that it is there that ideas are discussed, which subsequently form the basis for political decision-making by the leadership of the PRC.

Conclusion. Interaction with Europe, as the main foreign policy goal, has led to a social reflection of problems in the construction of comprehensive cooperation with it. Such a reflection combined with social practical rationality, led to an appeal to European

rationalism with the aim of both understanding Europe and trying to establish communication with it using a discourse that it understands. The work of Chinese think tanks, whose importance in shaping China's foreign policy is growing, is aimed at solving this problem.

Key words: Chinese analytical centers, think tanks, social rationality, social institutional reflection.

For citation: Pomozova N. B. Chinese Think Tanks: from Practical Rationality to Social Institutional Reflection. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 71–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-71-85 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.06.2021; adopted after review 16.07.2021; published online 24.11.2021

Введение. С момента основания современного китайского государства его внешняя политика, как и вся остальная политика, определялась ведущим политическим институтом – Коммунистической партией Китая (КПК) – и, конкретнее и непосредственно, – высшим партийным руководством. Эта традиция сохраняется, но в текущем тысячелетии изменение международной обстановки и изменение Китая во многом обусловили дополнение этой традиции новым фактором – все более активным обращением руководства страны к гуманитарным наукам с целью нахождения, а затем и конструирования оснований для своего развития в целом и внешней политики как одного из средств по обеспечению благоприятных условий для этого развития. Кроме этого, потребовались и понимание оснований западной внешней политики, а также нахождение точек соприкосновения, чтобы лучше объяснять свою собственную политику.

Мы уже обращались ранее к ведущей роли в разработке внешней политики КНР Международного отдела ЦК КПК и Министерства иностранных дел КНР [1]. Однако по мере того, как страна наращивала свой стратегический потенциал и переходила ко все более масштабной и активной внешней политике, росла потребность в дополнительных ресурсах для анализа международной повестки и продвижения вовне своих, теперь уже глобальных, концепций. Это вызвало бурное развитие сети институтов, специализирующихся на сборе и анализе информации для принятия политических решений и влияния на формирование общественного мнения о китайской внешней политике внутри страны и о Китае за рубежом. С приходом к власти Си Цзиньпина, на XVIII съезде Коммунистической партии Китая, был намечен специальный план по созданию аналитических центров с «китайской спецификой». «Китайская специфика» в данном случае предполагает преимущественно государственное финансирование «мозговых центров», в отличие от западных, частное финансирование которых якобы предопределяет независимый характер их исследований. В результате появляется целый ряд глобальных концепций, наиболее масштабными из которых стали Инициатива «Один пояс, один путь» и Сообщество единой судьбы человечества.

Методология и источники. Различные аспекты проблемы развития и роли «мозговых центров» в Китае являются объектами исследования как российских ученых (Е. В. Журбей, А. В. Ломанов, К. Р. Матыгулина, К. А. Тарабарко, И. Н. Комиссина)¹, так и зарубежных

¹ См.: Журбей Е. В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса; Ломанов А. В. Мозговые центры нового типа с китайской спецификой: взгляд Ху Аньгана; Матыгулина К. Р. «Мозговые центры» внешней политики КНР; Тарабарко К. А. «Мозговые центры» как форма институционализации исследований «мягкой силы» культуры Китая; Комиссина И. Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития; Научные и аналитические центры Китая: Справочник; и пр.

(С. Менегатци, Д. Бандурски, Д. Шамбо и др.)¹, и, конечно, китайских (Сюфэн Чжу, Сюэ Лань, Ли Чэн, Сюаньли Ляо и др.)² исследователей. Тем не менее растущая роль теперь уже целой системы китайских аналитических центров актуализирует необходимость постоянного наблюдения за динамикой их развития, тематикой деятельности и использования их наработок в практической внешней политике КНР. Основные элементы этой системы были исследованы с позиций понимающей социологии в части рационализации социально-политической жизни (М. Вебер) и рефлексивной социологии (П. Бурдьё, Э. Гидденс и др.) в части институциональной рефлексии.

Начиная с Возрождения рационализм в Европе последовательно усиливает свои позиции, вплоть до едва ли не торжественного провозглашения М. Вебером рационализации социума как исторической тенденции. Причем утверждения не «материальной», а «формальной» рациональности, которой социальный актор следует, подсчитывая, учитывая, калькулируя все не с какой-то конкретной, определенной целью, а реализуя учет как всеобщий, универсальный принцип отношения к действительности. В наиболее же общем методологическом плане Вебер определил рациональное «в смысле логической или телеологической “последовательности” какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции» [2, с. 308].

Хотя В. В. Щербина, Е. П. Попова считают, что свое «представление о рациональности он использовал как некий ориентир, как “идеальный тип”, с которым можно было бы соотносить реальное поведение людей» [3, с. 137], Н. Н. Зарубина обращает внимание на возможность в связи с этим выделить различные типы рационализации: «...практическая как повседневная целесообразность действий; теоретическая как построение все более абстрактных понятий и целостных картин мира; материальная как подчинение жизненного поведения реализации» [4, 5]. В отношении же Китая, аналитические центры которого рассмотрены в данной статье, из работ Вебера можно сделать вывод о его понимании конфуцианской традиции как практической рациональности [6].

Понятие рефлексии широко применяется в различных социологических теориях (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка и др.). По мнению А. Гоулднера, теория социологии непременно должна учитывать вовлеченность акторов в реальный социальный мир, что предполагает использование методов рефлексивной социологии [5]. В данной статье речь идет об институциональной рефлексии, и «мозговые центры» КНР как объект исследования не просто испытывают влияние других внешнеполитических институтов Китая, но и сами оказывают влияние на принятие политических решений и вектор международной политики Пекина.

Рост количества и значения аналитических центров в мире стал столь значительным, что появились и оценивающие их рейтинги. В Китае с 2015 г. существуют собственные рейтинги как национальных, так и международных «мозговых центров» [7]. В основе их оценки лежат три показателя: способность привлечения финансов, успехи управленцев

---

¹ См.: Menegazzi S. Rethinking Think Tanks in Contemporary China; Bandurski D. China's New Think Tanks in Europe; Shambaugh D. China's International Relations Think Tanks: Evolving Structure and Process.

² См.: Zhu Xufeng. The Rise of Think Tanks in China; Lan Xue. China's New Think Tanks; Li Cheng. The Power of Ideas: the Rising Influence of Thinkers and Think Tanks in China; Xuanli Liao. Chinese Foreign Policy Think Tanks and China's Policy Toward Japan.

в развитии своих центров, влияние на общественное мнение и принятие решений. Однако наиболее цитируемым и авторитетным международным рейтингом является Go Global Think Tank Index Report (Университет Пенсильвании, США) [8], который с 2006 г. осуществляет свой мониторинг в 3 этапа по 28 критериям. На основании находящихся в открытом доступе данных о деятельности китайских аналитических центров, вошедших в перечень лучших согласно американскому рейтингу Go Global Think Tank Index Report, было осуществлено исследование природы этих организаций и их тематики.

Согласно этому рейтингу по итогам 2019 г. Китай занял 3-е место по количеству «мозговых центров» в мире (507), уступив Индии (509) и США (1871), опустившись на одну позицию по сравнению с 2017 г. (512).

В перечень лучших «мозговых центров» мира 2019 г. (без учета США) вошли, как и в 2018 г., 10 научно-исследовательских центров (на 2 больше (Институт экономических исследований «Чун-хуа» и Институт «Паньгу»), чем в 2017 г.):

- Китайский исследовательский институт современных международных отношений;
- Академия общественных наук Китая;
- Центр исследований и разработок при Госсовете КНР;
- Центр Китая и глобализации;
- Шанхайский институт международных исследований;
- Институт экономики «Юнирул»;
- Институт финансовых исследований «Чунъян»;
- Фонд «Наш Гонконг»;
- Институт «Паньгу»;
- Институт экономических исследований «Чун-хуа» (Тайвань).

Рассмотрим их подробнее.

Китайский исследовательский институт современных международных отношений [9] был основан в 1980 г. Аффилирован с Министерством национальной безопасности и Коммунистической партией Китая. Его деятельность заключается в проведении исследований и осуществлении консультаций на тему международных процессов и безопасности Постоянному комитету Политбюро Центрального комитета Компартии Китая, Малой группе по международным делам, МИД, Министерству национальной безопасности. В аналитическом центре работает около 300 чел., в том числе 150 старших научных сотрудников. В его состав входят 10 исследовательских институтов (США, Евразия, Европа, Северо-Восточная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия и Океания, Ближний Восток, Латинская Америка, Африка, Гонконг и Макао) и 5 исследовательских центров (Мировой политики, Мировой экономики, Контроля над вооружениями и безопасности, Кибербезопасности, Морской безопасности). Институт издает 3 научных журнала («Сяньдай гоцзи гуаньси», «Contemporary International Relations», «Гоцзи Яньцзю Цанькао»).

Анализ материалов журнала «Contemporary International Relations» за 2009–2010 гг. показал, что 60 % статей посвящены США, 13 % – Евросоюзу, 10 % – России. С января 2019 по апрель 2020 г. в журнале было опубликовано 64 статьи: 36 % посвящены США, 16 % Евросоюзу или его странам (Великобритания, Германия, Франция), 9 % – Инициативе «Один пояс, один путь». Россия в качестве основной темы не фигурировала ни в одной из публикаций.

В журнале «Сяньдай гоцзи гуаньси» за этот же период 53 % статей освещают китайско-американские отношения или различные аспекты политики США, 11 % – страны G20, 9 % – ЕС, 8 % – Россию. Анализ материалов «Сяньдай гоцзи гуаньси» (сентябрь 2019 – апрель 2020 гг.) показал, что количество материалов, посвященных США, уменьшилось и составило 29 % от общего числа публикаций, в то время как публикации о ЕС, напротив, стали более популярными и составили 17 %.

На сайте МЦ в разделе «США» опубликовано 22 материала (все датируются 2020 г.); в разделе «Европейско-азиатские исследования» – 8 материалов; «Европа», «Северо-Восточная Азия» и «Латинская Америка» – по 7, «Южная Азия» – 11, «Ближний Восток» – 12, «Северная и Южная Азия и Океания», «Африка», «Гонконг и Макао» – по 1. В разделе «Политическая дискуссия» представлено 85 статей (2018–2020 гг.). 15 материалов посвящено общему обзору различных аспектов международной политики и экономики, в названии 16 статей присутствует слово «США» или другие слова, указывающие на то, что в материале пойдет речь о США, 12 статей освещают различные аспекты политики Евросоюза и его стран (Франции, Великобритании и Италии). Остальные публикации носят мозаичный характер. Так, 8 посвящено странам Ближнего Востока, по 4 – России и Японии, 3 – Индии и т. д. На сайте МЦ в разделе «Статьи академического характера» представлено 43 материала (2018–2020 гг.), 15 из которых посвящены США, 9 исследуют отдельно взятую проблему без привязки к стране, по 5 – ЕС (или его отдельные страны) и Индию.

Основная специализация МЦ – США, китайско-американские отношения. Финансирование осуществляется за счет государственного бюджета.

Академия общественных наук Китая (КАОН) [10] была открыта в 1977 г., аффилирована с Госсоветом КНР. В настоящий момент является одним из наиболее авторитетных научно-исследовательских институтов КНР в области общественных наук. В ее состав входят 31 исследовательский институт и 45 исследовательских центров. В академии работает около 4200 чел., из них около 3200 – научные сотрудники. Академия регулярно взаимодействует более чем с 200 исследовательских организаций и институтов более чем из 80 стран мира. Международной повесткой занимаются 9 институтов в составе КАОН: Институт мировой экономики и политики; Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований; Институт европейских исследований; Институт западно-азиатских и африканских исследований; Институт латиноамериканских исследований; Институт американских исследований; Институт японских исследований; Национальный институт международной стратегии; Институт изучения концепции «мирного развития».

За 2018 г. было опубликовано более 400 монографий, более 5000 статей, более 100 научных эссе и отчетов, а также сборники древних книг и переводов. 4 января 2019 г. опубликован отчет о 24 основных достижениях в рамках инновационного проекта по философии и социальным наукам, о достижениях в области прикладных исследований, археологии, работы с древними текстами на китайском языке. В 2018 г. было выполнено исследование в области политики реформ и открытости (приурочено к 40-летию юбилею академии) по 18 направлениям. Был проведен комплекс археологических исследований, а также собрана коллекция редких зарубежных изданий китайских классических литературных произведений (более 800 книг, около 2000 текстов).

Были представлены анализ и прогноз развития социальной и экономической ситуации в Китае на 2019 г., издана энциклопедия Инициативы «Один пояс, один путь», включающая 117 статей по данной теме. Представлены два тома «Экономика изменения климата», в которых изложена история, теоретические парадигмы и аналитические подходы к развитию экономики в связи с изменением климата в Китае и за рубежом. В издании представлен экономический анализ прав на углерод, экономические исследования спроса на углерод и предложены подходы к оценке экономического потенциала и продуктивности на фоне климатических изменений. Академия представила монографию о структурных изменениях в глобальном экономическом управлении и стратегии Китая.

В 2012 г. вопросам международных отношений было посвящено 4 публикации: 2 исследования в области американо-китайских и 2 – в области европейско-китайских отношений. В 2013 г. – 2 исследования: первое затрагивает изменения в вопросах безопасности в отношениях с приграничными странами, а второе касается международного экономического порядка. Среди исследований, выполненных на средства Национального фонда общественных наук, международной тематике было посвящено несколько работ: 3 – российской тематике (в том числе «История китайско-российских отношений» в 6 томах); 2 – американской повестке; одно исследование анализирует экономические модели стран БРИКС и одно затрагивает проблемы Палестины.

Центр исследований и разработок при Госсовете КНР [11] (основан в 1995 г.) – исследовательская и консалтинговая организация, которая предоставляет комплексные данные о социально-экономической ситуации в Китае, а также разрабатывает рекомендации – главным образом для Государственного совета КНР и Центрального комитета Компартии Китая. В организации работает около 100 исследователей. Центр ведет исследовательскую деятельность в следующих областях: макроэкономики, стратегии развития и региональной экономики КНР, сельского хозяйства, промышленной экономики, инновационного развития, внешнеэкономических связей, социального развития, финансовой политики, природных ресурсов и экологии, государственного управления и кадровой политики, информатизации и технологий. По каждому направлению «мозговой центр» регулярно выпускает отчеты, статьи, доклады, публикует сборники и монографии. Центр активно взаимодействует с международными организациями и институтами, что позволяет ему вырабатывать рекомендации, в том числе в области внешней политики.

Центр Китая и глобализации [12] – неправительственный «мозговой центр», открытый в 2008 г., исследует вопросы внешней политики Китая и глобализации (глобального управления, глобальной торговли и инвестиций, миграции, международных отношений, человеческого капитала). Отдельного внимания заслуживают исследования в области человеческого капитала, направленные на анализ роли специалистов, вернувшихся в Китай после обучения или работы за рубежом, их роль в социально-экономическом развитии КНР. Анализ публикаций «мозгового центра» с 2016 по 2020 г. показывает наибольшую популярность темы китайско-американского соперничества (7 публикаций из 22, представленных на официальном сайте), а также упомянутой темы человеческого капитала (4 публикации).

Центр является организатором двух крупных ежегодных форумов («China Inbound-Outbound Forum» и «China and Globalization Forum»), которые служат площадкой для обмена мнениями между правительственными, академическими и бизнес-кругами на тему наиболее актуальных проблем, вызванных глобализацией.

В организации работает около 100 исследователей. Финансирование организации осуществляется за счет исследовательских грантов, частных и корпоративных взносов. «Мозговой центр» поддерживает деловой консультативный совет, состоящий из 150 частных китайских предпринимателей. Ежегодный финансовый отчет предоставляется всем членам консультативного совета и всем членам организации.

Шанхайский институт международных исследований [13], открытый в 1960 г., является государственным «мозговым центром», который ведет аналитическую работу по четырем направлениям: мировой политике, экономике, внешней политике Китая, международной безопасности. Основным потребителем информации, представляемой институтом, является правительство КНР. Активное и постоянно расширяющееся взаимодействие с зарубежными «мозговыми центрами» способствует тому, что институт выступает в качестве инструмента «мягкой силы» и укрепляет международный имидж Китая. В организации работают 106 чел., из них 60 % – старшие научные сотрудники. В состав института входят 7 институтов (Институт глобального управления, Институт внешней политики, Институт мировой экономики, Институт международных стратегических исследований, Институт сравнительной и международной политики, Институт исследований Тайваня, Гонконга и Макао, Институт обработки и изучения данных), 6 исследовательских центров (Центр американских исследований, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Центр исследований России и Центральной Азии, Центр исследований Западной Азии и Африки, Центр европейских исследований, Центры изучения морской и полярной стратегий).

Институт выпускает два издания: «Global Review» (ежемесячный, на китайском языке) и «China quarterly of international strategic studies» (ежеквартальный, на английском языке). Исследовательские программы включают 12 направлений: COVID-19, ШОС, БРИКС, Дипломатическая теория с китайской характеристикой, Инициатива «Один пояс, один путь», Новый тип отношений между большими государствами, Сотрудничество между Китаем и Африкой, G20, Противодействие терроризму, Арктика и Антарктика, Повестка в Южно-Китайском море, Кибербезопасность. Публикации «мозгового центра» рассортированы по регионам и странам, однако большинство из них посвящено США.

В разделе «Китай» в период с 2010 г. по настоящее время представлена 61 публикация, в названии либо в аннотации к которой присутствуют слова, указывающие на то, что в ней идет речь о США («США», «Трамп», «американский доллар» и т. п.). В разделе «Америка» с 2016 г. по настоящее время опубликовано 32 материала, в разделе «США и Канада» за этот же период – 25 материалов. Однако в разделах каждого региона значительное число публикаций также содержит слово «США» в названии либо аннотации, т. е. практически любая проблема или тема, освещаемая «мозговым центром», имеет «американский угол».

Институт экономики «Юнирул» [14] – независимый, некоммерческий, негосударственный «мозговой центр», основанный в 1993 г. пятью китайскими экономистами. Его деятельность направлена на свободный обмен мнениями по общим экономическим вопросам и проблемам институциональной экономики. В 1999 г. организация была разделена на две: коммерческую консалтинговую компанию «Юнирул» и частный некоммерческий Институт экономики «Юнирул», финансирование которого осуществляется за счет пожертвований, а также китайских и зарубежных грантов на исследования. «Юнирул» тесно взаимодействует с национальными и зарубежными университетами, с государственными

учреждениями, с китайскими и американскими СМИ, а также с зарубежными частными организациями, которые предоставляют гранты на его исследовательские проекты (Центр международных частных предприятий, Фонд Форда, Фонд Алтона Джонса, Китайско-американская торговая палата, Международный институт экономики, Международный банк и др.). На официальном сайте представлены исследовательские проекты и публикации, посвященные различным аспектам экономики за период с 2009 по 2018 г.

Институт финансовых исследований «Чунъян» [15] при Китайском Народном университете был создан в 2013 г. на средства фонда, учрежденного одним из выпускников Китайского Народного университета Цюй Гогэнь, который в настоящее время занимает должность председателя Шанхайской инвестиционной группы Чунъян. В качестве старших научных сотрудников в «мозговом центре» работают более 90 бывших политиков, банкиров, исследователей из более чем 10 стран. Хотя в названии «мозгового центра» присутствует слово «финансовый», аналитический центр занимается широким кругом вопросов. Он состоит из 7 отделений и курирует 4 исследовательских центра: Центр экофинансовых исследований, Центр исследования глобального управления, Центр исследований китайско-американского обмена кадрами, Центр исследований китайско-российского обмена кадрами.

В разделе «глобальное управление» с 2014 г. опубликовано 410 материалов. В 2015–2016 гг. абсолютное большинство посвящены Большой двадцатке (в 2016 г. саммит проходил в Ханчжоу), в 2017 г. – БРИКС и меняющейся роли Китая в мире (IX саммит БРИКС в 2017 г. прошел в Сямэне), в 2018 г. – ШОС и достижениям Китая (заседание Совета глав государств ШОС в 2018 г. прошло в Циндао). Во второй половине 2019 г. начинает превалировать тема США, тенденция сохраняется и в 2020 г., и появляется тема COVID-19. С 2014 по 2020 г. теме Инициативы «Один пояс, один путь» посвящено 472 материала, теме экофинансов – 132, отношениям между главными державами – 860 материалов, 472 из них содержат в названии или аннотации слова, относящиеся к США («США», «Трамп», «американский доллар» и т. п.). Остальные материалы посвящены Индии, Евросоюзу и отдельным европейским странам, Пакистану, России и некоторым другим государствам.

Фонд «Наш Гонконг» [16] основан в 2014 г., является негосударственным, некоммерческим «мозговым центром», деятельность которого направлена на продвижение долгосрочных интересов и устойчивое развитие Гонконга с учетом его возможностей и преимуществ в рамках концепции «Одна страна, две системы». Основатель и председатель фонда – вице-председатель 12-го национального комитета Китайской Народной политической конференции, а также некоммерческого Фонда обмена между Китаем и США. На базе фонда были созданы Институт государственной политики, Институт Китая, платформа инноваций, платформа «Бизнес для общественного блага», а также Академия китайских исследований, Институт хроник Гонконга.

Институт государственной политики, используя междисциплинарный подход, разрабатывает рекомендации в области госполитики, включая земельную политику и строительство зданий, экономическое развитие, инновации, искусство, здравоохранение, социальное обеспечение, образование. По каждой из заявленных тем регулярно выходят статьи и брошюры.

Задачами Института Китая являются повышение уровня знаний о материковом Китае среди жителей Гонконга и создание благоприятных социальных условий для реализации программы «Одна страна, две системы». На базе платформы инноваций действуют два

проекта: «ИнноТехЭкспо» и «Исследование возможностей материкового Китая в области предпринимательства и технологий», которые призваны просвещать молодежь Гонконга и знакомить ее с возможностями материкового Китая в заявленной области. На платформе «Бизнес для общественного блага» предприниматели и представители общественных структур обмениваются мнениями на тему социальной ответственности бизнеса. Академия китайских исследований – электронный ресурс, который содержит информацию об истории и культуре Китая. Институт хроник Гонконга занимается исследованием и популяризацией истории Гонконга.

Фонд «Наш Гонконг» выпускает ежегодный отчет о проделанной работе.

Институт «Паньгу» [17] – «мозговой центр» (основан в 2013 г.), исследования которого нацелены на анализ в области государственной политики с тем чтобы способствовать процессу модернизации в Китае, реализации концепции Китайской мечты и Сообщества единой судьбы человечества. Является членом Ассоциации «мозговых центров» БРИКС и Ассоциации «мозговых центров» «Шелкового пути» (обе ассоциации учреждены Международным отделом ЦК КПК). Институт занимается исследованиями в области глобального управления, Инициативы «Один пояс, один путь», инноваций и предпринимательства, макроэкономики и финансов. «Паньгу» явился инициатором создания Ассоциации «мозговых центров» по глобальному управлению (Global Governance Think Tank Network), в которую входит около 20 аналитических центров Китая, США, Германии, Канады, Италии, Индии и Сингапура.

Помимо ассоциации, по инициативе «Паньгу» было создано 8 аффилированных институтов: Исследовательский институт макроэкономики, Центр индийских исследований, Центр городских исследований, Центр турецких исследований, Исследовательский институт «Шелкового пути», Центр сохранения энергии и защиты окружающей среды, Исследовательский центр «Умный город», Центр исследования инноваций. На постоянной основе в «Паньгу» работают 50 чел. (включая исследователей и персонал), а также около 200 приглашенных китайских и зарубежных экспертов принимают участие в работе института. Публикации представлены с 2016 по 2019 г. и носят мозаичный характер. Приоритетными исследовательскими направлениями являются китайско-американские отношения, проблемы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Инициатива «Один пояс, один путь» и глобальное управление. Финансируется из средств Компартии Китая.

Институт экономических исследований «Чун-хуа» (Тайвань) [18] был учрежден в 1981 г. на средства правительства Тайваня и на деньги Фонда социально-экономического развития Тайваня и США (90 %), а также на пожертвования от частных лиц (10 %). Институт занимается исследованиями в области международной экономики и производства и предоставляет данные и рекомендации правительственным организациям Тайваня, а также служит площадкой для обмена мнениями между академическими кругами, представителями правящих и промышленных кругов с целью обеспечения устойчивого экономического развития Тайваня.

Институт занимается следующими направлениями исследований: экономика материкового Китая, международная экономика (торговля и инвестиции, региональная интеграция, международные организации), экономика Тайваня. В его состав входит 11 аналитических центров: Центр экономического прогнозирования, Центр финансовых и экономических

стратегий, Центр изучения Всемирной торговой организации и Региональных торговых соглашений, Центр изучения регионального развития, Центр «зеленой» экономики, Центр японских исследований, Центр исследований малых и средних предприятий, Центр по изучению энергетики и защиты окружающей среды, Центр изучения АСЕАН, Центр изучения развития науки и технологий, Центр исследования экономического права. Начиная с декабря 2012 г. институт публикует доклады о состоянии и развитии промышленности Тайваня, а также непромышленного сектора экономики.

Результаты и обсуждение. На основании исследования можно классифицировать ведущие (по американской оценке) китайские аналитические центры следующим образом:

– по времени создания: 6 институтов академической науки, продолжающих работу с прошлого века, и 4 центра, созданных в 2000-е гг., т. е. с переходом Китая ко все более активной внешней политике;

– по критерию подчиненности: 4 являются государственными, в том числе партийный – Китайский исследовательский институт современных международных отношений, академический – Академия общественных наук Китая и университетский – Шанхайский институт международных исследований;

– по критерию тематики исследований можно выделить 3 центра, ориентированных только на международные проблемы (Китайский исследовательский институт современных международных отношений, Центр Китая и глобализации, Шанхайский институт международных исследований), 3 центра, исследующих кроме международных отношений также вопросы экономической политики и государственного управления («Юнирул», «Паньгу», «Чуньян»).

Из перечня «мозговых центров», вошедших в престижный рейтинг Go Global Think Tank Review, 5 «мозговых центров» (Китайский исследовательский институт современных международных отношений, Центр Китая и глобализации, Шанхайский институт международных исследований, Институт финансовых исследований «Чуньян»; Институт «Паньгу») ориентированы исключительно на международную повестку, а еще 2 (Китайская академия общественных наук и Центр исследований и разработок при Госсовете КНР) в большей степени ориентированы на внутреннюю политику Китая, но активно изучают и международный опыт. Четыре из них (включая тайваньский институт «Чун-хуа») являются негосударственными, независимыми организациями. «Юнирул» финансируется фондами США. «Мозговые центры», освещающие международную политическую повестку, уделяют наибольшее внимание США и китайско-американским отношениям.

Примечательно, что тайваньский Институт экономических исследований «Чун-хуа» был включен в престижный американский рейтинг как китайский МЦ.

Кроме бурного роста сети аналитических центров с начала 2000-х, еще один импульс этому процессу был дан в 2004 г. Это связано с реакцией международного сообщества и прежде всего Европы на новую, 2003 г., инициативу «мирного возвышения» Китая и социальной рефлексией Пекина на эту реакцию. Выражением этих процессов стали и расширение сети, и изменение тематики ее исследований. Оказалось, что, во-первых, рациональность, как ее понимали китайцы, отличается от той, которой придерживались европейцы: в «мирном возвышении» с рационально обоснованным выигрышем от сотрудничества всех участвующих сторон они усмотрели в основном «возвышение». И, во-вторых, китайское

руководство и эксперты отрефлексируют столкновение не только с политиками, но и с *бюрократией* ЕС, что предопределило соответствующие исследования, причем не только социально-политической, но и философской глубины (Фуко и др.).

Успех движения в этом направлении был оформлен на партийном съезде самим Председателем КНР, который в своем докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. отметил, что «необходимо ускорить развитие философии и социальных наук с китайской спецификой, а также создавать новые аналитические центры с китайской спецификой» [19], закрепив таким образом как место системы таких институтов, так и ее значение для формирования текущей и перспективной политики. Во исполнение этой новой директивы оценка деятельности аналитических центров с китайской спецификой стала включаться в официальные отчеты, в частности – о работе правительства с марта 2018 г. [20].

С позиций политической социологии эти китайские «мозговые центры» представляют собой все более важный канал двусторонней связи между обществом и политическими институтами, являя собой переход в условиях практической рациональности к социальной институциональной рефлексии – «постоянному наблюдению людей, социальных групп, институтов, выяснению ценностей, идей и соотношению их с собственным сознанием с целью возможного изменения своих позиций и поведения», – характерной для современных обществ в условиях ускоряющейся и усложняющейся социокультурной динамики [21].

В связи с активной деятельностью «мозговых центров» итальянский исследователь С. Менегатти отмечает: несмотря на то, что на Западе принято считать, что только в демократических обществах такие структуры способны оказывать влияние на принятие политических решений, развитие системы «мозговых центров» в Китае при четвертом и пятом поколениях руководителей явно демонстрирует их значение в политических процессах. Именно там формулируются и обсуждаются идеи, которые впоследствии ложатся в основу внешней политики и дипломатии Китая [22].

Заключение. Динамика сети китайских аналитических центров с 2000-х гг. и тематика их исследований характеризуют становление современного китайского госаппарата как социального рефлексивного института, готового и способного к изменениям вследствие понимания себя и ситуации, в которой приходится действовать. Под влиянием китайских исследователей, получивших доверие политических лидеров, эти лидеры, в первую очередь Си Цзиньпин, вместо конфронтационного вектора в отношении Запада, тем более в условиях современного устанавливающегося «текущего» социума, в условиях возрастающей социокультурной динамики и риска, выбрали понимающий и практический рациональный (М. Вебер) способы действий, что потребовало больших вложений с систему «мозговых центров» и больших усилий их сотрудников. В результате было сформулировано понимание основной перспективы – всестороннего сотрудничества с Европой и соответствующей переориентации китайской внешней политики с двух «сверхдержав» на Европу и страны, лежащие на «новом Шелковом пути» в нее. Обоснованность этой идеи подтверждается в том числе и развертыванием противостояния с Китаем, инициируемым США. Взаимодействие же с Европой как основной внешнеполитической целью привело к социальной рефлексии проблем в построении всестороннего сотрудничества с ней, а эта рефлексия, в свою очередь, обусловила обращение к европейскому же рационализму с целью и понять Европу, и попробовать наладить общение с ней с использованием понятного ей дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Помозова Н. Б. О человеческом капитале Министерства иностранных дел Китая (на основе анализа биографий ключевых сотрудников в период с 1998 по 2018 г.) // Вестн. Поволжского ин-та управления. 2018. Т. 18, № 6. С. 22–29. DOI: 10.22394/1682-2358-2018-6-22-29.
2. Вебер М. Избранные произведения / под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
3. Щербина В. В., Попова Е. П. Проблема рационализации управленческой деятельности в деловой организации. Ч. 1 // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII, № 1–2 (85–86). С. 135–143.
4. Зарубина Н. Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социол. исслед. 2020. Т. 46, № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
5. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии / пер. с англ. А. С. Фомина, В. В. Кузнецова, М. Г. Ермакова. М.: Наука, 2003.
6. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017.
7. The 2017 China Think Tank Index Report: Methodology and Think Tank Rankings. 2017 / Li Gang, Wang Simin, Zou Jingya et al. URL: <https://onthinktanks.org/wp-content/uploads/2018/09/The-2017-Report-on-the-Development-of-CTTI-Source-Think-Tanks-FNL.pdf> (дата обращения: 06.11.2020).
8. McGann J. G. 2019 Global Go to Think Tank Index Report // TTCSP Go Global to Think Tank Index Report. The Lauder Institute University of Pennsylvania, 2020. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/17/ (дата обращения: 06.11.2020).
9. China Institutes of Contemporary International Relations. URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/en-us/index.html> (дата обращения: 06.11.2020).
10. Chinese Academy of Social Sciences. URL: <http://casseng.cssn.cn/> (дата обращения: 06.11.2020).
11. Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China. URL: <http://en.drc.gov.cn/> (дата обращения: 06.11.2020).
12. Center for China and Globalization. URL: <http://en.ccg.org.cn/> (дата обращения: 06.11.2020).
13. Shanghai Institutes for International Studies. URL: <http://www.sis.org.cn/> (дата обращения: 06.11.2020).
14. Unirule Institute of Economics. URL: <http://english.unirule.cloud/> (дата обращения: 06.11.2020).
15. Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China. URL: <http://en.rdcy.org/> (дата обращения: 06.11.2020).
16. Our Hong Kong Foundation. URL: <https://www.ourhkfoundation.org.hk/> (дата обращения: 06.11.2020).
17. Pangoal Institute. URL: <http://en.pangoal.cn/> (дата обращения: 06.11.2020).
18. Chung-hua Institution for Economic Research. URL: <https://www.cier.edu.tw/> (дата обращения: 06.11.2020).
19. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // XIX Все-китайский съезд КПК. 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.11.2020).
20. Доклад о работе правительства // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 2018. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/2h/t1584035.htm> (дата обращения: 06.11.2020).
21. Литвак Н. В. Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Полис. 2018. № 2. С. 163–172. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.12>.
22. Menegazzi S. Rethinking Think Tanks in Contemporary China. Berlin: Springer, 2018.

Информация об авторе.

Помозова Наталья Борисовна – кандидат социологических наук (2012), доцент кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных

интересов: социология политики, международные отношения, российско-китайские отношения. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>. E-mail: npomozova@mail.ru

REFERENCES

1. Pomozova, N.B. (2018), "On the human capital of the Ministry of Foreign Affairs of China (based on an analysis of the biographies of key employees from 1998 to 2018), *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 18, no. 6, pp. 22–29. DOI: 10.22394/1682-2358-2018-6-22-29.
2. Weber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], in Davydov, Yu.N. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
3. Shcherbina, V.V. and Popova, E.P. (2015), "Rationalization of management in a business organization. Part 1", *Personality. Culture. Society*, vol. XVII, no. 1–2 (85–86), pp. 135–143.
4. Zarubina, N.N. (2020), "Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding modern sociocultural processes", *Sociological studies*, vol. 46, no. 6, pp. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
5. Gouldner, A.W. (2003), *Nastupayushchii krizis zapadnoi sotsiologii* [The coming crisis of western sociology], Transl. by Fomin, A.S., Kuznetsov, V.V. and Ermakov, M.G., Nauka, Moscow, RUS.
6. Weber, M. (2017), *Khozyaistvennaya etika mirovykh religii: Opyty sravnitel'noi sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm* [Die irtschaftsethik Der Weltreligionen. Vergleichende Religionssoziologische Versuche. Konfuzianismus], Transl. by Kil'dyushov O.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.
7. Li Gang, Wang Simin, Zou Jingya et al. (2017), *The 2017 China Think Tank Index Report: Methodology and Think Tank Rankings*, available at: <https://onthinktanks.org/wp-content/uploads/2018/09/The-2017-Report-on-the-Development-of-CTTI-Source-Think-Tanks-FNL.pdf> (accessed 06.11.2020).
8. McGann, J.G., (2020), "2019 Global Go To Think Tank Index Report", *TTCSP Go Global to Think Tank Index Report*, The Lauder Institute University of Pennsylvania, available at: https://repository.upenn.edu/think_tanks/17/ (accessed 06.11.2020).
9. *China Institutes of Contemporary International Relations*, available at: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/en-us/index.html> (accessed 06.11.2020).
10. *Chinese Academy of Social Sciences*, available at: <http://casseng.cssn.cn/> (accessed 06.11.2020).
11. *Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China*, available at: <http://en.drc.gov.cn/> (accessed 06.11.2020).
12. *Center for China and Globalization*, available at: <http://en.ccg.org.cn/> (accessed 06.11.2020).
13. *Shanghai Institutes for International Studies*, available at: <http://www.sis.org.cn/> (accessed 06.11.2020).
14. *Unirule Institute of Economics*, available at: <http://english.unirule.cloud/> (accessed 06.11.2020).
15. *Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China*, available at: <http://en.rdcy.org/> (accessed 06.11.2020).
16. *Our Hong Kong Foundation*, available at: <https://www.ourhkfoundation.org.hk/> (accessed 06.11.2020).
17. *Pangoal Institute*, available at: <http://en.pangoal.cn/> (accessed 06.11.2020).
18. *Chung-hua Institution for Economic Research*, available at: <https://www.cier.edu.tw/> (accessed 06.11.2020).
19. "Full text of a speech delivered by Xi Jinping at the 19th Congress of the Chinese Communist Party" (2017), *19th Congress of the Chinese Communist Party*, available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 06.11.2020).
20. "Report on the work of the government" (2018), *Posol'stvo Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v Rossiiskoi Federatsii* [Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation], available at: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/2h/t1584035.htm> (accessed 06.11.2020).

21. Litvak, N.V. (2018), "Modern diplomatic service as a reflexive institution", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 163–172. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.12>.

22. Menegazzi, S. (2018), *Rethinking Think Tanks in Contemporary China*, Springer, Berlin, GER.

Information about the author.

Natalia B. Pomozova – Can. Sci. (Sociology) (2012), Associate Professor at the Department of Contemporary East, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow 125993, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, international relations, Russian-Chinese relations. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>. E-mail: npomozova@mail.ru

Региональная специфика личности взяточдателя: опыт социологического анализа

Р. Р. Агишев[✉], О. Н. Баринаева, И. В. Манаева

Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

[✉]agishev2019@gmail.com

Введение. Дается социологический анализ личности взяточдателя на основе изучения данных по Республике Мордовия. Актуальность вопроса обусловлена следующими факторами: усиление негативного влияния коррупции на все стороны жизни общества и государства; социальная мимикрия коррупции; устойчивость представлений в социуме об амбивалентности коррупции. Цель статьи – выделить региональную специфику личности взяточдателя.

Методология и источники. Неоклассическая парадигма изучения коррупции увязывает коррупционные явления с разложением государственного аппарата и разложением нравственных устоев общества. Авторы в этом ключе исследуют двоякую сущность коррупции, т. е. ее обусловленность и властью, и социумом. В контексте теории аномии Дюркгейма анализируется мотивационный комплекс взяточдателей.

Результаты и обсуждение. Задачи исследования потребовали проведения массового опроса ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$), которое репрезентировало состав населения региона по полу, возрасту, роду деятельности и типу населенного пункта. В рамках исследования проведено качественно-количественное описание коррупционного поведения взяточдателя, выявлен его мотивационный комплекс, выявлена его субъективная оценка динамики коррупции и эффективности антикоррупционной политики. Выявлены следующие региональные особенности личности взяточдателя: возраст наивысшей экономической и социальной лабильности, средний уровень коррупционной активности, низкий размер средней суммы взятки, выступление в качестве инициатора коррупционной взятки, восприятие взятки как рационального средства решения проблем, выраженный негативизм при оценке власти.

Заключение. Участие в коррупционных сделках накладывает на личность взяточдателя в той или иной степени выраженный отпечаток, заключающийся в деформации практик взаимоотношений с представителями государственных органов, постепенной утрате иммунитета к криминальной или полукриминальной деятельности, частичной деградации социально значимых морально-нравственных ценностей, превращении коррупционных практик из социальной аномии в социальную норму.

Ключевые слова: коррупция, взяточдатель, коррупционные практики, коррупционный стандарт, взятка.

Для цитирования: Агишев Р. Р., Баринаева О. Н., Манаева И. В. Региональная специфика личности взяточдателя: опыт социологического анализа // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-86-97

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.06.2021; принята после рецензирования 20.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

© Агишев Р. Р., Баринаева О. Н., Манаева И. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Regional Specificity of the Personality of the Bribe-Giver: the Experience of Sociological Analysis

Ruslan R. Agishev[✉], **Olga N. Barinova**, **Irina V. Manaeva**

Scientific center of socially economic sciences, Saransk, Russia

[✉]agishev2019@gmail.com

Introduction. A sociological analysis of the personality of the bribe-giver is given based on the study of data on the Republic of Mordovia. The relevance of the issue is determined by the following factors: the strengthening of the negative impact of corruption on all aspects of society and the state; the social mimicry of corruption, the stability of ideas in society about the ambivalence of corruption. The purpose of the article is to highlight the regional specifics of the identity of the bribe-giver.

Methodology and sources. The neoclassical paradigm of the study of corruption links corruption phenomena with the decomposition of the state apparatus and the erosion of the moral foundations of society. In this vein, the authors explore the dual nature of corruption, that is, its conditionality by both the government and society. In the context of Durkheim's anomie theory, the motivational complex of bribe-takers is analyzed.

Results and discussion. The objectives of the study required a mass survey ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$), which represented the composition of the population of the region by gender, age, type of activity and type of locality. Within the framework of the study, a qualitative and quantitative description of the corrupt behavior of the bribe-giver was carried out, his motivational complex was revealed, and his subjective assessment of the dynamics of corruption and the effectiveness of anti-corruption policy was revealed. The following regional features of the personality of the bribe-giver are revealed: the age of the highest economic and social lability, the average level of corruption activity, the low size of the average amount of a bribe, acting as the initiator of a corrupt bribe, the perception of a bribe as a rational means of solving problems, pronounced negativism in assessing the authorities.

Conclusion. Participation in corrupt transactions imposes a more or less pronounced imprint on the personality of the bribe-giver, which consists in the deformation of the practices of relations with representatives of state bodies, the gradual loss of immunity to criminal or semi-criminal activities, the partial degradation of socially significant moral values, the transformation of corrupt practices from a social anomie to a social norm.

Key words: corruption, bribe-giver, corrupt practices, corruption standard, bribe.

For citation: Agishev R. R., Barinova O. N., Manaeva I. V. Regional Specificity of the Personality of the Bribe-Giver: the Experience of Sociological Analysis. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-86-97 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.06.2021; adopted after review 20.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. Серьезный вызов для социально-экономической и политической стабильности российского общества и государства представляют многочисленные негативные проявления коррупции. Это ее социальная мимикрия, т. е. способность к гибкому «встраиванию в механизмы государственного регулирования как неконституционный рычаг власти» [1, с. 8]; нарастающая корпоративизация коррупционных явлений [2, с. 443]; формирующийся феномен сетевой коррупции [3, с. 204]; устойчивость в социуме представлений об амбивалентности функций коррупции [4, с. 180] и т. д.

В изучении коррупционной проблематики, особенно коррупционного поведения взяточника, наметился устойчивый перекося исследовательского внимания к фигуре взяткополучателя, что объективно обусловлено особым правовым статусом берущего взятку лица и общественной опасностью его действий. Личность взяткодателя, напротив, не находит столь же комплексного отражения в научной литературе. Существенная часть работ в данном контексте посвящена криминологической характеристике портрета взяткодателя [5–7]. Практически отсутствуют примеры социологического анализа личности взяткодателя в условиях региональной специфики. Учитывая влияние социально-экономических факторов на специфическое развитие коррупции в субъектах Российской Федерации [8, с. 214], региональный аспект актуализирует обращение к местным коррупционным и околокоррупционным практикам.

В данной статье личность взяткодателя и особенности его коррупционного поведения рассматриваются в рамках неоклассической парадигмы изучения коррупции, увязывающей коррупционные явления с разложением государственного аппарата и разложением нравственных устоев общества [9, с. 7]. В состоянии социальной дезорганизации общества коррупционные явления представляют собой не индивидуальную девиацию конкретных лиц – взяткодателей и взяткополучателей, а проявление дисфункции социальной системы. Коррупционное поведение в этих условиях легитимируется в сознании социума, что в свою очередь обуславливает хабиитуализацию коррупционных практик и их дальнейшее встраивание в социальное взаимодействие. Происходящие процессы, в частности состояние и изменение мотивационного комплекса, описываются в рамках теории аномии Э. Дюркгейма, определяющей преступную девиацию следствием разрушения социальных норм и нарушения коллективного порядка [10, с. 39].

Коррупционные проявления и их дальнейшая эволюция в этом контексте выступали следствием серьезных кризисов в обществе и государстве, имеющих как экономический, так и социальный характер. Двойная сущность коррупции, как нарушающее морально-этические и правовые нормы поведение двух сторон – взяткодателя и взяткополучателя, ведет к распределению ответственности за деструктивные процессы в государстве на власть и социум [11, с. 77]. В связи с этим личность взяткодателя в регионе, выступающая одновременно и продуктом, и создателем специфического коррупционного поведения, представляет особый интерес. В рамках данной исследовательской модели под личностью взяткодателя понимается совокупность социально значимых свойств и качеств индивида, обуславливающих использование им для достижения своих целей незаконных средств.

Методология и источники. Для изучения фигуры взяткодателя региона использовались результаты массового социологического исследования «Оценка уровня коррупции в Республике Мордовия» в 2020 г., проведенного Государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с квотами по полу, возрасту, роду деятельности и типу населенного пункта ($n = 400$, $\Delta \pm 5\%$). В рамках исследования проведено качественно-количественное описание коррупционного поведения взяткодателя, выявлены его мотивационный комплекс, его субъективная оценка динамики коррупции и эффективности антикоррупционной политики. Гипотезой исследования выступает предположение о том, что факт участия в коррупционных взаимоотношениях определяется явными или неявными особенностями личности взяткодателя.

Результаты и обсуждение.

Социально-демографические характеристики. Взяткодателем является каждый пятый респондент (21,3 %). Динамика показателя по сравнению с предыдущими годами незначительная и не превышает пределов статистической погрешности (2019 г. – 24,8 %, 2018 г. – 20,3 %, 2017 г. – 21,4 %, 2016 г. – 21,6 %).

Взяткодатель, как правило, представитель молодежи или среднего возраста. С возрастом его коррупционная активность снижается (до 30 лет – 28,8 %, от 31 до 50 лет – 23,6 %, 51 год и старше – 16,2 %). В той или иной степени указанная закономерность была выражена в предыдущие годы социологических замеров. Например, в 2017 г. среди респондентов, дававших взятку, насчитывалось 33,3 % молодежи, 23,0 % людей среднего возраста и 15,0 % людей старшего возраста (2017 г., $n = 384$, $\Delta \pm 5$ %) (табл. 1). Большое число коррупционных связей, особенно образуемых респондентами молодого возраста, предположительно объясняется не только их повышенной экономической активностью, но и особым характером их мотивационного комплекса (сверхпрагматизм, экономическая детерминированность жизненных целей, допустимость девиантного поведения и т. д.) [12, с. 17]).

Таблица 1. Возрастная специфика взятокдателей
Table 1. Age-specific characteristics of bribe-takers

Возраст	Количество взятокдателей, %			
	2017	2018	2019	2020
От 18 до 29 лет	33,3	21,4	25,0	28,8
От 30 до 49 лет	23,0	22,0	27,7	23,6
От 50 лет	15,0	18,4	21,9	16,2

Взяткодатель чаще проживает в городской местности (давал взятку каждый четвертый (26,3 %) респондент-горожанин), чем в сельской (11,2 %). Наиболее высокий уровень коррупционной активности (доля граждан, дававших взятку) отмечается в столице региона и городах республиканского подчинения. Аналогичная ситуация в регионе четко фиксировалась и в 2015–2019 гг. Повышенная коррупционная активность жителей городской местности может быть обусловлена несколькими факторами. Во-первых, трансформация в городских сообществах ценностей и норм определяет низкий адаптивный потенциал к противодействию коррупции [13, с. 9]. Во-вторых, концентрация в городской местности значительного числа объектов социальной, экономической и управленческой инфраструктуры формирует существенно большее потенциальное поле для коррупции [14, с. 15].

Мужчины (27,6 %) почти в два раза чаще, чем женщины (15,9 %), вступали в коррупционные взаимоотношения. Взяткодатели-мужчины преобладают в таких сферах, как регулирование ситуаций с ГИБДД, обращение в полицию, оформление земли и жилплощади, взятокдатели-женщины – в сфере получения бесплатной медицинской помощи и образования. Вывод о том, что мужчины больше подвержены риску попадания в коррупционную ситуацию, характерен и для ряда других регионов [15, с. 46].

Особенности коррупционного поведения. Коррупционная активность взятокдателя региона приходится на среднесрочную перспективу: 3/4 взятокдателей (72,5 %) материально стимулировали государственных служащих в период от 10 дней до 1 года назад. Регулярные коррупционные сделки (в течение последней недели) осуществляли 4,1 % респондентов, а эпизодические (больше года назад) – 23,4 %.

Наибольший объем коррупционных сделок наблюдается в таких сферах, как здравоохранение (35,7 %), урегулирование ситуаций с ГИБДД (12,7 %) и образование (12,1 %) (рис. 1), что фиксировалось и в предыдущие годы исследований. В остальных случаях давали взятки менее 5 % респондентов. Для выделенных сфер характерна также наиболее высокая доля совершаемых регулярных коррупционных сделок. Если в сферах здравоохранения, образования и урегулирования ситуаций с ГИБДД 4–6 % респондентов давали взятку два и более раз, то в остальных сферах (оформление пенсии, получение паспорта, ремонт жилой площади, регистрация сделок с недвижимостью и т. д.) – не более 0,5 %.

Рис. 1. Сферы коррупционного взаимодействия
Fig. 1. Areas of corruption interaction

Около половины всех взяток (46,8 %), которые были переданы респондентами в рамках коррупционных сделок, составляют сумму от 3 до 5 тыс. р. Длительные мониторинговые исследования показывают, что взятки в размере 3–5 тыс. р. являются на протяжении всего периода социологических исследований феномена коррупции наиболее представленными в регионе. Последнее позволяет говорить о формировании регионального коррупционного стандарта – суммы взятки, посредством которой возможно решение большей части возникающих вопросов. Размер коррупционного стандарта в 3–5 тыс. р. предположительно обусловлен негативной социально-экономической ситуацией в регионе (низкий уровень доходов основной части населения, стагнация традиционных отраслей региона, отток экономически активного населения), формирующей характерный запрос на относительно дешевые коррупционные услуги.

Мотивационный комплекс. В большинстве случаев инициатором возникновения коррупционной ситуации выступал сам респондент. Он давал взятку либо из-за существующего негативного опыта («Если заранее известно, что без взятки не обойтись») (39,8 %), либо вследствие сложившегося порядка вещей («Если не настаивают на взятках, но их дают, так надежнее») (24,4 %). Только треть респондентов причиной коррупционной ситуации посчитала вымогательство чиновника (35,8 %).

Для оценки мотивов антикоррупционного поведения респондентам задавали вопрос «По какой причине Вы не стали бы давать взятку?». Социально одобряемыми мотивами антикоррупционного поведения руководствовались 38,3 % опрошенных («Противно это делать», «Принципиально не даю взяток» и «Могу добиться своего без взяток»). Примерно столько же (38,2 %) респондентов указали на мотивы, говорящие о потенциальной готовности вступить в коррупционные отношения («Нет денег на взятку», «Не знаю, как это делать» и «Боюсь, что поймают»).

Наиболее значимыми результатами взятки, по мнению респондентов, выступают: ускорение решения проблемы (30,4 %) и минимизация трудностей при решении проблемы (19,6 %). Каждый десятый взяткодатель указал на качественное решение проблемы (10,9 %).

Оценка коррумпированности органов власти и эффективности борьбы с коррупцией. Наиболее коррумпированы, по мнению взяткодателей, правоохранные органы (71,8 %), СМИ (71,8 %) и ГИБДД (70,6 %), наименее – правозащитные организации (28,2 %) и организации по охране природы (27,1 %) (рис. 2).

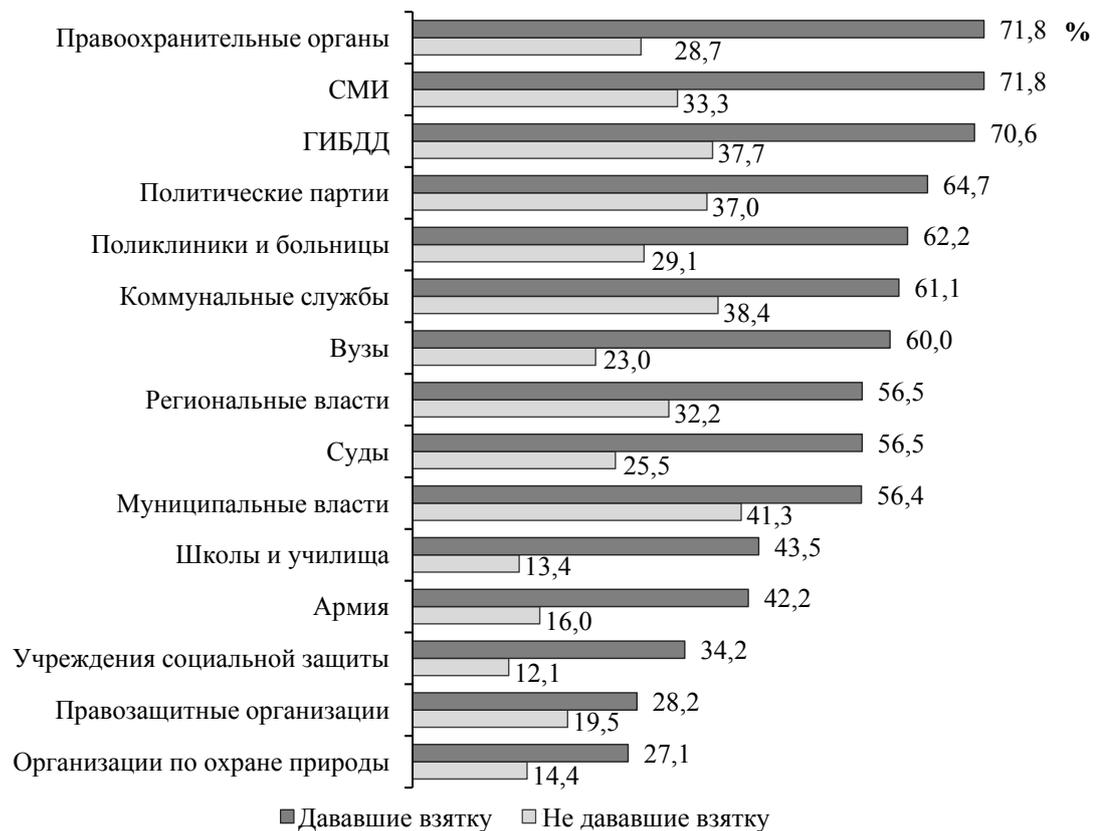

Рис. 2. Рейтинг коррумпированности органов власти, организаций и учреждений по оценке респондентов, дававших и не дававших взятку

Fig. 2. Rating of corruption of government bodies, organizations and institutions according to the respondents who gave and did not give a bribe

Сравнивая оценки коррумпированности органов власти и организаций респондентов, дававших и не дававших взятки, заметим следующее: взяткодатели в среднем гораздо чаще (в 2–2,5 раза) высказывают мнение о коррумпированности органов власти и организаций (рис. 2). Можно предположить, что обладание коррупционным опытом формирует

большую убежденность в коррумпированности всего спектра органов власти и организаций. Эффект влияния факта участия в коррупционных сделках на мнение респондентов по самому широкому кругу вопросов отмечался некоторыми исследователями [4, с. 175].

Преобладающий негативизм восприятия взяткодателя прослеживается также при оценке респондентами коррумпированности уровней власти и эффективности борьбы с коррупцией.

Взяткодатели, в отличие от не дававших взятки респондентов, указывают чаще на увеличение и реже – на уменьшение количества случаев коррупции в поселении, регионе и стране (табл. 2).

Таблица 2. Оценка респондентами изменения уровня коррупции в поселении, регионе и стране
Table 2. Respondents' assessment of changes in the level of corruption in the settlement, region and country

Вопрос	Вариант ответа	Количество ответивших, %	
		Не давал взятку	Давал взятку
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в вашем поселении?	Стало больше	8,3	21,2
	Ничего не изменилось	37,9	43,5
	Стало меньше	15,3	8,2
	Затрудняюсь ответить	38,5	27,1
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в регионе?	Стало больше	14,0	24,7
	Ничего не изменилось	34,1	42,4
	Стало меньше	14,6	5,9
	Затрудняюсь ответить	37,3	27,1
Как Вы думаете, изменилось ли количество случаев коррупции в стране?	Стало больше	21,8	41,2
	Ничего не изменилось	34,3	37,6
	Стало меньше	10,9	4,7
	Затрудняюсь ответить	33,0	16,5

Взяткодатели, в отличие от не дававших взятку респондентов, реже выражают уверенность в наличии у руководства региона желания и воли эффективно бороться с коррупцией (табл. 3). Одновременно участники коррупционных сделок чаще указывают на то, что региональная власть не хочет и не может эффективно противодействовать коррупции.

Таблица 3. С каким из приведенных суждений о борьбе с коррупцией в регионе Вы согласны?
Table 3. Which of the above statements about the fight against corruption in the region do you agree with?

Вариант ответа	Количество ответивших, %	
	Не давал взятку	Давал взятку
Руководство нашего региона хочет и может эффективно бороться	26,4	5,9
Руководство нашего региона хочет, но не может эффективно бороться	15,9	15,3
Руководство нашего региона может, но не хочет эффективно бороться	18,8	27,1
Руководство нашего региона не хочет и не может эффективно бороться	17,5	43,5
Затрудняюсь ответить	21,3	8,2

К обсуждению предлагаются следующие специфические черты личности взяткодателя региона, определившиеся в результате исследования:

– взяткодатель – это представитель молодежи или среднего возраста, проживающий преимущественно в городской местности. Возраст наивысшей экономической и социальной лабильности в данном случае выступает фактором, потенциально способствующим повышенной коррупционной активности;

– наибольшее число коррупционных сделок взяткодатель совершает в среднесрочной перспективе (от 10 дней до года назад). Регулярная коррупционная активность (в течение недели) свойственна менее 5 % взяткодателей, эпизодическая (больше года назад) – примерно пятой части;

– наиболее высокая доля совершаемых регулярных и нерегулярных коррупционных сделок отмечается в здравоохранении, образовании и при урегулировании ситуаций с ГИБДД, что связано с особой востребованностью и социальной значимостью оказываемых в данных сферах услуг;

– каждая вторая взятка составляет сумму от 3 до 5 тыс. р., своеобразный региональный коррупционный стандарт, с помощью которого возможно решение большей части возникающих вопросов незначительного повседневного характера. Достаточно низкий размер средней суммы взятки является следствием негативной социально-экономической ситуации в регионе, формирующей определенный баланс спроса и предложения на рынке коррупционных услуг;

– взяткодатель в большинстве случаев сам инициирует коррупционную ситуацию, вследствие наличия подобного опыта или из-за сложившегося порядка вещей. Преимущественное выступление взяткодателя в качестве инициатора взятки говорит об обыденном восприятии данной негативной практики в социуме, об утрате общественным сознанием иммунитета к криминальной деятельности [16]. Вследствие морально-этического разложения современного общества [17, с. 89] взятка начинает восприниматься не столько «нормальным» инструментом решения большого числа повседневных проблемных вопросов, сколько практическим способом восстановления справедливости в обществе [18, с. 55]. Сложившийся порядок вещей Э. Дюркгейм называет социальной аномией (социальной дезорганизацией), когда никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами [19, с. 268]. В указанной парадигме коррупционное поведение, выступая девиацией, находит оправдание и объяснение у значительной части общества. Последнее становится серьезным фактором угрозы, фактически легализующим в представлениях населения коррупционные действия;

– наиболее значимыми результатами взятки выступают ускорение решения проблемы и минимизация трудностей. Последнее позволяет в духе неоклассического подхода (коррупционные отношения как выбор рациональных агентов [20, с. 210]) характеризовать дачу взятки как рациональный способ оптимизации издержек в реалиях сверхбюрократизированного государства;

– у взяткодателей (по сравнению с респондентами, не дававшими взятку) прослеживается достаточно выраженный негативизм при оценке коррумпированности уровней власти и эффективности борьбы с коррупцией. Факт обладания коррупционным опытом оказывает мультиплицирующее воздействие на убежденность взяткодателей в перманентной коррумпированности органов власти и организаций. Эффект влияния факта участия в коррупционных сделках на мнение респондентов по самому широкому кругу вопросов отмечался и рядом других исследователей [4, с. 175];

– по мнению взяткодателей, наиболее высокий уровень коррумпированности у правоохранительных органов, ГИБДД и СМИ, наименее – у правозащитных организаций и

организаций по охране природы. Результаты опроса не позволяют считать суждения респондентов о коррумпированности указанных структур основанными на их повседневном опыте, что подтверждается и на примере других исследований [21, с. 25]. В связи с этим можно говорить о том, что у взяточдателей более четко выражены стереотипные представления всего социума о нечестности (коррумпированности) правоохранительной системы государства, СМИ и о честности (некоррумпированности) правозащитных организаций и организаций по охране природы.

Заключение. Участие в коррупционных сделках накладывает на личность взяточдателя выраженный в той или иной степени отпечаток, заключающийся в деформации практик взаимоотношения с представителями государственных органов, постепенной утрате иммунитета к криминальной или полукриминальной деятельности, частичной деградации социально значимых морально-нравственных ценностей, превращении коррупционных практик из социальной аномии в социальную норму [22, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 3 (7). С. 7–38.
2. Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О. Т. Богомолова. М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. С. 427–455.
3. Пустовит Р. В. Виды коррупции // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 204–205.
4. Киселев И. Ю., Зуева С. В. Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы // Власть. 2018. Т. 26, № 8. С. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6063>.
5. Кашкаров А. А. Виктимная амбивалентность на примере взяточничества // Виктимология. 2017. № 2 (12). С. 35–38.
6. Можина О. Ю. Взяткодатель как субъект коррупционного процесса // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 2 (10). С. 65–68.
7. Шарапов Р. Д., Комаров В. Б. Получение взятки за содействие действиям (бездействию) в пользу взяточдателя: объект воздействия взяточполучателя // Вестн. Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 107–111.
8. Сидоренко Э. Л. Полифакторный индекс коррупции в регионах РФ: методика оценки // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 3. С. 207–215. DOI: [10.21202/1993-047X.10.2016.3.207-215](https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.207-215).
9. Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
10. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.
11. Шедий М. В. Основные теоретические подходы исследования коррупции // Среднерусский вестн. общественных наук. 2011. № 2. С. 72–82.
12. Афаунов А. З. Молодежь и проблема коррупции в современном российском обществе: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 15–18.
13. Макеев Я. А. Институциональные особенности коррупции в местном сообществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук / СКФУ. Ставрополь, 2013.
14. Коррупция в Республике Мордовия: восприятие населением и отражение в СМИ: бюллетень / под ред. И. М. Фадеевой. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 2019.

15. Куприянов И. С. Коррупционные практики населения региона: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 36–46.
16. Кириллов С. И. Проблемы личности преступника и социальной структуры общества // Вестн. факультета управления и права коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО Московский гос. машиностроительный ун-т (МАМИ). 2014. № 9. С. 73–77.
17. Тавокин Е. П. Российский коррупционер в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2 (120). С. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.
18. Никифорова О. А. Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Социология. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>.
19. Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Н. Ильинского. М.: АСТ, 2018.
20. Дятлова Н. К., Цадер Я. А. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 5, № 2 (62). С. 209–213.
21. Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3 (101). С. 22–33.
22. Шедий М. В. Коррупция и население: проблема понимания и оценки степени распространенности в российском обществе // Среднерусский вестн. общественных наук. 2016. Т. 11, № 2. С. 10–20. DOI: 10.12737/19373.

Информация об авторах.

Агишев Руслан Ряфатович – кандидат исторических наук (2006), ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 64 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология религии, политическая социология, социология коррупции. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0179-8336>. E-mail: agishev2019@gmail.com

Барина Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровое общество, информационная открытость органов власти. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3527-455X>. E-mail: bolgarri@mail.ru

Манаева Ирина Владимировна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, информационная открытость органов власти. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4530-9699>. E-mail: manaeva.i.v@mail.ru

REFERENCES

1. Kitova, D.A., Jouravlev, A.L., Sosnin, V.A. and Yurevich A.V. (2017), "Corruption as the phenomenon of socio-psychological research: its status and prospects of development", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences Social and economic psychology*, vol. 2, no. 3 (7), pp. 7–38.
2. Glinkina, S.P. (2010), Corruption: A Fatal Threat?, *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie* [Non-Economic Facets of the Economy: the Unknown Interference], in Bogomolov, O.T. (ed.), Institut ekonomicheskikh strategii, Moscow, RUS, pp. 427–455.
3. Pustovit, R.V. (2017), "Types of corruption", *HERALD OF OMSK UNIV. Series «LAW»*, no. 1 (50), pp. 204–205.

4. Kiselev, I.Y. and Zueva, S.V. (2018), "The Perception of Corruption by the Russians as the Social Problem", *Vlast' (The Authority)*, vol. 26, no 8, pp. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6063>.

5. Kashkarov, A.A. (2017), "Victual ambivalence, by the example of bribery", *VICTIMOLOGY*, no. 2 (12), pp. 35–38.

6. Mozhina, O.Yu. (2016), "Bribe giver as a subject of the corruption process", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, no. 2 (10), pp. 65–68.

7. Sharapov, R.D. and Komarov, V.B. (2020), "Acceptance of a bribe for assisting actions (inaction) in favor of a bribegiver: the object of influence of the bribetaker", *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, no. 1 (46), pp. 107–111.

8. Sidorenko, E.L. (2016), "Polyfactorial corruption index in the Russian regions: methodology of estimation", *Actual Problems of Economics and Law*, no. 3, pp. 207–215. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.207-215.

9. Kirpichnikov, A.I. (2004), *Rossiiskaya korruptsiya* [Russian corruption], Yuridicheskii tsentr Press, SPb., RUS.

10. Durkheim, E. (1966), "Norm and pathology", *Sotsiologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii* [Sociology of crime. Modern bourgeois theories], Transl. by Nikiforov, A.S. and Yakovlev, A.M., Progress, Moscow, USSR, pp. 39–44.

11. Shedy, M.V. (2011), "Basic theoretical approaches to the study of corruption", *Central Russian J. of Social Sciences*, no. 2, pp. 72–82.

12. Afaunov, A.Z. (2016), "Youth and the problem of corruption in modern Russian society: sociological analysis", *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 4, pp. 15–18.

13. Makeev, Ya.A. (2013), "Institutional features of corruption in the local community", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, NCFU, Stavropol', RUS.

14. *Korruptsiya v Respublike Mordoviya: vospriyatie naseleniem i otrazhenie v SMI: byulleten'* [Corruption in the Republic of Mordovia: public perception and reflection in the media: bulletin] (2019), in Fadeeva, I.M. (ed), *Izd-vo Mord. gos. un-ta, Saransk*, RUS.

15. Kupriyanov, I.S. (2010), "Corrupt practices of the population of the region: gender aspect", *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 36–46.

16. Kirillov, S.I. (2014), "Problems of a criminal personality and the social structure of society" // *BULLETIN OF THE KOLOMNA INSTITUTE (BRANCH) OF THE MOSCOW POLYTECHNIC UNIV. SERIES: SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES*, no. 9, pp. 73–77.

17. Tavokin, E.P. (2014), "RUSSIAN CORRUPTIONIST: SOCIOLOGICAL DIMENSION", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2 (120), pp. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.

18. Nikiforova, O.A. (2019), "Public perception of corruption level in professional spheres", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Sociology*, vol. 12, iss. 1, pp. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>.

19. Durkheim, E. (2018), *Le Suicide*, Transl. by A. N. Il'inskii, AST, Moscow, RUS.

20. Dyatlova, N.K. and Tsader, Ya.A. (2015), "Corruption as an institute of communication in the 'principal – agent' model", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, vol. 5, no. 2 (62), pp. 209–213.

21. Rose, R. and Mishler, W. (2009), "Corruption as Perceived and Experienced: Russia as a Test Case", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 3 (101), pp. 22–33.

22. Shedy, M.V. (2016), "Corruption and population: the problem of understanding and evaluating the degree of distribution in the Russian society", *Central Russian J. of Social Sciences*, vol. 11, iss. 2, pp. 10–20. DOI: 10.12737/19373.

Information about the authors.

Ruslan R. Agishev – Can. Sci. (History) (2006), Leading Researcher, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 64 scientific publications. Area of expertise: sociology of religion, political sociology, sociology of corruption. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0179-8336>. E-mail: agishev2019@gmail.com

Olga N. Barinova – Senior Research Officer, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digital society, information transparency of authorities. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3527-455X>. E-mail: bolgarri@mail.ru

Irina V. Manaeva – Research Officer, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, information transparency of authorities. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4530-9699>. E-mail: manaeva.i.v@mail.ru

Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе

В. А. Егоров¹, В. П. Милецкий^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ falesm@mail.ru

Введение. Проблема коррупции приобрела особую важность в свете многочисленных коррупционных скандалов, затрагивающих как развивающиеся, так и наиболее развитые государства. На сегодняшний день выдвигается ряд зачастую противоречащих друг другу гипотез о том, как коррупционные практики влияют на протестный потенциал и стабильность политической системы, а также о роли антикоррупционной политики властей в нейтрализации такого влияния. Целями данной статьи являются обзор и сравнение некоторых исследований в области изучения влияния коррупции и антикоррупционной политики на различные аспекты жизнедеятельности современного общества, в особенности на протестный потенциал и политическую стабильность. Авторская гипотеза состоит в предположении о том, что системная антикоррупционная политика, представляющая собой приоритетное направление политико-управленческой деятельности институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению и пресечению коррупционных практик, заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе.

Методология и источники. Методологическим основанием данной статьи является мультипарадигмальный подход к изучению коррупции. В рамках данной работы был проанализирован ряд эмпирических исследований отечественных и зарубежных авторов (Э. Усланер, П. Хейвуд, Д. Роуз и др.). Также использованы результаты проведенного авторами в 2020 г. интернет-опроса, в котором приняли участие 580 респондентов (преимущественно студенты российских вузов). Респонденты отбирались методом самоотбора, выборка была стихийная. Многочисленные исследования и социологические опросы свидетельствуют о трудностях в обобщении полученных результатов.

Результаты и обсуждение. Значительное число эмпирических исследований свидетельствует о негативном влиянии коррупционных практик на жизнедеятельность современного общества. Они приводят к снижению темпов роста ВВП, снижению притока внутренних и внешних инвестиций, росту социально-экономического неравенства, снижению налоговых поступлений, недофинансированию социальной политики, уменьшению уровня доверия населения к властным институтам и падению генерализованного доверия в целом. Вместе с тем хотя существует корреляция между высоким уровнем коррупции и политической нестабильностью, однако результаты ряда исследований позволяют усомниться в существенном влиянии коррупции на экономический потенциал и политическую стабильность.

© Егоров В. А., Милецкий В. П., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В целом проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что высокий уровень распространенности коррупционных практик может как способствовать усилению социальной напряженности и наращиванию протестного потенциала, так и не влиять на политическую активность населения и стабильность политического режима. При этом именно системная антикоррупционная политика властей заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, восприятие коррупции, протестный потенциал, политическая стабильность.

Для цитирования: Егоров В. А., Милецкий В. П. Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.08.2021; принята после рецензирования 27.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Anti-corruption Policy as a Factor of Influence on Protest Potential and Stability in Modern Society

Vladislav A. Egorov¹, Vladimir P. Miletskiy^{1,2✉}

¹Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉falesm@mail.ru

Introduction. The problem of corruption has acquired a particular importance in light of ubiquitous corruption scandals, entangling both developing and developed countries. Currently, a number of often contradicting hypotheses has been posed on the ways corrupt practices impact protest potential of a society and stability of a political system, as well as on the role of anti-corruption policy in the alleviation of such impact. This article aims to survey and compare different researches analyzing the impact of corruption and anti-corruption policies on different aspects of modern Russian society; in particular, their impact on protest potential and political stability. The author's hypothesis lies within the assumption that The System anti-corruption policy, which is a prioritized instrument for political and administrative activities of state and municipal authorities in the prevention of corrupt practices, significantly reduces the extent of protest potential and facilitates political stability in a society.

Methodology and sources. Methodological basis of this article is a multiparadigm approach to studying the phenomenon of corruption. As part of this research, a raft of empirical research conducted by domestic and foreign authors has been analyzed (E. M. Uslaner, P. Heywood, J. Rose et al.). Authors also use the results of an internet survey conducted with 580 participants (predominantly students of Russian universities) in 2020. The respondents were self-selected, convenience sampling. Manifold research and sociological surveys demonstrate the difficulty of generalizing the results.

Results and discussion. Substantial amount of empirical data reflects an adverse effect of corrupt practices on the livelihood of a modern society. These practices entail the decrease in GDP growth rates, avert domestic and foreign investments, amplify social and economic inequality, decrease tax revenue and lead to social welfare underfunding. It ultimately results in the lack of public trust towards state institutions as well as the decrease of generalized trust. Even though there is a positive correlation between endemic corruption and political volatility, the results of other research cast doubt on the extent to which corruption may influence economic development and political stability.

Conclusion. In general, the conducted research has allowed for the inference that the prevalence of corrupt practices may either amplify social instability and increase the protest potential or it may have no influence at all on political activity of a society and stability of political regime. At the same time, the implementation of anti-corruption policies by the authorities significantly reduces the level of protest potential and fosters political stability.

Key words: corruption, anti-corruption policy, corruption perception, protest potential, political stability.

For citation: Egorov V. A., Miletskiy V. P. Anti-corruption Policy as a Factor of Influence on Protest Potential and Stability in Modern Society. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.08.2021; adopted after review 27.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. За последние 40 лет проблема коррупции стала одной из ключевых тем академических исследований и политических дискуссий. Панамские документы, «Ландромат Тройка», коррупционный скандал с компанией «Siemens» и другие скандальные события попадают в центр внимания всех крупных мировых СМИ. Такие международные организации, как ООН, принимают конвенции и вырабатывают рекомендации по борьбе с коррупцией. Transparency International ежегодно публикует Индекс восприятия коррупции, а власти разных стран принимают новые меры по борьбе с коррупцией. Проблема коррупции привлекает даже больше внимания, чем проблемы безработицы, бедности, климатических изменений или терроризма [1].

Так, например, согласно опросам «Левада-центра» коррупция в 2020 г. являлась второй по важности проблемой, беспокоившей россиян. За последние три года около 40 % респондентов отметили обеспокоенность ростом коррупции в стране. В целом, проблема коррупции остается в центре внимания граждан не только развивающихся, но и развитых стран. Она фигурирует в результатах многих опросов, посвященных степени удовлетворенности граждан деятельностью органов власти [2].

Коррупция становится политическим нарративом и важной частью политической борьбы. Предвыборные кампании редко проходят без обещаний политиков победить коррупцию или без обвинений в коррупции политических оппонентов, о чем свидетельствует и нынешняя предвыборная кампания в России. Массовые протестные акции последних лет в Чили, Румынии, Чехии, Эквадоре, Боливии, Ливане, Украине имеют различную динамику и формальные причины. Но при этом многие из этих протестных акций так или иначе связаны с проблемой коррупции. Протестующие обвиняют правительство в коррупции, неспособности обеспечить справедливое распределение ресурсов и решить экономические проблемы своих стран. Ряд протестных акций в России в 2018–2020 гг., которые стали наиболее масштабными выступлениями со времен протестов 2011–2013 гг., были вызваны антикоррупционными расследованиями «Фонда борьбы с коррупцией» в отношении бывшего Председателя Правительства России Д. А. Медведева и ряда других лиц.

Международные организации также отмечают негативное влияние коррупции на национальную и международную безопасность. Согласно мнению некоторых исследователей высокий уровень коррупции был одним из факторов, повлиявших на быстрое развитие

событий «Арабской весны». Обратившись к Индексу восприятия коррупции TI, можно обнаружить, что наиболее коррумпированные страны обычно занимают самые высокие места в рейтинге недееспособности государств.

Количество конфликтов, связанных с коррупционными скандалами, а также высокий уровень социальной напряженности во многих коррумпированных странах согласно Индексу восприятия коррупции обуславливают необходимость изучения и выявления природы коррупции и особенностей ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность, включая анализ роли антикоррупционной политики властей и в этих процессах.

Методология и источники. С 1990 по 2010 г. на английском языке было опубликовано около 6000 научных статей, посвященных различным экономическим, социальным, культурным, политическим аспектам коррупции [3]. Массив опубликованных теоретических и эмпирических исследований свидетельствует в пользу существования разнообразных подходов к изучению данной проблемы представителями социологии, политологии, экономики, конфликтологии и др.

В рамках исследований коррупционной практики существует немало разногласий, которые затрагивают даже такие ключевые вопросы, как определение коррупции [4]. Так, коррупция как многогранное социальное явление имеет множество определений, обозначающих как формы коррупции (кормление, лихоимство, стяжательство, мздоимство, казнокрадство, взяточничество), так и метафорические модели, отражающие специфику восприятия коррупции в общественном сознании (например, болезнь, препятствие, диагноз и др.). Но, пожалуй, стоит исходить из определения, сформулированного в Федеральном законе РФ «О противодействии коррупции», принятом в 2008 г., в котором говорится: «Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5].

В дальнейшем, 29 июня 2018 г., Президент РФ В. В. Путин подписал Указ № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции в 2018–2020 гг.», предусматривавший и совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, и обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов, и совершенствование и расширение мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, и повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения, и развитие общественного правосознания, и др.

Стоит сказать, что существенное значение для разработки предложений по совершенствованию антикоррупционной политики имеют работы В. В. Астанина, Ю. Ю. Болдырева, В. П. Воротникова, А. И. Кирпичникова, А. В. Куракина, И. М. Клямкина, А. А. Мухина, Л. М. Тимофеева и др. Но все еще недостаточно серьезных социологических публикаций, раскрывающих роль антикоррупционной политики в качестве ключевого фактора противодействия коррупции, ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность.

В этом отношении именно *системность* антикоррупционной политики выступает главенствующим фактором ее результативности и эффективности мер по всем направлениям ее реализации. Поэтому представляется возможным повторить вывод, изложенный в наших предыдущих публикациях по этой теме, согласно которому с точки зрения системно-социологического анализа уместно говорить о формационных, сферальных и структурных факторах живучести и воспроизводства коррупции, ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность.

В отношении формационных факторов коррупции убедительной является позиция, согласно которой главенствующую роль сыграла российская модель криминально-олигархического капитализма периферийного типа, которая была «выращена» в «лихие 1990-е гг.», превратилась в питательную среду для разрастания криминалитета и коррупции («низовой» и «верхушечной, или беловоротничковой»). Среди сферальных факторов ключевую роль в разрастании коррупции в постсоветской России сыграли главным образом социально-экономические факторы.

В первую очередь это экспортно-сырьевая модель квазирыночной экономики, основанная на частнокапиталистическом укладе, не имеющая ничего общего с многосекторным социальным рыночным хозяйством, а также маргинальная социальная структура общества, которая в 1990-е гг. приобрела классово-антагонистический характер, внутри которой в современной России разрыв между бедными и богатыми даже в условиях пандемии по основным стратификационным критериям намного превосходит пороговые показатели.

В ряду собственно структурных факторов, способствующих живучести и воспроизводству коррупции и затрудняющих эффективную борьбу с ней, стоит назвать политические детерминанты, среди которых главную роль играет избыточное вмешательство власти в бизнес-среду и чиновничье покровительство бизнес-структур. К структурным факторам воспроизводства коррупции, препятствующим проведению системной антикоррупционной политики, относятся институциональные, процессуальные и иные составляющие, среди которых стоит упомянуть сложившиеся в 1990-е гг. влиятельные бизнес-группировки, патрон-клиентские отношения между бизнесом и властью, одиозные клановые структуры власти на местах, обусловившие низкий уровень самоорганизации институтов гражданского общества, деградацию судебной системы и правоохранительных органов, сращение последних с бизнесом и оргпреступностью.

Таким образом, без обеспечения системности антикоррупционной политики, которая выступает ключевым направлением функциональной деятельности социальных субъектов и институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению, противодействию, искоренению коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, искоренению антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, вряд ли можно ограничить условия и факторы воспроизвод-

ства коррупции и надеяться на эффективное противодействие этому антисоциальному явлению. К основным элементам системного содержания такой политики относятся социальные субъекты и институты, должностные лица и органы государственной и муниципальной власти, включая их юридически значимую деятельность в рамках механизма правового регулирования на определенной нормативно-правовой основе, а также инструментарий (принципы, методы и технологии) политико-правового воздействия на совокупность самых коррупциогенных сегментов общества.

Итак, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что коррупция представляет собой такое негативное явление, которое наносит значительный вред как государству, так обществу в целом и отдельным гражданам. Тем не менее вопросы взаимосвязи между уровнем коррупции и состоянием протестного потенциала общества привлекают не так много внимания со стороны академической сферы, из-за чего взаимосвязь между коррупцией и протестным потенциалом остается недостаточно изученной.

На данный момент исследователями выдвигаются две основные гипотезы о влиянии коррупции на протестный потенциал общества:

1. Сторонники мобилизационной гипотезы полагают, что восприятие коррупции, понимаемое как оценка уровня распространенности коррупционных практик в органах власти разных стран, а также личный опыт сопричастности людей к коррупции (бытовая или деловая коррупция), стимулирует их участие в политической жизни общества, в том числе в различных формах протеста. Согласно этой гипотезе граждане, которые отмечают высокий уровень распространенности коррупционных практик в своей стране, а также прошедшие через негативный личный опыт столкновения с коррумпированными чиновниками, с большей вероятностью будут участвовать в политической деятельности – от активного участия в электоральном процессе (выдвижение на выборы, активная поддержка определенных политических партий и движений, наблюдение за выборами) до участия в санкционированных и несанкционированных антиправительственных протестах, направленных на изменение сложившейся политической системы.

2. Авторы демобилизационной гипотезы исходят из предположения о том, что высокий уровень воспринимаемой общественностью коррупции способствует снижению уровня политической активности в силу бесполезности борьбы с этим социальным злом. В результате уменьшается явка избирателей на выборы, снижается доверие к политическим партиям, сокращается мобилизационный потенциал оппозиционных партий и движений, нарастает отчуждение недовольных коррупцией избирателей от политических процессов и власти в целом. По этой причине коррупция не является существенным фактором мобилизации антиправительственных протестующих.

Значительное число исследований посвящено изучению влияния коррупции на различные аспекты жизнедеятельности современного общества, в особенности акцентируется внимание на микро- и макроэкономических издержках коррупции. Хотя в экономических исследованиях и наблюдается некоторое согласие по поводу того, что коррупция оказывает скорее негативное влияние на экономическое развитие государства, но при этом степень, условия и направленность этого влияния остаются дискуссионными.

В рамках настоящей статьи используются результаты проведенного в 2020 г. социологического опроса, посвященного восприятию коррупции в России, в котором приняли уча-

стие 580 респондентов. Методом сбора данных стал анкетный опрос через Интернет, выборка была стихийная, респонденты отбирались методом самоотбора. Стоит также отметить, что социально-демографическая структура пользователей Интернета может отличаться от структуры генеральной совокупности. Респондентам было предложено оценить 12 ситуаций и ответить на вопрос о том, является ли описанная ситуация коррупционной. В случае, если респондент считает такую ситуацию коррупционной, ему предложено оценить ее приемлемость по 5-балльной шкале, где 1 – это приемлемо, а 5 – совсем неприемлемо.

Результаты и обсуждение. Исследования показывают, что ухудшение положения страны в Индексе восприятия коррупции TI приводит к снижению темпов роста ВВП [6], а высокий уровень коррупции затрудняет развитие бизнеса сильнее, чем рост налогов [7]. В некоторых африканских странах затраты на коррупционные сделки составляют от 8 до 15 % всех операционных расходов средней фирмы [8]. Рост коррупции приводит как к снижению внутренних государственных и частных инвестиций, так и к сдерживанию притока прямых иностранных инвестиций [9]. Также наблюдается связь между положением страны в Индексе восприятия коррупции и в рейтинге легкости ведения бизнеса [10]. Другие исследования отображают некоторые позитивные функции коррупции, поскольку коррупция позволяет увеличить эффективность бизнеса в условиях деятельности неэффективных государственно-муниципальных институтов и бюрократических барьеров [11].

В изучении конфликтогенного характера коррупции наибольший интерес представляют работы, посвященные анализу взаимосвязи коррупции и неравенства, а также влиянию коррупции на работу государственных институтов. Многие исследования показывают существенную связь между увеличением уровня коррупции и ростом неравенства в доходах населения. В результате индекс Джини, отображающий степень расслоения общества, увеличивается в тех странах, в которых наблюдается рост коррупции [12].

Важно отметить, что коррупция оказывает большее влияние на наиболее необеспеченные слои населения. В коррумпированных странах семьи с низким уровнем доходов тратят на коррупционные сделки значительно большую часть своих доходов, чем домохозяйства с высоким или средним уровнем доходов. В целом, граждане с низким уровнем доходов дают взятки чаще, чем остальные [13]. В ряде исследований отмечается также, что размер налоговых поступлений в бюджет страны может зависеть от того, в какой мере власти воспринимаются населением как коррумпированные [14]. Результаты исследований показывают, что уровень коррупции негативно влияет не только на доходную часть бюджета, но и приводит к изменениям в структуре расходной части. Так, например, многие исследователи отмечают сокращение затрат на здравоохранение, образование и меры социальной поддержки населения в коррумпированных странах. При этом наблюдается рост расходов на поддержание правопорядка, оборону и энергетику [15].

Коррупция приводит не только к сокращению объема государственного бюджета, но и к несправедливому распределению этих средств. Правительства, воспринимаемые как наиболее коррумпированные, чаще выделяют средства на те отрасли, в которых возможно заключение наиболее крупных контрактов. Исследования показывают, что недофинансирование в социальной сфере приводит к ухудшению качества предоставляемых услуг, что, в свою очередь, повышает количество коррупционных платежей, совершаемых наиболее необеспеченными слоями населения за услуги, которые они могли бы получить бесплатно.

Ухудшение качества предоставляемых услуг, в особенности в сфере строительства социального жилья или жилищно-коммунального хозяйства, может приводить к возникновению многочисленных социальных конфликтов.

Ряд исследований, посвященных анализу влияния коррупции на доверие к государственным институтам, является подтверждением этому. Как уже отмечалось ранее, высокий уровень коррупции приводит к снижению уровня доверия к различным государственным и муниципальным институтам [16]. В особенности это может затрагивать судебные органы власти. Исследователи показывают, что низкий уровень доверия к судам или полиции способствует распространению практики взяточничества [17]. В результате воспринимаемая населением коррупция может оказывать отрицательное влияние на степень политического участия граждан и оценку ими легитимности властей [18].

Коррупция может оказывать влияние не только на доверие к государственным и муниципальным институтам, но и на генерализованное доверие. Э. Усланер разработал модель ловушки неравенства, согласно которой существующее в обществе неравенство приводит к тому, что рядовые граждане утрачивают доверие к действующим институтам власти и окружающим людям, чувствуют пессимизм в отношении собственного будущего, ощущают себя зависимыми в рамках системы патрон-клиентских отношений [10]. Ученый утверждает, что низкий уровень генерализованного доверия приводит к более высокому уровню коррупции. Данное утверждение обосновывается аргументами о том, что при высоком уровне генерализованного доверия граждане менее благосклонны и терпимы к коррупции, поскольку они чувствуют социальную солидарность и собственную ответственность за благосостояние всего общества. Коррупция, становящаяся более приемлемым явлением при низком доверии и высоком неравенстве, приводит к еще большему неравенству. Неравенство и низкое доверие к властям зачастую рассматривается как фактор, способствующий повышению социальной напряженности и проявлению социальных конфликтов.

Обращаясь к социальным конфликтам и их детерминированности коррупционными факторами, стоит отметить существование широкого круга исследований, посвященных изучению влияния коррупции на социодинамику конфликтов. Чаще всего акцентируется внимание на вооруженных конфликтах или постконфликтных ситуациях в наиболее нестабильных странах, в которых существует значительная корреляция между коррупцией и политической нестабильностью. Вместе с тем есть исследования, отмечающие относительно положительную роль коррупции в стабилизации политической ситуации в «хрупких» государствах. Так, например, распределение коррупционных доходов между политическими элитами отдельных и не самых развитых стран может служить базисом для заключения мирных соглашений в условиях внутривнутриполитических конфликтов [19]. При этом представления о коррупции как о стабилизирующем факторе основаны на анализе преимущественно взаимодействия между элитами.

Тем не менее на уровне международных организаций существует очевидный консенсус по вопросу о том, что высокий уровень коррупции отрицательно сказывается на политической стабильности, способствует усилению социальной напряженности и разжиганию социальных конфликтов [20]. В особенности это прослеживается на примере стран, в которых разворачиваются острые политические конфликты. Проанализировав опыт Непала, Либерии, Колумбии и современного Афганистана, особенно после недавнего «бегства» из

этой страны американского контингента, авторы приходят к выводу о том, что доступ к коррупционной ренте ограниченного круга лиц может привести к насильственным конфликтам в лишь в том случае, если коррумпированные власти прибегают к устранению противников коррупционных сетей или не могут обеспечить более справедливое распределение благ и удовлетворить базовые потребности населения [19].

Реформы также могут привести к масштабным конфликтам из-за сопротивления коррумпированных политических элит. Ряд авторов, проанализировав влияние коррупции на постконфликтное урегулирование, приходит к выводу о том, что недостаточные усилия по борьбе с коррупцией увеличивают вероятность возобновления конфликтов [21]. При этом к внутривнутриполитическим конфликтам приводит не столько существование коррупции самой по себе, сколько изменения в структуре распределения коррупционной ренты, которые могут происходить в результате внешнего давления или внутренних кризисов [22].

В свете растущей актуальности многочисленных экологических конфликтов уместно отметить исследования, посвященные анализу влияния коррупции на экологию, показывающие, что коррупция может негативно сказываться на охране невозобновляемых ресурсов. Широкое распространение коррупционных практик в природоохранной сфере приводит к быстрому истощению охраняемых ресурсов – вырубке лесов, уничтожению редких видов животных, загрязнению атмосферы, воды и др. [23]. Деградация окружающей среды также оказывает дестабилизирующее воздействие на местные сообщества и население стран в целом.

Неоднозначный характер такого влияния коррупции подтверждается и проведенным опросом, по результатам которого установлено, что более 80 % респондентов упомянули влияние коррупции на углубление социального неравенства, которое препятствует стабильному экономическому развитию и подрывает экономический потенциал. 56,4 % опрошенных отметили, что коррупция повышает издержки в системе государственного и муниципального управления. С другой стороны, 65,2 % респондентов считают, что коррупция способствует укреплению авторитарных режимов, 38,3 % респондентов считают коррупцию одним из инструментов преодоления бюрократических преград, 22,6 % – инструментом достижения справедливости. 16 % респондентов отметили, что распространенность коррупционных практик может стимулировать участие разных социальных групп (новых политических партий, движений) в политическом процессе. И только 6 % респондентов считают, что коррупция может содействовать экономическому росту.

Также респондентам было предложено рассмотреть ряд ситуаций и оценить, является ли описанная ситуация коррупционной практикой. Так, например, почти половина респондентов (49,1 %) не считают коррупционной ситуацию, в которой классный руководитель требует сдать деньги на ремонт или обеспечение охраны в школе. 44,7 % респондентов не считают, что плата за оказание медицинских услуг в обход официальных учреждений (через друзей, знакомых лечащего врача) является коррупционной практикой. 36 % респондентов не считают действия государственных чиновников коррупционными в том случае, если чиновник действует ради спасения жизни людей – помогает друзьям и близким уехать из авторитарного государства или избежать этнических чисток. Важным фактом является то, что для респондентов коррупционными являются и ситуации, в которых не задействованы государственные и муниципальные служащие. Коммерческий подкуп и иные способы

нечестной конкуренции в условиях рынка назвали коррупционными 82,2 % респондентов, для 73 % из них эти практики являются неприемлемыми.

Несмотря на то, что большинство предложенных в ходе опроса ситуаций считалось респондентами коррупционными, степень приемлемости данных практик существенно отличалась. Наиболее неприемлемыми для респондентов оказались ситуации с вымогательством сексуальных услуг. Так, 86 % респондентов считают «сексторшн» коррупционной практикой, 93 % считают такую практику неприемлемой. С другой стороны, ситуация, в которой гражданин, спешащий к больному родственнику и нарушивший ПДД, дает взятку инспектору ГИБДД, считается приемлемой для 34 % респондентов.

Заключение. Результаты проведенных исследований коррупционной проблематики можно обобщить следующим образом.

Прежде всего, несмотря на сформулированную в упоминавшемся выше федеральном законе дефиницию коррупции, в научной среде пока нет единства мнений относительно определения этого термина, что приводит к различиям в методиках оценки степени распространенности коррупции в разных странах. В результате известное число методик основывается на оценке людьми восприятия коррупции, которая не всегда позволяет отразить фактический уровень распространенности коррупционных практик в стране. К тому же положение той или иной страны в Индексе восприятия коррупции и экономические показатели не всегда отражают степень обеспокоенности граждан коррупцией в стране.

Кроме того, рассмотренные выше материалы показывают, что имеет место значительное негативное влияние коррупции на различные сферы жизнедеятельности современного общества. Она реально замедляет экономический рост, снижает эффективность бизнеса, препятствует поступлению иностранных инвестиций, уменьшает объемы налоговых поступлений и др. Коррупция препятствует справедливому распределению благ внутри разных стран и приводит к снижению качества предоставляемых услуг. В целом, существует значительный объем данных, свидетельствующих о связи между коррупцией и высоким уровнем неравенства, в результате чего происходят снижение общего доверия к властям и падение генерализованного доверия. Все большее число граждан осознает, что коррупционные издержки в качестве дополнительного неофициального налога во все большей степени ложатся на плечи наименее обеспеченных слоев населения.

При этом важно подчеркнуть, что именно антикоррупционная политика властей, представляющая собой приоритетное направление политико-управленческой деятельности институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению и пресечению коррупционных практик, заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе. Данный вывод подтверждают не только результаты антикоррупционной политики властей стран Запада, но и в особенности очевидные успехи нынешнего руководства КНР под руководством Председателя КНР Си Цзиньпина. Как известно, китайский опыт современной антикоррупционной политики реализуется по принципу: «Бить не только по мухам и тиграм, но и по лисам». В КНР в противодействии коррупции наработано немало новаций, отсутствующих в нашей стране. Речь идет не только о полном понимании руководством страны, что преодоление коррупции – это вопрос жизни и смерти государства и политической элиты, но и о пропаганде скромности и умеренности образа жизни партийно-государственных руководителей. В КНР созданы и действуют комитеты партийного контроля для членов КПК и граждан-

ского контроля над бизнесом, которые имеют право проводить расследования и возбуждать уголовные дела против взяточников. В Китае добились высокого уровня неподкупности сотрудников правоохранительных органов, наделили их самыми широкими полномочиями в преследовании коррупционеров, которые действуют «невзирая на лица». Также в КНР в борьбе с коррупцией гораздо активнее участвует гражданское общество, внушающее взяточникам простую мысль о том, что обогащаться с помощью коррупции бесполезно, поскольку тратить эти средства становится все труднее и рано или поздно взяточников «забирают и закрывают».

Вместе с тем вышеизложенное позволяет резюмировать, что, с одной стороны, стремление представителей некоторых государственно-муниципальных учреждений «приватизировать» коррупционную ренту может приводить к насильственным внутрисполитическим конфликтам, а с другой – способствовать сохранению социально-политической стабильности, если эта рента распределена между противоборствующими элитами более или менее правильно. Правда, опыт «Арабской весны» показывает, что клептократические режимы в долгосрочной перспективе не защищены от массовых протестов. Поэтому коррупция, как правило, способствует усилению социальной напряженности, что является косвенным аргументом в пользу вывода о том, что она выступает конфликтогенным фактором, который обуславливает повышение уровня социальной напряженности, ухудшение экономической ситуации в разных странах, сокращение финансирования социальной сферы, снижение качества предоставляемых социальных услуг, увеличение разрыва между бедными и богатыми, падение уровня доверия к институтам государственной и муниципальной власти.

На примере стран Восточной Европы нетрудно увидеть, что переход к рыночной экономике совпал здесь с ростом неравенства и коррупции. Экономическое и социальное неравенство и ныне продолжает увеличиваться, а респонденты, согласно опросам, связывают несправедливое распределение богатства с коррупционными сделками [24]. Высокий уровень коррупции, недоверие к властям и низкий уровень генерализованного доверия в таких странах, как Албания или Украина, актуализирует более широкие дискуссии, а громкие коррупционные скандалы становятся причиной новых социальных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global poll: Corruption is world's most talked about problem // BBC. URL: http://www.bbc.co.uk/pressoffice/pressreleases/stories/2010/12_december/09/corruption.shtml (дата обращения: 04.04.2021).
2. Тревожащие проблемы // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2/> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Heywood P. Routledge Handbook of Political Corruption. London: Routledge, 2014.
4. Rose J. The Meaning of Corruption: Testing the Coherence and Adequacy of Corruption Definitions // Public Integrity. 2018. Vol. 20, Iss. 3. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1397999>.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 03.11.2015) // Российская газета. 30.12.2008. № 4823. URL: <https://rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html> (дата обращения: 01.08.2021).
6. Ugur M., Dasgupta N. Evidence on the economic growth impacts of corruption in low-income countries and beyond: a systematic review. London: EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, Univ. of London, 2011.

7. Fisman R., Svensson J. Are corruption and taxation really harmful to growth? Firm level evidence // *J. of Development Economics*. 2007. Vol. 83, Iss. 1. P. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2005.09.009>.
8. Svensson J. Who Must Pay Bribes and How Much? Evidence from a Cross Section of Firms // *The Quarterly J. of Economics*. 2003. Vol. 118, Iss. 1. P. 207–230. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360535180>.
9. Wei S-J. How Taxing is Corruption on International Investors? // *The Rev. of Economics and Statistics*. 2000. Vol. 82, Iss. 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1162/003465300558533>.
10. Uslaner E. M. The Consequences of Corruption // *Routledge Handbook of Political Corruption* / ed. by P. M. Heywood. Abingdon, NY: Routledge, 2015. P. 199–211.
11. De Jong E., Bogmans C. Does corruption discourage international trade? // *European J. of Political Economy*. 2011. Vol. 27, Iss. 2. P. 385–398. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.11.005>.
12. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty? // *Economics of Governance*. 2002. Vol. 3, Iss. 1. P. 23–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/s101010100039>.
13. Lavallée E. Corruption and trust in political institutions in sub-Saharan Africa // *Afro Barometer*. 2008. № 102. URL: <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Working%20paper/AfropaperNo102.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
14. Bird R., Martinez-Vazquez J., Torgler B. Tax Effort in Developing Countries and High Income Countries: The Impact of Corruption, Voice and Accountability // *Economic Analysis and Policy*. 2008. Vol. 38, Iss. 1. P. 55–71. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(08\)50006-3](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(08)50006-3).
15. De la Croix D., Delavallade C. Growth, public investment and corruption with failing institutions // *Economics of Governance*. 2009. Vol. 10, Iss. 3. P. 187–219. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10101-008-0057-4>.
16. Clausen B., Kraay A., Nyiri Z. Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *The World Bank Economic Review*. 2011. Vol. 25, Iss. 2. P. 212–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhr018>.
17. Basics of corruption and the justice sector // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: <https://www.u4.no/topics/justice-sector/basics> (дата обращения: 04.04.2021).
18. Habibov N., Afandi E., Cheung A. Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries // *J. of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8, Iss. 2. P. 172–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.05.001>.
19. Risks of corruption to state legitimacy and stability in fragile situations // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: <https://www.u4.no/publications/risks-of-corruption-to-state-legitimacy-and-stability-in-fragile-situations> (дата обращения: 04.04.2021).
20. Public financial management reforms in post-conflict countries: synthesis report // The World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/945231468340162289/Public-financial-management-reforms-in-post-conflict-countries-synthesis-report> (дата обращения: 04.04.2021).
21. Literature review on corruption in fragile states // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/360_Literature_review_on_corruption_in_fragile_states.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
22. Le Billon P. Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts // *J. of International Development*. 2003. Vol. 15, Iss. 4. P. 413–426. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.993>.
23. Захаров А. В. Борьба с экологической преступностью и коррупцией в контексте существования современных глобальных экологических вызовов человечеству // *Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Вып. 11 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-ekologicheskoy-prestupnostyu-i-korruptsией-v-kontekste-suschestvovaniya-sovremennyh-globalnyh-ekologicheskikh-vyzovov> (дата обращения: 17.04.2021).
24. Bădescu G., Sum P., Uslaner E. M. Civil Society Development and Democratic Values in Romania and Moldova // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18, Iss. 2. P. 316–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325403259915>.

Информация об авторах.

Егоров Владислав Александрович – магистр политической конфликтологии (2019), аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: политическая социология, антикоррупционная политика. E-mail: cptyossarian@protonmail.ch

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 114 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, права и коммуникаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

REFERENCES

1. Global poll: Corruption is world's most talked about problem (2019), *BBC*, available at: http://www.bbc.co.uk/pressoffice/pressreleases/stories/2010/12_december/09/corruption.shtml (accessed 04.04.2021).
2. *Trevozhashchie problemy* [Disturbing problems] (2019), *Levada Center*, available at: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2/> (accessed 04.04.2021).
3. Heywood, P. (2014), *Routledge Handbook of Political Corruption*, Routledge, London, UK.
4. Rose, J. (2018), "The Meaning of Corruption: Testing the Coherence and Adequacy of Corruption Definitions", *Public Integrity*, vol. 20, iss. 3, pp. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1397999>.
5. Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of 25.12.2008 "On Combating Corruption" (rev. 03.11.2015) (2008), *Rossiyskaya Gazeta* [Russian newspaper], no. 4823, available at: <https://rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html> (accessed 01.08.2021).
6. Ugur, M. and Dasgupta, N. (2011), *Evidence on the economic growth impacts of corruption in low-income countries and beyond: a systematic review*, EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, Univ. of London, London, UK.
7. Fisman, R. and Svensson, J. (2007), "Are corruption and taxation really harmful to growth? Firm level evidence", *J. of Development Economics*, vol. 83, iss. 1, pp. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2005.09.009>.
8. Svensson, J. (2003), "Who Must Pay Bribes and How Much? Evidence from a Cross Section of Firms", *The Quarterly J. of Economics*, vol. 118, iss. 1, pp. 207–230. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360535180>.
9. Wei, S.-J. (2000), "How Taxing is Corruption on International Investors?", *The Review of Economics and Statistics*, vol. 82, iss. 1, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1162/003465300558533>.
10. Uslaner, E.M. (2015), "The Consequences of Corruption", *Routledge Handbook of Political Corruption*, in Heywood, P.M. (ed.), Routledge, Abingdon, NY, UK, pp. 199–211.
11. De Jong, E. and Bogmans, C. (2011), "Does corruption discourage international trade?", *European J. of Political Economy*, vol. 27, iss. 2, pp. 385–398. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.11.005>.
12. Gupta, S. Davoodi, H. and Alonso-Terme, R. (2002), "Does corruption affect income inequality and poverty?", *Economics of Governance*, vol. 3, iss. 1, pp. 23–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/s101010100039>.
13. Lavallée, E. (2008), "Corruption and trust in political institutions in sub-Saharan Africa", *Afro Barometer*, no. 102, available at: <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Working%20paper/AfropaperNo102.pdf> (accessed 06.05.2021).

14. Bird, R., Martinez-Vazquez, J. and Torgler, B. (2008), "Tax Effort in Developing Countries and High Income Countries: The Impact of Corruption, Voice and Accountability", *Economic Analysis and Policy*, vol. 38, iss. 1, pp. 55–71. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(08\)50006-3](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(08)50006-3).

15. De la Croix, D. and Delavallade, C. (2009), "Growth, public investment and corruption with failing institutions", *Economics of Governance*, vol. 10, iss. 3, pp. 187–219. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10101-008-0057-4>.

16. Clausen, B., Kraay, A. and Nyiri, Z. (2011), "Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey", *The World Bank Economic Rev.* vol. 25, iss. 2, pp. 212–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhr018>.

17. Basics of corruption and the justice sector, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: <https://www.u4.no/topics/justice-sector/basics> (accessed 04.04.2021).

18. Habibov, N., Afandi, E. and Cheung, A. (2017), "Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries", *J. of Eurasian Studies*, vol. 8, iss. 2, pp. 172–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.05.001>.

19. Risks of corruption to state legitimacy and stability in fragile situations, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: <https://www.u4.no/publications/risks-of-corruption-to-state-legitimacy-and-stability-in-fragile-situations> (accessed 04.04.2021).

20. Public financial management reforms in post-conflict countries: synthesis report, *The World Bank*, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/945231468340162289/Public-financial-management-reforms-in-post-conflict-countries-synthesis-report> (accessed 04.04.2021).

21. Literature review on corruption in fragile states, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/360_Literature_review_on_corruption_in_fragile_states.pdf (accessed 04.04.2021).

22. Le Billon, P. (2003), "Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts", *Journal of International Development*, vol. 15, no. 4, pp. 413–426. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.993>.

23. Zakharov, A.V. (2012), "Struggle against ecological crime and corruption in the context of existence of modern global environmental challenges to mankind", *Tambov Univ. Rev. Ser.: Humanities*, no. 11 (115), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-ekologicheskoy-prestupnostyu-i-korruptsiyev-kontekste-suschestvovaniya-sovremennyh-globalnyh-ekologicheskikh-vyzovov> (accessed 17.04.2021).

24. Bădescu, G., Sum, P. and Uslaner, E. M. (2004), "Civil Society Development and Democratic Values in Romania and Moldova", *East European Politics and Societies*, vol. 18, iss. 2, pp. 316–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325403259915>.

Information about the authors.

Vladislav A. Egorov – Master (Political Conflictology) (2019), Postgraduate at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint-Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: political sociology, anti-corruption policy. E-mail: cptyossarian@protonmail.ch

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy) (1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Sciences, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 114 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, law and communications. ORCID: <https://orcid.org/00000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

Корпоративное обучение в России: детерминация изменений

К. Ю. Казанцев^{1,2}, С. И. Черных³✉

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

²Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

³Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

✉2chernyx@mail.ru

Введение. Активизация глобальной кибернетизации и автоматизации бизнеса обусловила появление новых проблем у российских работодателей преимущественно в виде дефицита квалифицированных кадров, способных обеспечить развитие конкурентоспособности бизнеса на мировых рынках. Это детерминировало необходимость изменения системы подготовки новых кадровых ресурсов, удовлетворяющих меняющимся экономическим реалиям.

Методология и источники. Методологически работа основывается на теоретических позициях конструкционизма и коннективизма, а также на критическом анализе отечественной и зарубежной литературы по вопросам образования. Социология образования как социального института развивается с 1970-х гг. Основой ее сегодняшнего теоретического фундамента являются два принципа: 1) принцип взаимной конвергенции социальных институтов (образование – бизнес, образование – государство, образование – семья и т. д.); 2) многообразие образовательных практик как фактуальное проявление феномена непрерывного образования. Корпоративное обучение сегодня – одна из таких практик, в корне изменяющих экосистему традиционного образования. Для подтверждения установок авторов используется статистический подход.

Результаты и обсуждение. До 90-х гг. прошлого века, до момента распада Советского Союза и начала политических и экономических реформ, в Российской Федерации система высшего образования была одним из самых стабильных и хорошо отлаженных механизмов подготовки кадров для всех секторов экономики. Показателем эффективности данной системы было то, что выпускников российских вузов приглашали на работу известные корпорации многих стран мира.

За годы реформ Россия утратила прежнюю модель образования, что значительно сказалось на качестве подготовки кадров. Многие российские предприятия и бизнес-структуры вынуждены были пойти по пути самостоятельного обучения с дополнительной переподготовкой специалистов. Сначала обучение организовывалось на местах и носило бессистемный характер, но со временем российские предприниматели стали перенимать зарубежный опыт формирования системы знаний в компании и даже создавать корпоративные университеты.

Заключение. На основе проведенного анализа определены издержки формирования такой системы и развития наличного рынка корпоративного образования, приведены актуальные модели накопления знаний и предложена авторская когнитивная модель профессионального развития кадров.

© Казанцев К. Ю., Черных С. И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: индустрия знаний, трансформация образования, корпоративное обучение, мировые рейтинги, человеческий капитал, профессиональная подготовка.

Для цитирования: Казанцев К. Ю., Черных С. И. Корпоративное обучение в России: детерминация изменений // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 112–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-112-125

Финансирование: работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4 (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 24.05.2021; принята после рецензирования 22.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Corporate Education in Russia. Prerequisites for Development, Current Tasks, Construction Models

Kirill Yu. Kazantsev^{1,2}, Sergey I. Chernykh³✉

¹*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

²*Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

³*Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia*

✉2chernyx@mail.ru

Introduction. The period of active global cybernetization and business automation was marked by a problem for Russian employers in the form of a shortage of qualified personnel capable of ensuring the development and competitiveness of business in the world markets.

Methodology and sources. Sociology of education as a social institution has been developing since 1970 s. Its current theoretical foundation is based on two principles: 1) The principle of mutual convergence of social institutions (education – business, education – state, education – family); 2) Variety of educational practices as a factual manifestation of the phenomenon of continuous education. Today corporative learning is one of such practices that radically change the ecosystem of traditional education.

Results and discussion. There was a problem of forming a system of training new human resources that meet the changing economic realities. Until the 1990s, before the collapse of the country and the beginning of political and economic reforms, the Russian Federation had a system of higher education as one of the most stable and well-established mechanisms for training personnel for all sectors of the economy. An indicator of the effectiveness of this system was that graduates of Russian universities were invited to work by well-known corporations from many countries of the world.

Over the years of reforms, Russia has lost its previous model of education, which today significantly affects the quality of training. Many Russian enterprises are forced to follow the path of independent training and retraining of specialists. Development of corporative is necessary to compensate for the limitations of traditional higher education. At first, the training was organized locally and had a haphazard character, but over time, Russian entrepreneurs began to adopt foreign experience in forming a knowledge system in the company and even create corporate universities.

Conclusion. The study examines the prerequisites for the formation of the system and the development of the corporate education market, provides current models of knowledge accumulation and suggests the author's cognitive model of professional development of personnel.

Key words: knowledge industry, education transformation, corporate learning, world rankings, human capital, professional training.

For citation: Kazantsev K. Yu., Chernykh S. I. Corporate Education in Russia. Prerequisites for Development, Current Tasks, Construction Models. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 112–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-112-125 (Russia).

Source of financing: the work was carried out according to the research plan of IEIE SB RAS, project 5.6.6.4 (0260-2021-0008) “Methods and models of substantiation of the strategy of development of the Russian economy in the context of changing macroeconomic reality”.

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.05.2021; adopted after review 22.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. Мировой кризис 2020–2021 гг., вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, заставил работодателей резко пересмотреть подход к собственной кадровой политике. Переход на удаленный режим работы и связанная с ним вынужденная экстренная остановка значительной части бизнес-процессов различных отраслей мировой экономики привели к тому, что зависимость бизнеса от кадровой составляющей стала восприниматься как дополнительный риск, который необходимо преодолевать в долгосрочной перспективе.

Ведущие мировые корпорации уже продолжительное время ищут возможность снизить зависимость собственного бизнеса от качества и наполненности рынка труда. Это накладывается на глобальную тенденцию автоматизации и роботизации бизнес-процессов. Мировая экономика переживает пятилетний бум роботизации. По данным отчета «World Robotics Report», подготовленного IFR (International Federation of Robotics), с 2014 по 2019 г. уровень роботизации промышленного производства в мире вырос на 85 %. По словам президента Мировой федерации робототехники Герри Милтона, запас промышленных роботов на сегодня является самым высоким в истории человечества [1, 2].

На этом фоне происходит смещение фокуса интересов компаний от использования дешевой рабочей силы к поиску высококвалифицированных специалистов, способных обслуживать все более усложняющиеся бизнес-структуры. Многие исследователи признают, что резкое падение интереса работодателей к низкоквалифицированной рабочей силе может стать поводом для социального взрыва на фоне нарастающей безработицы и повышения конкуренции на рынке труда [3]. Фактически это признание того, что сегодня ни одна из образовательных систем мира неспособна создать систему масштабной подготовки кадров, необходимых для экономики «шестого технологического уклада», к которой с 2010 г. активно движутся Япония, США, Южная Корея и Германия, опережая ранее данный прогноз о начале перехода лишь к 2035 г. [4].

Неспособность существующей системы образования решить проблему подготовки квалифицированных кадров для экономики новой волны и отсутствие масштабной системы переподготовки и повышения квалификации приводят к созданию различных регулирующих теорий рынка труда, начиная от государственного регулирования степени замещения рабочих мест автоматикой до принятия беспрецедентных мер социальной поддержки в виде безусловного базового дохода, введение которого, по мнению некоторых исследователей, может грозить глобальной социальной катастрофой и массовой деградацией общества [5]. Решением проблемы подготовки кадров и оптимизации образовательного процесса сегодня занимается значительное количество отечественных и зарубежных исследователей. Повышенный интерес вызывает концепт смешанного обучения, объединя-

ющий в себе профессионально-деятельностный, компетентностный, навыковый и личностно-ориентированный подходы [6–10].

Прогнозные варианты развития обучения как непрерывного процесса в условиях неопределенности и соответствующей этой неопределенности адаптивности со стороны основных агентов образовательных практик, как правило, основываются на двух методологических принципах: быстрота переучивания и креативный профессионализм. Эти принципы в своей практической экспликации требуют иного (чем сейчас) научно-методического инструментария. К тому же развитие такого инструментария иницируется растущим спросом на быстрое обучение со стороны населения, бизнеса и государства. В основе образовательного поведения, формирующегося сегодня на основе этих методологических принципов (и для работодателей, и для работников), лежит рационализм. Именно рациональное образовательное поведение исповедует неоклассическая теория образования (конструкционизм Ж. Пиаже, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, переросший в социальный конструкционизм П. Бергера, Т. Лукмана, С. Пейперта, А. Кея и др.).

Но сегодня, как только стало понятным то, что государственная машина не справляется с вызовами XXI в. и формируется новая экосистема образования «университеты – власть – бизнес», конструкционизм постепенно «перерастает» в коннективизм (С. Доунс, Д. Сименс и др.). Коннективизм явился новой теоретической основой для понимания, представления и развития новых технологий обучения, необходимых (по преимуществу бизнес-структурам и индивидам) для преодоления рисков. Сочетанность целеполаганий и интересов как смысловых интенций для работника и корпорации становится основным генератором обучения в условиях неопределенности. Подобная генерация оптимизируется образовательными технологиями, основанными на быстроте переучивания (профессиональной адаптации) и профессиональном когнитивизме. Процесс находится в самом начале. Именно поэтому корпоративное обучение (как наиболее мобильное) соответствует этим реалиям.

Именно поэтому авторы полагают, что сегодня наиболее эффективное решение проблемы лежит в плоскости развития корпоративного образования и его взаимодействия с иными образовательными и социальными институтами. Целями данной статьи являются анализ состояния российского рынка квалифицированных специалистов; обозначение актуальных задач, стоящих перед корпоративным обучением/образованием, частный анализ ведущих мировых практик в области корпоративного обучения. Результатом исследования стала прогнозная актуализированная модель формирования системы профессиональных знаний.

Методология и источники. Междисциплинарная по содержанию социология высшего образования, появившаяся в 1970-х гг., восприняла лучшее из структурно-функционального анализа, теорий социальной стратификации, конфликта, обмена, отраслевых социологий. Б. Кларк, П. Гампорт, М. Петерсен, П. Донах, К. Робинсон, Ф. Альтбах, Дж. Салми и другие зарубежные исследователи расширили и углубили конвергенцию между социологией и образованием, расширили социологические зоны исследования образования. Основная направленность этих трендов состояла в изучении образования как специфического социального института, тесно связанного с другими социальными институтами (П. Гампорт, К. Робинсон, П. Бурдье, Д. Риттер, К. Донован, К. Карлхед, Д. Коулман и др.). К сожалению, отечественная социология только с 1990-х гг. активно приняла участие в обсуждении социолого-образовательных трендов, хотя и до этого проявляла к проблемам

социологии высшего образования ограниченный, в основном квалиметрический, интерес (А. М. Осипов, В. В. Матвеев, Е. А. Шуклина, И. В. Петрова, А. Ф. Иванов и др.).

Цифровые технологии Edu Scrum и новые тренды радикально изменили не только экономический, но и общесоциологический фон образования, систему высшего образования как систему подготовки кадров для всех сфер человеческой жизнедеятельности. Особенно это коснулось подготовки кадров для бизнес-структур, которые становятся основными агентами на рынке образовательных услуг. Формируется целый спектр новых образовательных практик. Принципиально новыми явлениями становятся цифровая гуманитарная культура и цифровое гуманитарное знание [11]. Этот синтез управленческо-психологических, экономических, социальных и образовательных практик породил феномен корпоративного обучения, одной из функций которого становится своеобразная компенсация недостаточной эффективности высшего образования в подготовке кадров для бизнес-структур.

Современные концепты управления развитием и формированием новой экосистемы корпоративного образования, основанной на принципах коннективизма, пока не имеют целостного методологического основания. По этой причине многие исследователи образования предпочитают базироваться на фундаменте частных количественных показателей (даже в описании новых образовательных практик типа басё, кайдзен, agile и др.). Наиболее актуализированы две тенденции: различение теоретического знания, его применимость на практике и моделирование обучения (в хронологии поствузовского дополнительного периода) для преодоления недостатков вузовского обучения и удовлетворения целей и смыслов бизнес-структур. Сегодня происходят такие изменения профилей основных субъектов-потребителей образовательных услуг и их ожиданий от процессов образовательных взаимодействий, что простым совершенствованием обучения и организации не обойтись. Поэтому обучение (переобучение, повышение квалификации) становится постоянным трендом.

Когда знания становятся капиталом, при продаже которого компания получает прибыль, используется понятие интеллектуального капитала – основного фактора инноваций и оптимального развития. Поэтому разработка моделей такого развития – это экономический императив корпоративного обучения. Методологические принципы конструкционизма и коннективизма в сочетании со статистическими методами, а также сочетание последних со сравнительным и функциональным подходом легли в основу последующих рассуждений.

Статистической базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики РФ, исследования аналитического центра «СберУниверситет», отчеты Аналитического департамента научно-технологического развития Сколковского института науки и технологий, статистические обзоры российских и международных рейтинговых агентств.

Результаты и обсуждение. Сегодня можно с сожалением констатировать, что в ближайшие 5–7 лет Россия не может претендовать на переход в «шестой технологический уклад», так как по уровню автоматизации рабочих мест страна не входит даже в двадцатку лидеров [2]. Это, с одной стороны, снижает общую конкурентоспособность экономики России с точки зрения технологичности производства и себестоимости выпускаемой продукции (это минус), с другой, дает возможность совершить более мягкий кадровый переход к автоматизации бизнес-процессов, чем в тех странах, которые находятся на этапе активного перехода на новый технологический уклад (это плюс). Учитывая общий уровень

оценки кадрового потенциала предприятий России (относительно общемирового уровня), это представляется реализуемым сценарием.

Уровень общей мировой подготовки кадров оценивает аналитическое агентство «Hays» совместно с организацией «Oxford Economics» в ежегодном исследовании «The Hays Global Skills Index», в котором общий уровень квалификации кадров российских предприятий по состоянию на конец 2019 г. представлен 27-м местом из 33 исследуемых стран [12]. В общемировом контексте данный показатель выглядит достаточно презентабельно.

Согласно официальной статистике, кадровая база в России за последние 5 лет достаточно стабильна (табл. 1), но наблюдается значительное сокращение руководящего состава и квалифицированных работников сельского хозяйства. И если второе непосредственно может ударить только по сельскохозяйственной и смежным отраслям, то общее сокращение руководителей в абсолютном и относительном выражении может привести к потере пространственной управляемости и снижению необходимого количества подготовленных кадров на предприятиях всех отраслей экономики. Вызывают озабоченность общее старение кадров и увеличивающаяся потребность работодателей в специалистах непенсионного возраста.

Таблица 1. Состав квалифицированных специалистов на российских предприятиях в 2015–2019 гг.*
Table 1. The composition of qualified specialists at Russian companies in 2015–2019

Категория специалистов, тыс. чел.	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	72 324	72 393	72 316	72 532	71 933
Руководители	6 253	5 090	4 919	4 766	4 354
Доля от общего числа, %	8,6	7,0	6,8	6,6	6,1
Специалисты высшего уровня квалификации	14 740	17 212	17 596	17 819	17 948
Доля от общего числа, %	20,4	23,8	24,3	24,6	24,9
Специалисты среднего уровня квалификации	11 080	9 441	9 544	9 390	9 999
Доля от общего числа, %	15,3	13,0	13,2	12,9	13,9
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	2 424	2 486	1 814	1 806	1 742
Доля от общего числа, %	3,4	3,4	2,5	2,5	2,4
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и родственных занятий	9 481	9 387	9 573	9 717	9 661
Доля от общего числа, %	13,1	13,0	13,2	13,3	13,4
Итого квалифицированных специалистов	43 978	43 616	43 446	43 498	43 704
Доля от общего числа, %	60,8	60,3	60,0	59,6	60,8
Занятые мужчины пенсионного возраста, %	4,9	5,0	5,4	5,9	6,1
Занятые женщины пенсионного возраста, %	14,3	14,6	14,9	15,6	16,3
Средний возраст работников, лет	40,6	40,7	40,9	41,1	41,3

*Источник – данные Росстата.

Отдельный интерес представляет база воспроизводства квалифицированных кадров. В текущем виде существует всего два пути ее расширения – воспитание собственных кадров

и привлечение кадров из других стран. Согласно ежегодному рейтингу стран по уровню привлечения и качеству подготовки квалифицированных кадров, публикуемому институтом INSEAD совместно с «Adesso Group» и Институтом лидерства в области человеческого капитала (HCLI), Россия (по состоянию на конец 2020 г.) находится на 43-м месте из 100 (в 2018 г. – на 48-м). Это говорит о достаточно слабой общей профессиональной подготовке кадров и снижении ее качества, поскольку еще в 2010 г. Россия занимала 18-е место в данном рейтинге [13].

Что касается официальной статистики по подготовке кадров, то можно констатировать, что за последние 10 лет наблюдается существенное сокращение образовательных учреждений, выпускающих специалистов высшей квалификации, и, как следствие, уменьшение количества студентов и будущих выпускников. При этом существует тенденция увеличения количества специалистов, прошедших подготовку по программам среднего профессионального образования, что может привести к снижению общего уровня квалификации кадров в долгосрочной перспективе (табл. 2).

Таблица 2. Статистика по количеству предприятий высшего и среднего профессионального образования России и результатам их деятельности в 2000–2019 гг.*
Table 2. Statistics on the number of enterprises of higher and secondary vocational education in Russia and the results of their activities 2000–2019

Показатель	2000	2005	2010	2017	2018	2019
Количество образовательных организаций высшего образования	965	1068	1115	776	741	724
Численность студентов, обучающихся в организациях высшего образования, тыс. чел.	4 741,4	7 064,6	7 049,8	4 245,9	4 161,7	4 068,3
Прием студентов в организациях высшего образования, тыс. чел.	1 292,5	1 640,5	1 399,5	1 142,0	1 147,9	1 129,4
Выпуск студентов в организациях высшего образования, тыс. чел.	635,1	1 151,7	1 467,9	969,5	933,2	908,6
Количество образовательных организаций среднего профессионального образования	–	–	–	3 316	3 311	3 330
Численность студентов, обучающихся в организациях среднего профессионального образования, тыс. чел.	2 360,8	2 509,7	2 125,7	2 387,7	2 464,3	2 576,2
Прием студентов в организациях среднего профессионального образования, тыс. чел.	867,2	854,1	705,3	744,0	783,0	832,4
Выпуск студентов в организациях среднего профессионального образования, тыс. чел.	579,3	684,4	572,1	506,9	531,5	539,8

*Источник – данные Росстата.

При этом крайне актуальным остается вопрос соответствия качества предоставляемого образования тем требованиям, которые предъявляют работодатели к начинающим специалистам. В рамках данного проекта авторами были изучены актуальные исследования по удовлетворенности работодателей качеством образования специалистов, выпускаемых российскими высшими учебными заведениями. К сожалению, ни одно из проанализированных исследований не показалось достаточно комплексным, чтобы привести его результаты в данной работе. Однако можно выделить отдельные показатели, приведенные в исследованиях по данной тематике за последние 5 лет. Так, в исследовании Астраханского государственного университета [14] общая удовлетворенность образованием с точки зре-

ния практической подготовки со стороны студентов оценивается в 53,7 %, а со стороны работодателей – в 57,9 %, что, по нашему мнению, является достаточно низким показателем. Получается, что фактически работодатели вынуждены самостоятельно повышать квалификацию более чем 40 % выпускников.

В подтверждение этой позиции в том же исследовании приведены показатели качества образования, которыми работодатели удовлетворены меньше всего: 50 % отметили низкий уровень практической подготовки, 25 % – отсутствие желания к саморазвитию, а еще 25 % отметили низкий уровень общей профессиональной подготовки. С приведенными данными коррелируют и результаты исследования А. А. Степанова, проведенного в рамках Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. В исследовании сделан вывод о значительной неудовлетворенности работодателей качеством подготовки рабочих кадров в РФ в целом [15]. Основной причиной этого является устаревшая система образования, сформированная в индустриальную эпоху и неспособная подстроиться под актуальные нужды современного бизнеса [16].

Данная ситуация разрешима в долгосрочной перспективе и только при условии согласования государственных программ обучения с реальными потребностями рынка. Однако в краткосрочной перспективе проблема переподготовки кадров полностью ложится на плечи работодателя. Все это способствовало развитию в России рынка дополнительного профессионального образования, объем которого по состоянию на 2020 г. оценивается в 93,8 млрд р. [17]. При этом стоимость дополнительного образования нередко оказывалась несоизмеримо выше университетского. В итоге многие работодатели, остро нуждающиеся в большом количестве квалифицированных кадров, обратились к опыту создания собственных систем корпоративного образования, зачастую в виде корпоративных университетов.

Опыт создания подобных структур пришел из США. Первым корпоративным университетом стал «Engineering and Management Institute», который создала еще в 1927 г. компания «General Motors». Далее бум создания корпоративных университетов в США пришелся на 80-е гг., а в Европе – на 90-е гг. прошлого века. В России первый корпоративный университет был основан в 1999 г. компанией «ВымпелКом» (сейчас – «Билайн»). Сегодня, по данным исследования компании «Theory and Practice», около 62 % российских компаний проводят обучение собственными силами, а внешними ресурсами пользуются лишь 38 % компаний. Крайне важным фактором успеха при создании собственной образовательной структуры является выбор корректной модели накопления знаний и организации образовательного процесса.

Анализируя существующие системы корпоративного образования, можно выделить несколько базовых подходов к формированию системы профессиональных знаний [12, 18, 19].

Модель компании «Teltech» [20] была сформирована в 1997 г. и предполагала два пути развития:

1. Модель «Сокровищница»: делает акцент на накоплении знаний и их последующей формализации в единую структурированную информационную базу, доступную всем сотрудникам (взята за основу большинством современных корпоративных университетов).

2. Модель «Указатель»: предназначена для компаний, не обладающих достаточными ресурсами для построения полноценного корпоративного университета и предполагает ситуационную передачу знаний в зависимости от текущих позиций бизнеса.

Недостаток модели компании «Teltech» заключается в том, что, по сути, она является лишь описанием вариаций накопления и передачи знаний. При этом в ней часто отсутствуют оценки и согласованность с реальными целями и кадровым потенциалом компании [20].

Модель Дэвида Синклера учитывает различные уровни организации предприятия, согласовывает систему обучения с реальными стратегическими задачами, стоящими перед предприятием, и «погружает» сотрудников в эти задачи. На основе данной модели российское агентство HR-tv.ru предложило методику построения корпоративного университета, которая легла в основание организации многих корпоративных университетов (табл. 3) [21].

Таблица 3. Структура построения корпоративного университета на базе модели Дэвида Синклера
Table 3. The structure of building a corporate university based on the David Sinclair model

Уровни анализа организации	Составляющие уровня	Содержательные нюансы, важные для построения корпоративного университета	Программы корпоративного университета
Система (общая концепция бизнеса компании)	Характеристики бизнеса. Миссия, стратегия компании	Миссия и философия, которые декларируются и транслируются, наличие их атрибутов	Цели создания. Технология работы. Миссия и идеология. Стратегия и принципы работы с персоналом
Организационная структура	Структура бизнес-процессов	Требования к должности для каждой позиции компании. Взаимосвязь существующих систем	Бизнес-процессы
Политика	Распределение власти, информации. Ключевые фигуры	Лидеры – единомышленники и противники. Существующие каналы информации	Каналы информации, которые можно использовать для управления изменениями и для внутреннего PR
Корпоративная культура	Принятые формы взаимодействия. Система ритуалов. Ценности и нормы. Одобряемые формы поведения	Декларируемые и поддерживаемые ценности	Согласование целей и ценностей сотрудников и организации, формирование приверженности
Персонал	Реальная квалификация. Системы подбора, адаптации, обучения персонала	Требования к сотрудникам, их соответствие нужной квалификации, адекватность корпоративной культуре, мотивация	Программы обучения и развития, оценки, адаптации, выстраивания карьеры и т. д.

Недостатком модели Дэвида Синклера является «обезличивание» собственных интересов работников предприятия, игнорирование их текущего уровня профессионального развития и вовлеченности в созидательный процесс. Надо отметить, что наиболее актуальным трендом последних лет является персонификация подхода к образованию, в том числе и к коммерческому, что ставит большие вопросы к системам так называемого «поточного» обучения (которой фактически является модель Синклера).

В результате проведенного исследования авторы предложили модернизированную графическую модель формирования системы профессиональных знаний, принципы построения которой отталкиваются не от стратегической или процессной политики предприятия, а от персонифицированного подхода к развитию работника и усилению педагогического и социального компонентов. В предлагаемой модели, составленной авторами, на основе применения базовых блоков обучения/образования выстраивается персонифицированный подход к формированию системы дополнительного обучения в корпорации (рисунок).

Модель формирования системы профессиональных знаний
The model of formation of the system of professional knowledge

Кратко опишем блоки представленной системы.

Профессиональная адаптация включает в себя введение в профессию, понимание своих должностных обязанностей и места основного рабочего процесса, точек передачи ответственности в структуре бизнес-процессов компании, также включает в себя адаптацию в конкретном коллективе. Подобного рода «социализация» сотрудника определяет требование эксклюзивного для корпорации развития педагогико-психологических практик, обеспечивающих его дальнейшее эффективное функционирование. Сегодня к ним относят техники кайдзен, басё, scrum-технологии и др.

Неосознанное обучение предполагает следование негласным и недекларируемым базовым установкам деятельности сотрудника, а также «настройку» психофизического состояния работника в коллективе. Неосознанное обучение можно представить как имманентное историческому пути развития корпорации ментальное состояние, необходимость «привития» которого определяется его необходимостью для работы корпорации. Особенно важен этот компонент для стартапов в рамках развития корпорации.

Профессиональные знания включают в себя классическое понимание корпоративного обучения, т. е. передачу систематизированных корпоративных знаний посредством единой информационной среды.

Профессиональное воспитание предполагает «привитие» сотруднику единых отраслевых (не корпоративных) стандартов работы, формирование профессионального видения и пути развития его как специалиста. Профессиональное воспитание – чисто социальный компонент предполагаемой модели. Именно его «состояние» вызывает сегодня большинство нареканий со стороны бизнес-структур. Это подтверждается множеством социологических исследований, констатирующих неэффективность высшей школы в дискурсе подготовки кадров для корпораций и вынуждающих к развитию внутрикорпоративного обучения [12, 16, 18–20, 22]. Сегодня эта проблема фиксируется в качестве основной для формирования социологической парадигмы взаимодействия в треугольнике «университет – власть – бизнес» [22].

Саморазвитие – это контролируемый процесс самостоятельного развития сотрудника с целью его перехода на новый профессиональный уровень.

Наложение этих блоков на ключевые вызовы кадрового рынка, к которым относят: отсутствие кроссфункционального взаимодействия, низкую вовлеченность в достижение бизнес-целей, личностное несовершенство баланса work–life и слабые навыки командной

работы – лишь подчеркивает актуальность представленной модели в дискурсе ее дальнейшего развития.

Ввиду обзорности исследования, представленного в данной работе, подробное описание модели, ее составляющих частей и методики применения видится темой следующих работ авторов.

Заключение. Усложняющиеся сегодня бизнес-процессы и быстро меняющаяся конъюнктура рынка заставляют работодателей вкладывать в развитие кадров все большие ресурсы. При этом на первое место выходят не просто профессиональные знания и навыки конкретного работника, но и его способность адаптироваться к меняющимся обстоятельствам рынка.

Большинство российских высших учебных заведений ориентированы на передачу будущим специалистам структурированной системы знаний и навыков, которые вписываются в понятие «hard skills» (навыки, которым можно легко обучить и затем измерить результат обучения). Однако текущая конъюнктура рынка все больше требует развития «soft skills» – универсальных компетенций, которые трудно измерить количественными показателями (умение работать в команде, уравновешенность, вовлеченность, самоотдача) и которые значительно влияют на итоговый результат работы сотрудника и на формирование конкурентных преимуществ всего предприятия. Именно формирование системы корпоративного обучения/образования и налаживание ее взаимодействия с системой высшего образования могут дать достаточно быстрый положительный результат для работодателей и открыть новые широкие возможности подготовки кадров для отраслей российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kazantsev K. Formation of the knowledge economy in Russia: the role of university science // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: XIII International Scientific Conference Architecture and Construction 2020. 22–24 September 2020 / SIBSTRIN. Novosibirsk, 2020. Vol. 953. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012056.

2. IFR presents World Robotics Report 2020. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-2.7-million-robots-work-in-factories-around-the-globe> (дата обращения: 02.04.2021).

3. Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, no. 3, pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48.

4. Бондарева Н. Н. Состояние и перспективы развития роботизации: в мире и России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 3. С. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.49.57>.

5. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: 10.17323/978-5-7598-1784-0.

6. Любжин А. Н. Сумерки всеобуча. Школа для всех и ни для кого. М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2019.

7. Изотова Г. С. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». 2020. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_disscusion/sp.pdf (дата обращения: 30.10.2020).

8. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / под ред. А. Я. Кузьминова, Н. Д. Фрумина, П. С. Сорокина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1995-0.

9. Исследование по сравнительному образованию: подходы и методы. 2-е изд. / пер. с англ. М. Л. Ваховского, И. В. Разнатовского; под ред. М. Брэя, Б. Адамсона, М. Мейсона. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1790-1.

10. Васин Е. К. О теоретических основаниях смешанного обучения на основе функционирования деятельного треугольника // Мир науки. Интернет-журнал. 2016. Т. 4, № 1. URL: <http://mirnauki.com/29PDMN116.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).

11. Мамина Р. И., Почебут С. Н. Цифровой этикет и его специфика: философско-методологический аспект // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 2. С. 16–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-16-27.

12. Черных С. И., Паршиков В. И., Вышегуров С. Х. Корпоративное образование в России: состояние и перспективы развития (социально-философский анализ). Новосибирск: Новосиб. гос. аграр. ун-т, 2016.

13. Hays Global Skills Index 2019/20. URL: <https://www.hays.ae/documents/63363/4368091/HAYS+GLOBAL+SKILLS+INDEX+2019-20.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

14. Global talent Competitiveness Index. URL: <https://gtcistudy.com/wp-content/uploads/2020/01/GTCI-2020-Report.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

15. Удовлетворенность выпускников образовательных организаций высшего образования и представителей объединений работодателей качеством полученного образования. URL: <https://asu.edu.ru/images/File/2020-Otchet-udovletvorennost-vipusnikov-i-rabotodateley.PDF> (дата обращения: 21.03.2021).

16. Степанов А. А. Анализ удовлетворенности работодателей качеством подготовки рабочих кадров в Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 4. С. 531–547. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-531-547.

17. Черных С. И., Аллахам Я. С., Паршиков В. И. Образование как деструктор социального порядка // Science for Education today. 2021. Т. 11, № 2. С. 81–101. DOI:10.15293/2658-6762.2102.04.

18. Дополнительное профессиональное образование в России: масштабы рынка, основные игроки, позиционирование Сколтеха. 2020 // Сколковский институт науки и технологий. URL: https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2013/12/Analiz-rynka-DPO_1803_zashhishhennyj.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

19. Корпоративные университеты. 2016 // После работы. URL: <http://www.ceo.ru/news/business/school/korporativnye-universitety> (дата обращения: 21.03.2021).

20. Исследование индустрии корпоративного обучения & развития в России // Theory and practice. 2019. URL: <https://intercomm.media/wp-content/uploads/2020/03/tpresearch-1.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

21. Teltech.News. URL: <https://teltech.com/news/> (дата обращения: 24.03.2021).

22. Хачатурян М. Как корпоративный университет формирует культуру компании. 2019 // HR-tv.ru. URL: <https://hr-tv.ru/articles/kak-korporativnyj-universitet-formiruet-kulturu-kompanii.html> (дата обращения: 01.04.2021).

Информация об авторах.

Казанцев Кирилл Юрьевич – кандидат экономических наук (2017), доцент кафедры политической экономики Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, д. 1, Новосибирск, 630090, Россия; ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: интеллектуальный капитал, нематериальные активы, системы

управления предприятиями, системы корпоративного образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6279-610X>. E-mail: k0retz@inbox.ru

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук (2012), доцент (1992), заведующий кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор более 250 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования, теоретическая педагогика, социология образования, история и философия науки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2560380@ngs.ru; 2chernyx@mail.ru

REFERENCES

1. Kazantsev, K. (2020), "Formation of the knowledge economy in Russia: the role of university science", *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: XIII International Scientific Conference Architecture and Construction*, vol. 953, Novosibirsk, RUS, 22–24 September 2020. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012056.
2. *IFR presents World Robotics Report 2020*, available at: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-2.7-million-robots-work-in-factories-around-the-globe> (accessed 02.04.2021).
3. Sorgner, A. (2017), "The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities?", *Foresight and STI Governance*, vol. 11, no. 3, pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48.
4. Bondareva, N.N. (2016), "The Current State and the Perspectives of Robotics Development: in the Globe and Russia", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 7, no. 3, pp. 49–57. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.49.57>.
5. Van Parijs, F., Vanderborght, Ya. (2020), *Basic Income A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, Transl. by Gusev, A., in Moiseev, S. (ed.), Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-1784-0.
6. Lyubzhin, A.N. (2019), *Sumerki vseobucha. Shkola dlya vsekh i ni dlya kogo* [Twilight of universal education. A school for everyone and for no one], Russkii Fond Sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, RUS.
7. Izotova, G.S. (2020), *Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Opredelenie osnovnykh prichin, sderzhivayushchikh nauchnoe razvitie v Rossiiskoi Federatsii: otsenka nauchnoi infrastruktury, dostatochnost' motivatsionnykh mer, obespechenie privilekatel'nosti raboty vedushchikh uchenykh"* [Report on the results of the expert-analytical event "Determination of the main reasons hindering scientific development in the Russian Federation: assessment of scientific infrastructure, sufficiency of motivational measures, ensuring the attractiveness of the work of leading scientists"], available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_discussion/sp.pdf (accessed 30.10.2020).
8. Kuzminov, A.Ya., Frumin, N.D. and Sorokin, P.S. (eds.) (2019), *Kak sdelat' obrazovanie dvigatelem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya?* [How to make education an engine of social and economic development?], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, RUS, DOI: 10.17323/978-5-7598-1995-0.
9. *Comparative Education Research Approaches and Methods* (2019), 2nd ed., in Bray, M., Adamson, B. and Mason, M. (eds.), Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-1790-1.
10. Vasin, E.K. (2016), "On theoretical grounds the concept of blended learning on the basis of functioning of the activity triangle", *World of Science*, vol. 4, no. 1, available at: <http://mir.nauki.com/29PDMN116.pdf> (accessed 13.05.2021).
11. Mamina, R.I. and Pochebut, S.N. (2021), "Digital Etiquette and its Specification (Philosophical and Methodological Aspect)", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 2, pp. 16–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-16-27.

12. Chernykh, S.I., Parshikov, V.I. and Vyshegurov, S.Kh. (2016), *Korporativnoe obrazovanie v Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya (sotsial'no-filosofskii analiz)* [Corporate Education in Russia: State and Development Prospects (Socio-Philosophical Analysis)], Novosib. gos. agrar. un-t, Novosibirsk, RUS.
13. *Hays Global Skills Index 2019/20* (2021), available at: <https://www.hays.ae/documents/63363/4368091/HAYS+GLOBAL+SKILLS+INDEX+2019-20.pdf> (accessed 21.03.2021).
14. *Global talent Competitiveness Index* (2021), available at: <https://gtcistudy.com/wp-content/uploads/2020/01/GTCI-2020-Report.pdf> (accessed 21.03.2021).
15. *Udovletvorennost' vypusnikov obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya i predstavitelei ob"edinenii rabotodatelei kachestvom poluchennogo obrazovaniya* [Satisfaction of graduates of educational institutions of higher education and representatives of employers' associations with the quality of the education received] (2020), available at: <https://asu.edu.ru/images/File/2020-Otchet-udovletvorennost-vipusnikov-i-rabotodateley.PDF> (accessed 21.03.2021).
16. Stepanov, A.A. (2018), "Analysis of the Employers Satisfaction with the Quality of Personnel Training in the Russian Federation", *Ars Administrandi*, vol. 10, no. 4, pp. 531–547. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-531-547.
17. Chernykh, S.I., Allaham, Y.S. and Parschikov, V.I. (2021), "Education as a destructor of social order", *Science for Education Today*, vol. 11, no. 2, pp. 81–101. DOI:10.15293/2658-6762.2102.04.
18. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v Rossii: masshtaby rynka, osnovnye igroki, pozitsionirovanie Skoltekha* [Additional professional education in Russia: market scale, main players, positioning of Skoltech] (2020), *Skoltech*, available at: https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2013/12/Analiz-rynka-DPO_1803_zashhishhenyj.pdf (accessed 21.03.2021).
19. "Corporate Universities" (2016), *After Work*, available at: <http://www.ceo.ru/news/business/school/korporativnye-universitety> (accessed 21.03.2021).
20. "Research of the corporate training & development industry in Russia" (2019), *Theory and practice*, available at: <https://intercomm.media/wp-content/uploads/2020/03/tpresearch-1.pdf> (accessed 24.03.2021).
21. *Teltech.News*, available at: <https://teltech.com/news/> (accessed 24.03.2021).
22. Khachatryan, M. (2019), "How the corporate university forms the culture of the company", *HR-tv.ru*, available at: <https://hr-tv.ru/articles/kak-korporativnyj-universitet-formiruet-kulturu-kompanii.html> (accessed 01.04.2021).

Information about the authors.

Kirill Yu. Kazantsev – Can. Sci. (Economy) (2017), Associate Professor at the Department of Political Economy, Novosibirsk State University, 1 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia; Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Akademik Lavrentiev Ave., Novosibirsk 630090, Russia. The author of over 60 scientific publications. Area of expertise: intellectual capital, intangible assets, enterprise management systems, corporate education systems. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6279-610X>. E-mail: k0retz@inbox.ru

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Philosophy) (2012), Docent (1992), Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agrarian University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of over 250 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education, theoretical pedagogy, sociology of education, history and philosophy of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2chernyx@mail.ru

Нешуточные игры

Е. И. Беседина¹, И. В. Кузьмич^{1✉}, Н. В. Маклакова², Е. А. Шамина³

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия

³Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉irinakuzmich@inbox.ru

Введение. Исследуется изменение глобальной парадигмы образования в условиях пандемии коронавируса. Говорится о том, что это не только переход на дистанционное обучение с использованием современных технологий. Такой переход взаимодействия студентов и педагогов, которые неожиданно оказались в совершенно новых для них условиях, требует от преподавателей пересмотра традиционных методик, поскольку при дистанционных занятиях студенты достаточно быстро теряют концентрацию, мотивацию, отвлекаются на посторонние вопросы, и, как следствие, результаты снижаются. Включение игровых приемов в процесс обучения иностранным языкам позволяет создать атмосферу непринужденного общения, повысить мотивацию и интерес студентов к предмету, поднять их самооценку и улучшить результаты.

Методология и источники. Исследование проходило на практических материалах, подготовленных авторами для проведения занятий со студентами-лингвистами и студентами технических специальностей, а также на основании результатов специально разработанных анкет-опросников для студентов.

Результаты и обсуждение. Важным результатом проведенного исследования стал вывод о необходимости пересмотра традиционных методик преподавания иностранных языков в условиях пандемии коронавируса и адаптации курсов преподавания к новым дистанционным технологиям, включение в них игровых методик, которые способствуют повышению мотивации студентов и улучшению их самооценки.

Заключение. Языковые игры являются ценным ресурсом для адаптации курсов обучения иностранному языку в условиях пандемии коронавируса и переходу на дистанционное обучение. Они могут быть эффективным инструментом обучения по всем аспектам иностранного языка в аудитории с любым уровнем подготовки.

Ключевые слова: мотивация, обучение иностранному языку, современные технологии в обучении, языковые игры.

Для цитирования: Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Маклакова Н. В., Шамина Е. А. Нешуточные игры // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 126–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-126-142.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.07.2021; принята после рецензирования 23.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

No Kidding Games

Elena I. Besedina¹, Irina V. Kuzmich¹✉, Natalia V. Maklakova², Elena A. Shamina³

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Kazan Federal University, Kazan, Russia*

³*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

✉irinakuzmich@inbox.ru

Introduction. The article examines changes in global education paradigm in coronavirus pandemic situation. It is not just a shift from classroom to remote instruction based on new technologies. It is also a dramatically new mode of communication in sudden and forced conditions, which requires teachers to revise traditional classroom teaching methods, as with remote learning students tend to lose concentration fairly quickly, distract, become less motivated and bored. As a result, the outcome is not as they expected. Including language games, which are relaxing and entertaining, into a syllabus helps increase motivation, academic self-esteem and improve the results.

Methodology and sources. The present study was based on the authors' personal experience in teaching English to both students of linguistics and engineering students. Specifically designed questionnaires were also used to have opinions of the students, as well as the teachers of English.

Results and discussion. An obvious and important result of the study is that traditional foreign language teaching methods should be revised under the coronavirus pandemic situation. The syllabi should be adapted to advanced remote teaching a learning technologies and language games should be included to increase learners' motivation and academic self-esteem.

Conclusion. Language games are a valuable resource to adapt foreign language teaching to remote instruction under coronavirus pandemic situation. They can be an integral part of any aspect of a language taught to learners of all levels.

Key words: language games, motivation, teaching foreign language, teaching innovations.

For citation: Besedina E. I., Kuzmich I. V., Maklakova N. V., Shamina E. A. No Kidding Games. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 126–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-126-142 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.07.2021; adopted after review 23.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. Анализируя сегодня последствия глобального кризиса, вызванного беспрецедентным распространением коронавируса, мы видим, какое глубокое и масштабное влияние он оказал на образовательные системы всех без исключения стран. Согласно данным ЮНЕСКО, пандемия COVID-19 затронула почти 1,6 млрд учащихся практически во всех странах мира. Закрытие школ и других учебных заведений коснулось 94 % учащихся в мире, а в странах с низким и средним уровнем дохода эта цифра приближается к 99 % [1].

С другой стороны, вынужденный переход к онлайн-обучению резко стимулировал быстрое, хотя и чрезвычайно болезненное внедрение цифровизации в учебный процесс. Эксперты отмечают, что еще до пандемии были очевидны определенные изменения в образовательных учреждениях, но COVID-19 стал тем катализатором, который заставил системы образования по всему миру спешно искать инновационные решения, как технические, так и методико-педагогические, для преодоления кризиса в кратчайшие сроки [2].

Действительно, до пандемии глобальный рынок современных образовательных технологий (англ. *EdTech*) демонстрировал сильный рост, и, по некоторым прогнозам, объем инвестиций в онлайн-образование, как ожидается, достигнет 350 млрд долларов к 2025 г. Однако, по мнению многих специалистов, с учетом новой реальности прогнозы следует скорректировать: через 5 лет объем рынка может достичь 1 трлн долларов [3]. Текущие изменения настолько велики, что можно говорить о смене всей образовательной парадигмы, о глобальном влиянии цифровизации на форму и содержание образовательного процесса.

Следует отметить, что системы образования в подавляющем большинстве стран мира сформировались в прежних технологических условиях и структурно, функционально и идеологически соответствовали требованиям того времени. В связи с этим образовательные учреждения не были готовы к быстрому переходу на дистанционное обучение и столкнулись с серьезными проблемами, в том числе с недостаточным развитием цифровой инфраструктуры, слабой теоретической разработанностью проблемы, неготовностью учителей к новой реальности и т. д. Тем не менее сегодня переосмысление накопленного опыта работы онлайн позволяет сделать вывод о том, что основная проблема образования, усугубившаяся пандемией, связана не столько с неадекватными цифровыми инструментами, сколько с методами и приемами обучения, которые необходимо изменить и адаптировать к реальности дистанционного взаимодействия «учитель – ученик». Необходимо отойти от «трансляционной» образовательной парадигмы в сторону активного и экспериментального обучения, обучения на практике, геймификации/игрофикации, управления вниманием аудитории, чтобы преодолеть недостаточный уровень вовлеченности студентов в процесс обучения, их низкую мотивацию и быструю утомляемость, характерные, как показывает практика, для дистанционного обучения.

В этой ситуации, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных подходов к онлайн-обучению можно считать игру в самом широком понимании. Авторы статьи согласны с исследователями, которые подчеркивают серьезный потенциал игры в контексте дистанционного обучения [4–7] и отмечают, что так называемое поколение «цифровых аборигенов» привыкло воспринимать информацию очень быстро, им нравится делать несколько вещей одновременно, и они предпочитают визуальное представление информации ее текстовому предъявлению. Они также привыкли получать мгновенную обратную связь и постоянное поощрение в виде наград и предпочитают игры, а не «серьезное» обучение [4, с. 2]. Кроме того, геймификация в настоящее время активно используется для повышения уровня мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс, который тем самым становится более увлекательным и интересным [5]. Игра – это сфера самовыражения, самоопределения, самоутверждения, самореализации. Как отмечают К. Вербах и Д. Хантер, «наш мозг требует решения проблем, обратной связи и многого другого из того, что дают нам игры. Проводимые исследования убедительно показывают, что игры активируют дофаминовую систему мозга, которая связана с удовольствием» [8, с. 44]. Стоит отметить, что, по мнению Л. С. Выготского, в любой своей форме игра способствует нравственному, интеллектуальному и эмоциональному развитию обучающегося [9]. Развивающая ценность игры заложена в самой ее природе, потому что игра всегда подразумевает эмоции, а там, где есть эмоции, есть активность, внимание и воображение, есть мышление. Кроме того, соревновательный аспект, лежащий в основе почти всех игр, помогает студентам

максимально мобилизовать свои умственные способности. По мнению известного болгарского педагога и психолога, создателя суггестопедии Г. К. Лозанова, положительные эмоции и переживания снимают чувство усталости и помогают мозгу усваивать большие объемы информации. На этом ученый основывает свой суггестивный метод, где игра становится системообразующим компонентом учебного процесса. С самого начала обучения учащиеся погружаются в игру, где у каждого из них есть своя роль-легенда и где им предстоит решать большое разнообразие задач в игровой форме [10]. При этом важно отметить, что самый яркий пример эмоциональной трансформации в игре связан с проблемой неудачи. Поскольку игры включают в себя повторяющиеся элементы, они также могут повлечь и повторение неудач. Во многие игры можно научиться играть одним единственным способом – это постоянно терпеть неудачи, каждый раз узнавая что-то новое [11, 12]. Таким образом, понятно, почему игра становится адекватным ответом на проблемы, связанные с дистанционным обучением.

Особое место игровая деятельность занимает в обучении иностранному языку. Принято выделять следующие функции игры в обучении языку:

- обучающая функция (игра развивает навыки и умения на иностранном языке);
- воспитательная функция (игра развивает чувство взаимопомощи и взаимной поддержки);
- развлекательная функция (игра помогает создать веселую, комфортную и теплую атмосферу в группе);
- коммуникативная функция (игра объединяет студентов и помогает им взаимодействовать на иностранном языке);
- расслабляющая функция (игра помогает снять эмоциональное напряжение студентов);
- психологическая функция (игра способствует психокоррекции различных проявлений личности в игровых моделях);
- развивающая функция (игра развивает личностные качества учащихся).

Следует отметить многообразие возможностей применения игр в процессе обучения: они могут использоваться как самостоятельные технологии освоения учебного материала, тем и т. д., как элементы более обширной методики, как фреймы урока или его фрагмента (введение, объяснение, закрепление, сверка, контроль) и т. д. Однако вслед за М. Ф. Строниним мы рассматриваем игру на уроке иностранного языка как ситуационное вариантное упражнение, во время которого можно повторить/закрепить речевой паттерн в условиях, максимально приближенных к реальному речевому общению, с присущими ему признаками эмоциональной напряженности и целенаправленности речевого высказывания [13].

Существуют различные классификации игр. Например, в зависимости от характера игровой техники игры можно разделить на тематические, сюжетные, ролевые, деловые, имитационные, театрализованные и т. д. Кроме того, есть игры для всего класса, игры в небольших группах, игры в парах. Наиболее интересным представляется деление игр на (а) подготовительные, т. е. способствующие формированию языковых навыков (грамматические, лексические, фонетические и орфографические игры) и (б) творческие, способствующие дальнейшему развитию речевых навыков и умений [13, 14]. Эти игры можно использовать на каждом уроке иностранного языка, если они соответствуют целям и задачам обучения, поскольку они формируют психологическую готовность учащихся к речевому

общению, обеспечивают естественную необходимость многократного повторения языковых шаблонов и обучают студентов правильному выбору речевого варианта.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория игровых приемов в обучении хорошо разработана. Игры становятся одним из наиболее влиятельных инструментов обучения, поскольку они не только повышают уровень мотивации и вовлеченности учащихся в образовательный процесс, но и развивают их познавательные способности, расширяют сферу самовыражения и самореализации. Кроме того, в обучении иностранному языку игры помогают преодолеть психологические барьеры и превратить обучение в веселое, динамичное и интересное занятие. Однако ценность любой теории проверяется практикой. Насколько полно и систематически игровые приемы используются в школьной практике? Что может стимулировать их более широкое внедрение в практику? Попыткой ответить на эти вопросы и является данное экспериментальное исследование.

Методология и источники. В современных исследованиях по методике уже разработаны новые образовательные модели, основанные на игровых приемах, – это игровое обучение (так называемый «эдьютейнмент» от англ. *edutainment*), современная педагогическая инновация, в рамках которой обучение проводится в максимально возможном развлекательном формате), геймификация/игровизация (использование игровых техник и элементов в неигровых контекстах), «серьезные игры» (видеоигры, где основная задача не является развлекательной), обучающие игры (с основной или дополнительной обучающей задачей), а также другие мотивационные игровые методики. В рамках таких методик преподаватель имеет возможность учитывать специфику восприятия материала студентом/учеником/обучающимся, его интересы и предпочтения в вопросе обработки информации (легкодоступность, вариативность использования, интерактивность, визуализация), создавая при этом адаптивные индивидуальные обучающие траектории. Игровые методики позволяют преподавателю устанавливать психологический и эмоциональный контакт со студентами, повышая таким образом их мотивацию.

Для оценки эффективности использования игровых методик при обучении студентов университета (как лингвистов, так и учащихся неязыковых специальностей) иностранному языку авторы данного исследования выполнили следующие действия.

1. Провели опрос-анкетирование 40 университетских преподавателей иностранного языка с целью установления их осведомленности об использовании игровых методик, а также о степени использования таких методик на проводимых ими занятиях.

Опрос показал, что 86 % преподавателей регулярно применяют игровые методики на занятиях и считают их эффективным средством обучения, а 11 % респондентов назвали использование игр бесполезной тратой времени, требующей от преподавателя дополнительных усилий. При этом 77 % опрошенных признали недостаточность своих знаний игровых методик, не смогли дать их четкие определения и отметили трудности в поиске подходящего языкового материала.

2. Составили несколько языковых игр разных видов (в некоторых случаях модифицировали и переработали игры из опубликованных учебных пособий по общим и специальным курсам английского языка, по переводу и фонетике). Все приведенные в статье игры можно отнести к комбинированному типу в том смысле, что в той или иной степени они комплексно выполняют все присущие игровым техникам функции: обучающую, тренировочную, коммуникативную, психологическую, развивающую, развлекательную [15].

Существует несколько различных классификаций обучающих языковых игр: за основу может быть взято обозначаемое понятие, а может – форма слова; игра может быть групповой, парной или индивидуальной и т. д. Авторы придерживаются классификации Н. Ю. Северовой, считая языковую игру подготовительной или вспомогательной деятельностью при формировании основных навыков владения иностранным языком – это грамматические, лексические, фонетические и орфографические игры [16].

3. Для оценки эффективности таких составленных авторами и готовых языковых игр авторы данного исследования включили их в планы проведения занятий наряду со стандартными учебными материалами. В конце каждого цикла обучения студентов просили заполнить анкету с вопросами о том, как они оценивают использование игр в процессе обучения, а также их психологический и эмоциональный компонент. Как правило, студенты проявляли интерес к заданиям в игровой форме, высказывали общую удовлетворенность занятием, эмоциональную приподнятость и демонстрировали более высокую усвояемость материала.

Результаты и обсуждение.

Фонетические игры. В российских высших учебных заведениях отдельный специальный курс по произношению преподается только студентам-лингвистам. Как правило, это вводно-коррективный фонетический курс длительностью два семестра. Помимо этого, разделы по фонетике включены в курсы по функциональной стилистике английского языка и переводу. Авторы данного исследования рассматривают фонетический аспект в качестве неотъемлемой составляющей языковой компетенции при изучении иностранного языка и считают необходимым включать его элементы как в общие, так и в специальные курсы обучения студентов нелингвистических специальностей [17]. Предлагаемые авторами фонетические игровые задания можно использовать на занятиях со студентами всех уровней владения английским языком в зависимости от индивидуальных учебных задач.

Английский язык часто ставит студентов в тупик кажущимся несоответствием между написанием и произношением в большом количестве слов, а также обилием фонетических правил. Наглядной демонстрацией того, что буквы в алфавите и в слове (в зависимости от сочетания с другими буквами) произносятся по-разному, может служить игра *How do we Go from X to Y?* Эта игра, известная во многих европейских странах, основана на переходе от одного слова к другому путем замены буквы, как в классическом примере, взятом из книги Джона Апдайка: *live – love – dove – dive – die*, где глагол «жить» трансформирован в глагол «умирать». В фонетическом варианте игры следует заменить/добавить/убрать не букву, а фонему. Если задать вопрос: *How do we go from MOUSE to CAT? (Как МЫШКУ превратить в КОШКУ?)*, то вариантом ответа может быть *MOUSE /maʊs/ – MACE /meɪs/ – CASE /keɪs/ – COURSE /kɔːrs/ – CAUGHT /kɔːt/ – CAT /kæt/* или *MOUSE /maʊs/ – MASS /mæs/ – MAT /mæt/ – CAT /kæt/*. Победителем считается студент, который выполнит задние быстрее всех и/или с наименьшим количеством трансформаций.

Еще одна классическая языковая игра, в которой можно сделать акцент на фонетический аспект, это *“My Uncle Went to London and Bought...”* («Мой дядя поехал в Лондон и купил...»). Первый студент из группы участников произносит эту фразу, добавляя предмет покупки из общего для всех списка, предложенного преподавателем. Следующий студент повторяет эту фразу полностью, добавляя еще один предмет из списка, и т. д. Победителем

становится студент, который произнесет самое длинное предложение без ошибок. В данном задании могут ставиться две фонетические задачи – отработка определенных звуков и интонации при перечислении (Low Rising tone). Для студентов нелингвистических специальностей задачу можно сформулировать достаточно просто: отработать звук, которого нет в русском языке. Для этого в список слов (покупок) следует включить слова, содержащие такой звук, как, например, /ŋ/: *soft drinks, song book, gold ring, hangers, long scarf, ping pong ball* и т. д. Для студентов-лингвистов задачу можно усложнить, предложив комбинированное задание на отработку интонации и правильное произношение контрастирующих звуков, например, /æ/, /ɒ/ и /ʌ/, различение которых представляет собой сложность для русскоязычных студентов, и включить в список такие словосочетания, как *copper African bangles, a hundred packs of custard, a dozen flower pots* и т. д. Для отработки специфических для английского языка моделей ударения можно предложить составные существительные (*keyboard, i-Pad, memory stick, earphones, disk-drive*), произношение которых (с главным ударением на первом компоненте) плохо дается русскоязычным студентам.

Многие методисты и преподаватели как для представления новой лексики, так и для обучения правильному произношению используют техники «кроссворда/лабиринта» [18, 19]. В табл. 1 приведен пример фонетического упражнения на закрепление навыков употребления кратких и долгих гласных звуков, неизменно вызывающих трудности у носителей русского языка.

Таблица 1. Лабиринт произношения
Table 1. Pronunciation Maze

READ	drove	strike	find	TAUGHT
Catch	mean	fly	put	fight
run	shout	close	pick	care
wear	break	came	had	fall
WRITE	cut	ring	speak	BORE

Задание заключается в выборе правильного маршрута от READ к BORE и от WRITE к TAUGHT. Переходить в соседнюю ячейку можно только по горизонтали или по вертикали при условии одинаковой длительности гласных в каждой ячейке маршрута: *read, drove, mean, fly, close (v.), came, had, fall, bore* (долгие гласные), *write, cut, break, shout, close (adj.), pick, put, fight, taught* (краткие гласные). Лексику в такой таблице можно подобрать соответственно не только изучаемой теме или обсуждаемому тексту, но и грамматической конструкции, изучаемой на конкретном занятии.

В прогностических играх студентам предлагается закончить предложение, восприняв на слух и осознав разницу в длительности сонорных звуков /l, n, m/ в глагольных формах простого настоящего и простого прошедшего времени (Present and Past Simple Tenses) в зависимости от того, предшествует ли сонорный звонкому или глухому согласному. В первом случае сонорный произносится долго, во втором – кратко:

1. They **BUILD** / **BUILT** schools *every summer / last summer.*
2. The secretaries **SEND** / **SENT** out the agenda *in the morning / yesterday.*
3. My parents **SPEND** / **SPENT** all their money *on food / on my present.*

Одной из самых сложных фонетических игровых задач можно назвать игру на отработку интонации со студентами-лингвистами, поскольку в данном случае требуется подго-

товка в виде выполнения стандартных учебных заданий: объяснений преподавателя, диктантов, повторов/имитаций фонетических моделей и т. д. Затем студентам предъявляется рамочный рассказ (только начало и конец), например, «*On a dark night at a lonely station a man boarded a train. When he entered the compartment there was only one other passenger, a woman sitting by the window. She took her glove off. <...> When the train arrived at its destination the man was arrested by the police, but later they had to let him go*». Студенты в группах или парах должны задать общие вопросы (требующие ответа «да» или «нет»), сформулированные таким образом, чтобы выяснить суть произошедшего. Преподаватель отвечает только на те вопросы, которые имеют правильную грамматическую структуру и произнесены с правильной интонацией. Побеждает та группа, которая для выяснения сюжета рассказа задала наименьшее количество вопросов.

Игровой формат проведения фонетических занятий можно рекомендовать для регулярного использования, поскольку игра – это не только развлечение и выполнение определенной узкой задачи, но и возможность постоянной демонстрации различий звуковых аспектов родного и изучаемого языков.

Грамматические игры. По сути, грамматической игрой можно назвать целый ряд заданий, направленных на запоминание и отработку определенной конструкции изучаемого языка, будь то формы спряжения и склонения глаголов, степени сравнения прилагательных, структура предложения и т. д. Освоение грамматических аспектов в игровой форме – это коммуникативный и более увлекательный способ изучения базового материала, который многим студентам представляется скучным, трудным, а иногда и просто ненужным. Примером творческого подхода к преподаванию системы времен английского глагола может служить учебное пособие «*The Anti-grammar Grammar Book*» Н. Холла и Дж. Шепарда [20]. Авторы настоящего исследования, впрочем, полагают, что некоторые из описанных в нем игр весьма времязатратны, что ограничивает возможность их регулярного использования на занятиях. Тем не менее эта книга явилась ценным источником идей в отношении многообразных игровых приемов, часть из которых была использована авторами при разработке игровых заданий для университетской аудитории.

Употребление артиклей. Одним из ключевых показателей языковой компетенции при изучении английского языка является правильное использование артиклей. Особенную трудность изучение артиклей представляет для русскоязычных студентов, поскольку в русском языке артиклей нет. Авторы предлагают упражнение в форме викторины для проверки использования артиклей с географическими названиями. Для выполнения задания студенты делятся на две группы, им следует ответить на 15–20 вопросов, связанных с географическими названиями, употребив при этом или определенный артикль, или название без артикля (the/zero article). Побеждает группа, которая правильно ответила на большее число вопросов. После выполнения задания преподаватель исправляет и комментирует ошибки. Примером могут служить следующие вопросы:

1. *What European country has borders with Germany and Belgium? **The Netherlands.***
2. *What city does Holland's government sit in? **The Hague.***
3. *What European mountains are known as a magnet for skiers and hikers? **The Swiss Alps.***
4. *What is the highest mountain in Scotland? **Ben Nevis.***

5. What is the name of volcanic islands the endemic species of which were studied by Charles Darwin? **The Galapagos Islands.**

6. What is the name of country that is located in the middle of Italy's capital city of Rome? **The Vatican.**

7. What is the name of the official residence and office of the Prime Minister of the UK? **Downing Street.**

8. What is the major thoroughfare in the City of Westminster? **The Strand.**

Аналогичные игры можно организовывать на знание предлогов, которые также представляют для обучающихся серьезные трудности:

1. By behaving the way he is behaving he is just asking ... (**FOR**) trouble.

2. I advise you to make few copies and file a report, be ... (**ON**) the safe side.

3. Nobody told me what to do. I was just left ... (**TO**) my own devices.

4. My brother is a person who refuses to accept any standard short of perfection. He never does anything ... (**BY**) halves.

Игры на словообразование. Студенты, изучающие иностранный язык, обязательно должны знать систему словообразования этого языка. Одним из игровых упражнений в данном случае может быть заполнение таблицы с пропусками, где количество пропусков зависит от цели конкретного занятия и уровня языковой подготовки студентов. В табл. 2 представлено упражнение на повторение и закрепление словообразовательных суффиксов разных частей речи.

Таблица 2. Словообразовательные модели
Table 2. Word Formation Patterns

VERB	NOUN	ADJECTIVE	ADVERB
possess	(possession)	(possessive)	(possessively)
(darken)	(darkness)	dark	(darkly)
(impoverish)	(poverty)	poor	(poorly)

Задания в таких упражнениях можно варьировать и усложнять, например, добавить образование существительных от глагола с помощью суффикса, произведя необходимые орфографические и/или фонетические изменения в ключевом слове (propose – proposal, try – trial, able – ability, accept – acceptance, agree – agreement). Победителем считается группа, предложившая наибольшее количество правильно произведенных слов.

Лексические игры. Синонимы и антонимы. Расширение словарного запаса – обязательное условие для свободного владения иностранным языком и беглой речи. Знание синонимов и антонимов, оттенков их значений и стилистических различий – необходимые элементы языковой компетенции. Для того чтобы студенты с удовольствием выполняли задания, которые обычно кажутся им скучными, а зачастую ненужными, авторы предлагают игровые варианты упражнений, основанных на словах, которые учащиеся используют слишком часто и которые кажутся им «универсальными», таких как interesting, important, beautiful и другие.

Во время одной из таких игр студенты работают в группах, выполняя задания по поиску «спрятанных» в таблице (рис. 1) синонимов слова «big». Время выполнения задания следует ограничить.

g	a	r	g	a	n	t	u	a	n	a	k	w	d	p
i	n	v	v	l	a	r	g	e	f	s	q	x	i	z
g	i	a	n	t	b	e	r	r	c	e	h	m	m	a
a	v	s	s	u	o	m	a	s	s	i	v	e	m	o
n	i	t	y	t	t	e	m	m	c	d	g	s	e	s
t	n	o	c	t	x	n	z	m	o	g	r	g	a	l
i	a	p	b	u	n	d	y	h	j	o	e	f	s	c
c	c	m	a	m	m	o	t	h	n	o	a	v	u	o
e	n	o	r	m	o	u	s	b	e	d	t	a	r	l
m	o	k	c	r	o	s	h	e	q	l	o	h	a	o
e	b	o	u	n	d	l	e	s	s	y	q	u	b	s
s	k	m	b	o	y	s	d	n	u	i	w	g	l	s
o	f	h	a	q	o	p	e	b	f	l	m	e	e	a
h	l	u	q	s	u	b	s	t	a	n	t	i	a	l
a	x	s	t	u	p	e	n	d	o	u	s	s	i	d

Рис. 1. Поиск синонимов
Fig. 1. Synonyms Quest

Побеждает группа, которая сумела найти наибольшее количество слов. Если студенты не смогли найти все слова, преподаватель помогает это сделать. В качестве дополнительного (домашнего) задания можно попросить учащихся составить предложения со словами из таблицы, консультируясь с английским монолингвальным/толковым словарем для выяснения стилистических особенностей их употребления.

Двум группам студентов также можно организовать состязание в знании синонимов (антонимов), предложив каждой из них список из 10–15 слов (время выполнения 5–7 минут), к которым из трех предложенных вариантов надо подобрать синонимы (антонимы), например:

– *подберите синонимы:*

RISKY: *perilous* – *churlish* – *simpatico*;

MISINTERPRET: *fumble* – *twig* – *gamble*;

TWIST: *tackle* – *contort* – *twitch*.

– *подберите антонимы:*

FLUFFY: *rough* – *dazzling* – *tinkering*;

DRIP: *cringe* – *triple* – *gush*;

SPOT: *speckle* – *sign* – *rick*.

Группа, которая наберет больше баллов (один балл – за каждый правильный ответ), становится победителем.

Вариантом такой словарной игры может быть индивидуальное/групповое задание по составлению списка синонимов/антонимов к какому-либо слову. Для групп с начальным/средним уровнем знаний можно предложить составление списка слов, начинающихся с определенной буквы, или слов по определенной теме: музыка, природа, хобби и т. д.

Еще одним видом занимательной словарной работы является «словарная цепочка» – игра, которая заключается в том, что студенты, разделенные на группы, по очереди называют слово на букву, которой заканчивается слово, произнесенное преподавателем. Задание можно усложнить и в соответствии с темой и задачами конкретного занятия ограничить круг слов лексической или грамматической категорией.

Анаграммы – старинное и весьма популярное интеллектуальное развлечение, известное практически во всех странах мира и существующее в разных формах (настольные игры, лингвистические головоломки, игровые теле- и радиошоу). В настоящее время компьютерная анимация дала новые возможности для использования анаграмм в качестве чрезвычайно занимательного и полезного обучающего инструмента. Студенты с разной языковой подготовкой с большим энтузиазмом и удовольствием выполняют подобные задания, они включаются в языковую игру, открывая для себя новые грани языка и его возможности. На рис. 2 представлен пример анаграммы, где студентам нужно переставить буквы в словах, чтобы получились названия деревьев, а из обозначенных звездочками букв составить пропущенное слово в предложении.

Rearrange the following letters: 1) OWLIWL; 2) ENPJRINU; 3) WTHARNOH; 4) ALPME; 5) DELER; 6) RAPPOL; 7) DERCA; 8) TUNLWA into the names of trees and write them in the boxes and then work out the missing key word in the sentence *Language games encourage students to ...!*

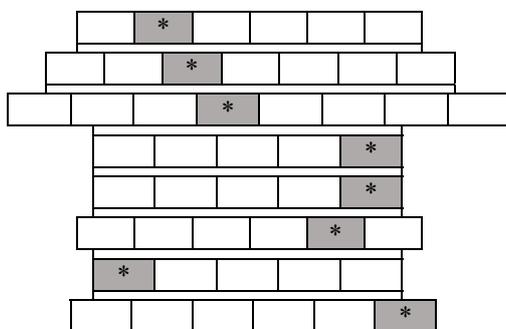

Рис. 2. Анаграмма
Fig. 2. Anagram

Ответы: WILLOW, JUNIPER, HAWTHORN, MAPLE, ELDER, POPLAR, CEDAR, WALNUT. Предложение: *Language games encourage students to INTERACT!*

Нелишним будет упомянуть, что сложность заданий должна соответствовать уровню языковой подготовки учащихся. Для студентов нелингвистических специальностей следует выбирать для тренировки специальную лексику, а для студентов-филологов можно использовать лексику из произведений В. Шекспира.

Идиомы, пословицы, коллоквиализмы. Неотъемлемой составляющей любого языка являются идиомы, пословицы, устойчивые выражения, которые придают ему образность, яркость и национальное своеобразие. Все они представляют собой особую категорию единиц, которые студентам иногда не только сложно перевести и понять, но и просто идентифицировать в тексте. Например, *break a leg* – *сломать ногу* (свободное сочетание), *pull someone's leg* – *морочить кому-либо голову, дурачить* (идиоматическое выражение); *a pension plan* – *пенсионный фонд* (устойчивое сочетание); *to go bananas* – *выйти из себя, разозлиться* (коллоквиализм); *early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise* – *кто рано встает, тому Бог дает* (пословица); *to spill the tea* – *сплетничать, распускать слухи* (сленг); *a curtain of night* – *покров ночи* (метафора); *as cool as a cucumber* – *спокойный, как удав* (сравнение); *this bag weighs a ton* – *эта сумка весит целую тонну* (гипербола).

Освоить все это языковое богатство – совсем непростая задача, поскольку для этого нужно запомнить несколько тысяч выражений, образность и структура которых значительно отличается от единиц родного языка. Задания, выполняемые в игровой форме, позволяют студентам снять напряжение и страх перед ошибками и плохой оценкой, расслабиться, пошутить и посмеяться, сравнивая образность разных языков, которая может показаться им весьма забавной.

В качестве примера можно предложить игру, где студенты, разделенные на две команды, получают карточки, на которых написаны части разных пословиц (общее количество пословиц в среднем составляет 10–15 единиц, каждая пословица разделена на две части). Задача состоит в том, чтобы соединить части пословиц в течение определенного времени, например:

– *twice/shy/bitten/once* – *once bitten, twice shy* = *dreads/fire/the/child/a//burnt* – *a burnt child dreads the fire*;

– *hay/while/the/shines/sun/make* – *make hay while the sun shines* = *hot/iron/the/strike/it's/* = *strike the iron while it's hot*.

За каждый правильный ответ команда получает балл; если студенты делают ошибку, балл получает команда соперников; если студенты смогут исправить ошибку соперников, то они получают балл. В случае неисправленных ошибок и проблем с выполнением заданий преподаватель помогает их исправить. Задание можно усложнить, если в разных комплектах карточек будут пословицы с синонимичным значением. В этом случае студенты двух команд обмениваются парами пословиц со сходными значениями. За каждый правильный ответ начисляется один балл.

Еще одним вариантом такой игры может быть игра с лингвокультурологическим или переводческим уклоном. Для этого студентов следует разделить на три группы: группам А и Б предлагаются такие же карточки с частями пословиц, а группе В предоставляется список эквивалентов этих же пословиц на родном/русском языке. Последовательность действий следующая: студенты группы А предьявляют реконструированную пословицу, группа Б представляет пословицу с синонимичным значением, а группа В завершает раунд эквивалентом на родном языке. За каждый правильный ответ группа получает балл, в случае ошибки ход переходит к другой группе. Практика показывает, что такие игры помогают студентам быстрее и легче запоминать пословицы.

Схожий формат проведения игры можно рекомендовать для изучения идиом. Примеры идиом, которые студенты с большим удовольствием воспринимают: а) *to be in the pink, to be as fit as a fiddle, to be as right as rain* – *в полном здравии*; б) *to kick the bucket, to pop one's clogs, to fall of one's perch* – *дать дуба, отбросить коньки*; в) *to be over the moon, to be on cloud nine, to be thrilled to bits* – *быть на седьмом небе от счастья, в полном восторге*. В усложненном варианте игры студентам не предоставляется перевод, они должны сами дать эквивалент идиомы на родном языке.

Еще одна разновидность игры состоит в том, что студентам дается список идиом с пропуском ключевого слова из определенной группы (названия животных, части тела человека, еда и т. д.). Участники одной группы произносят идиому, а другой – дополняют ее ключевым словом, например:

1. *Our boss always keeps us on our ... (TOES).*
2. *Few marketing strategies are as effective for customer acquisition as word of ... (MOUTH).*
3. *You should tell Mary directly how you fell about her bad deed rather than just giving her the cold ... (SHOULDER).*
4. *Because of the merger at work my husband is currently as busy as a ... (BEE).*
5. *Just mentioning his ex-business partner's name was like a red rag to a ... (BULL).*
6. *You should be really careful with our new boss. He seems to be as slippery as a(n) ... (EEL).*

Как и в предыдущих играх, команда получает балл за правильный ответ и за ошибку другой команды. Дополнительные баллы можно получить при исправлении ошибок другой команды. После завершения игры преподаватель объясняет значение идиом, которые вызвали у студентов затруднение.

Игры для развития навыков перевода. Существует множество игровых методик для развития навыков как устного, так и письменного перевода. Например, студентам двух команд предлагается список из 10–15 слов из какой-либо тематической группы (природные явления, предметы домашнего обихода и т. д.) и дается задание вспомнить как можно больше пословиц, идиом или сравнений с каждым из этих слов. Другая команда должна дать перевод на родной/русский язык всех этих единиц. Баллы начисляются как за сами идиомы, так и за правильный перевод. Побеждает команда, набравшая наибольшее количество баллов.

Аналогичную игру можно провести, используя названия цвета. «Цветные» игры – весьма непростое задание даже на родном языке, не говоря уже о переводе цветов на иностранный. Одной группе студентов дается список названий цветов в колористическом спектре на английском языке, другой группе – список слов на родном языке и описание этих цветов на английском или родном языке. Разумеется, речь идет не о базовых цветах, которые студенты изучили еще в школе (белый, черный, красный и т. д.), а о более сложных оттенках: *aquamarine* – «*a sparkling ocean-like color*» (цвет морской волны); *burgundy* – «*a deep red colour like that of burgundy wine*» (темно-бордовый); *crimson* – «*dark purple-red in colour*» (малиновый, пунцовый); *tawny* – «*between yellow and brown in colour*» (рыже-вато-коричневый) и многие другие.

В качестве занимательной и обучающей игры на занятиях по устному и письменному переводу студентам-лингвистам можно предложить расшифровку и перевод общеупотребительных сокращений, аббревиатур и акронимов: *BTW* – *by the way* (кстати), *B4N* – *by for now* (пока-пока), *IDK* – *I don't know* (я не знаю), *ILY* – *I love you* (я люблю тебя), *IMO* – *in my opinion* (по моему мнению), *JK* – *just kidding* (просто шутка), *LMK* – *let me know* (дай мне знать), *HAND* – *have a nice day* (желаю приятного дня), *LOL* – *laughing out loud* (смеяться в открытую), *NM* – *never mind* (неважно) и т. д.

Студентов просят за определенное время расшифровать и/или перевести 10–15 сокращений. Группа, получившая наибольшее количество баллов за правильные ответы, считается победителем.

Заключение. Каждый преподаватель иностранного языка находится в постоянном поиске новых форм и методов работы, которые могут повысить эффективность обучения в

минимально возможные сроки. В настоящее время благодаря современным технологиям существуют практически неограниченные возможности для изучения иностранного языка: просмотр кинофильмов, прослушивание музыкальных записей и подкастов теле- и радиостанций, чтение книг, газет и журналов на иностранных языках. Тем не менее нельзя не согласиться, что такой не вполне традиционный метод, как языковая игра, является одним из лучших способов изучения иностранных языков, который нравится обучающимся всех возрастов. Один из стимулирующих моментов в использовании языковых игр – их соревновательный характер, который мобилизует студентов на достижение максимальных результатов, но при этом занятие проходит в занимательной форме, исключающей стресс и тревогу, часто мешающих проявлять им свои способности.

Большинство языковых игр – это своего рода «мозговой штурм», целью которого является развитие когнитивных навыков. Участие в игре позволяет не только в увлекательной форме обогатить свое понимание иностранного языка, но и тренировать память, обогащая ее новыми знаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Policy brief: Education during COVID-19 and beyond // United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/08/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf (дата обращения: 12.07.2021).
2. Andersson P., Mattsson L.-G. Future digitalization of education after COVID-19. Stockholm School of Economics. URL: <https://www.hhs.se/en/research/sweden-through-the-crisis/future-digitalization-of-education-after-covid-19/> (дата обращения: 12.07.2021).
3. Lockett Ph. Education Innovation's Moment: A Conversation with Deborah Quazzo // Forbes. 2020. 29 Sep. URL: <https://www.forbes.com/sites/phyllislockett/2020/09/29/education-innovations-moment-a-conversation-with-deborah-quazzo/?sh=13721497a48> (дата обращения: 12.07.2021).
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).
5. Analysis of Gamification Models in Education Using MDA Framework / G. Kusuma, E. Wigati, Y. Utomo, L. Putera Suryapranata // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 135. P. 385–392. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.187>.
6. Social gamification in education: a gamified platform based on the Elgg framework / A. G. Cabot, E. G. López, S. C. Álvaro et al. // GamiLearn'17. 2017. URL: <http://riull.ull.es/xmlui/handle/915/4771> (дата обращения: 12.07.2021).
7. Schlag I., Schmidhuber J. Learning to Reason with Third-Order Tensor Products // Advances in neural information processing systems. 2018. № 31. P. 9981–9993. URL: <https://arxiv.org/abs/1811.12143> (дата обращения: 12.07.2021).
8. Вербак К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй: игровое мышление на службе бизнеса / пер. с англ. А. Кардаш. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
9. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития человека. СПб.: Питер, 2001. С. 56–79.
10. Лозанов Г. К. Основы суггестологии // Проблемы на суггестологията. София: Editura Sciifica, 1973.
11. Gee J. P. Learning and Games // The Ecology of Games: Connecting Youth, Games, and Learning / ed. by K. Salen. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 21–40. DOI: [10.1162/dmal.9780262693646.021](https://doi.org/10.1162/dmal.9780262693646.021).

12. Lee J.J., Hammer J. Gamification in Education: What, How, Why Bother? // Academic Exchange Quarterly. 2011. Vol. 15 (2). URL: https://mybrainware.com/wp-content/uploads/2017/11/Gamification_in_Education_What_How_Why.pdf (дата обращения: 12.07.2021).

13. Стронин М. Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. М.: Просвещение, 2001.

14. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: АСТ: Астрель, 2008.

15. Конышева А. В. Английский язык. Современные методы обучения. Минск: ТетраСистемс, 2007.

16. Severova N. Games and role plays in foreign language learning and teaching at a non-linguistic university // EDULEARN18 Proceedings: 10th international conference on education and new learning technologies, Palma, 2–4 July. 2018 / IATED. Palma, 2018. P. 9469–9473. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/?q=role-plays&onlytags=y> (дата обращения: 12.07.2021).

17. Шамина Е. А. Фонетика и грамматика – близнецы-братья: обучение произношению английских грамматических структур // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018. С. 129–136.

18. Hancock M. Pronunciation games. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

19. Ponsonby M. How Now, Brown Cow? London: Prentice Hall, 2018.

20. Hall N., Shepard J. The Anti-grammar Grammar Book. Brighton: ELB Publishing, 2008.

Информация об авторах.

Беседина Елена Ивановна – кандидат филологических наук (1988), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>. E-mail: elivbesedina@mail.ru

Кузьмич Ирина Васильевна – кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3213-6266>. E-mail: irinakuzmich@inbox.ru

Маклакова Наталия Васильевна – кандидат педагогических наук (1990), доцент кафедры иностранных языков Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета, ул. Кремлевская, д. 18, Казань, 420008, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: методика преподавания английского языка как иностранного, переводоведение, межкультурная коммуникация. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3179-0116>. E-mail: natalim.16@mail.ru

Шамина Елена Анатольевна – кандидат филологических наук (1989), доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: фонетика, методика преподавания иностранных языков, фоносемантика. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5274-1001>. E-mail: e.shamina@spbu.ru

REFERENCES

1. "Policy brief: Education during COVID-19 and beyond", *United Nations*, available at: https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/08/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf (accessed 12.07.2021).
2. Andersson, P. and Mattsson, L.-G., *Future digitalization of education after COVID-19*, Stockholm School of Economics, available at: <https://www.hhs.se/en/research/sweden-through-the-crisis/future-digitalization-of-education-after-covid-19/> (accessed 12.07.2021).
3. Lockett, Ph. (2020), "Education Innovation's Moment: A Conversation with Deborah Quazzo", *Forbes*, 29 Sep, available at: <https://www.forbes.com/sites/phyllislockett/2020/09/29/education-innovations-moment-a-conversation-with-deborah-quazzo/?sh=13721497a48> (accessed 12.07.2021).
4. Prensky, M. (2001), "Digital Natives, Digital Immigrants", *On the Horizon*, vol. 9, no. 5, pp. 1–6, available at: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed 12.07.2021).
5. Kusuma, G., Wigati, E., Utomo, Y. and Putera Suryapranata, L. (2018), "Analysis of Gamification. Models in Education Using MDA Framework", *Procedia Computer Science*, vol. 135, pp. 385–392. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.187>.
6. Cabot, A.G., López, E.G., Álvaro, S.C. et al. (2017), "Social gamification in education: a gamified platform based on the Elgg framework", *GamiLearn'17*, available at: <http://riull.ull.es/xmlui/handle/915/4771> (accessed 12.07.2021).
7. Schlag, I. and Schmidhuber, J. (2018), "Learning to Reason with Third-Order Tensor Products", *Advances in neural information processing systems*, no. 31, pp. 9981–9993, available at: <https://arxiv.org/abs/1811.12143> (accessed 12.07.2021).
8. Werbach, K. and Hunter, D. (2015), *For the Win. How Game Thinking Can Revolutionize Your Business*, Transl. by Kardash, A., Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, RUS.
9. Vygotsky, L.S. (2001), "Play and its role in the mental development of the child", *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Human developmental psychology], Peter, SPb., RUS, pp. 56–79.
10. Lozanov, G.K. (1973), "Fundamentals of suggestology", *Problemi na suggestologiyata* [Problems of suggestology], Editura Sciifica, Sofia, USSR.
11. Gee, J.P. (2008), "Learning and Games", *The Ecology of Games: Connecting Youth, Games, and Learning*, in Salen, K. (ed.), The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series on Digital Media and Learning, The MIT Press, Cambridge, USA, pp. 21–40. DOI: 10.1162/dmal.9780262693646.021.
12. Lee, J.J. and Hammer, J. (2011), "Gamification in Education: What, How, Why Bother?", *Academic Exchange Quarterly*, vol. 15 (2), available at: https://mybrainware.com/wp-content/uploads/2017/11/Gamification_in_Education_What_How_Why.pdf (accessed 12.07.2021).
13. Stronin, M.F. (2001), *Obuchayushchie igry na uroke angliiskogo yazyka* [Teaching games at the English language lessons], Prosveshchenie, Moscow, RUS.
14. Solovova, E.N. (2008), *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methodology of teaching foreign languages], AST, Astrel', Moscow, RUS.
15. Konysheva, A.V. (2007), *Angliiskii yazyk. Sovremennye metody obucheniya* [English. Modern teaching methods], TetraSystems, Minsk, BLR.
16. Severova, N. (2018), "Games and role plays in foreign language learning and teaching at a non-linguistic university", *EDULEARN18 Proceedings: 10th international conference on education and new learning technologies*, IATED, Palma, Spain, 2–4 July 2018, pp. 9469–9473, available at: <https://mgimo.ru/library/publications/?q=role-plays&onlytags=y> (accessed 12.07.2021).
17. Shamina, E. A. (2018), "Phonetics and grammar – twin brothers: teaching the pronunciation of English grammatical structures", *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdenii na sovremennom etape* [Teaching a foreign language to students of higher and secondary educational institutions at the present stage], AmSU Press, Blagoveshchensk, RUS, pp. 129–136.
18. Hancock, M. (1996), *Pronunciation games*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

19. Ponsonby, M. (2018), *How Now, Brown Cow?*, Prentice Hall, London, UK.

20. Hall, N. and Shepard, J. (2008), *The Anti-grammar Grammar Book*, ELB Publishing, Brighton, UK.

Information about the authors.

Elena I. Besedina – Can. Sci. (Philology) (1988), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>. E-mail: elivbesedina@mail.ru

Irina V. Kuzmich – Can. Sci. (Philology) (1994), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, lexicology, phonosemantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3213-6266>. E-mail: irinakuzmich@inbox.ru

Natalia V. Maklakova – Can. Sci. (Pedagogy) (1990), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Higher School of Foreign Languages and Translation Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya str., Kazan 420008, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, inter-cultural communication. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3179-0116>. E-mail: natalim.16@mail.ru

Elena A. Shamina – Can. Sci. (Philology) (1989), Associate Professor at the Department of Phonetics and Foreign Language Teaching Methodology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: foreign language teaching methodology, translation studies, translation and interpreting, phonetics, phonosemantics. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5274-1001>. E-mail: e.shamina@spbu.ru

Прагмастилистический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков)

В. Н. Матвеева, Н. В. Степанова[✉]

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉nathalie.tresjolie@icloud.com

Введение. В настоящем исследовании рассматривается прагмастилистический потенциал миграционного дискурса на материале выступлений современных британских политиков. Актуальность избранной темы заключается в остросоциальной специфике миграционного дискурса и его манипулятивной составляющей. В современном мире процессы миграции приобрели глобальный масштаб, и их влияние на развитие принимающей культуры становится все более очевидным. До сих пор не существует выработанной стратегии интеграции мигрантов в новое общество, что создает конфликтогенную среду и определяет враждебность коренного населения по отношению к мигрантам. Миграционный дискурс как одно из направлений политического дискурса становится эффективным инструментом управления общественным мнением. Различные персуазивные тактики актуализируются в речи политиков при помощи лингвостилистических средств, закономерности использования которых в британском миграционном дискурсе рассматриваются в данной статье.

Методология и источники. Ключевые задачи исследования заключаются в выявлении дискурсивных тактик, при помощи которых в британском миграционном дискурсе реализуется персуазивная стратегия, и анализе стилистических приемов, используемых для имплементации обнаруженных тактик. В ходе исследования был использован прагмастилистический анализ, применение которого предполагает обращение к следующим частным методам лингвистического исследования: метод сплошной выборки, метод количественного анализа, описательный и сопоставительный методы, метод стилистического анализа, дискурсивный анализ. Материалом исследования послужили выступления современных британских политиков с 2004 по 2021 гг.

Результаты и обсуждение. Анализ миграционного дискурса на материале текстов выступлений современных британских политиков позволяет говорить о стилистической насыщенности материала и средствах экспрессивности, используемых в рамках рассматриваемого дискурса. Основной тактикой противников свободной миграции является сопоставление по линии «хороший/плохой» приезжий, которое актуализируется при помощи антитезы. В рассмотренном корпусе лексических стилистических средств следует отметить использование эпитета, который также является способом актуализации тактики противопоставления. Сходная тактика актуализируется и в рамках промиграционной риторики, а именно: при сопоставлении местной элиты и приезжего населения, которое выполняет всю работу, необходимую для функционирования общества. В большинстве случаев применения тактики сопоставления основным стилистическим приемом ее актуализации является антитеза (или комбинация антитезы и эпитета). Также сторонники промиграционной политики используют такие рычаги давления на аудиторию, как метафора (тактика описания политического процесса)

© Матвеева В. Н., Степанова Н. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и синтаксический параллелизм (тактика описания преимуществ миграции). Наконец, наиболее распространенной тактикой, присущей обоим полюсам миграционного дискурса, является тактика генерализации, общий смысл которой заключается в приравнивании оратора к его аудитории, в «сращении» спикера и слушателя. Указанная тактика, как правило, реализуется при помощи гиперболы.

Заключение. Миграционный дискурс является мощным идеологическим оружием, которое может использоваться как в целях интеграции, так и для разжигания межнациональной ненависти. Стилистические средства играют ключевую роль в реализации персуазивной стратегии, которая активно используется как в миграционном, так и в политическом дискурсе в целом. Основными тактиками миграционного дискурса современных британских политиков являются противопоставление и обобщение, используемые как в про-, так и в антимиграционной риторике.

Ключевые слова: дискурс, социальная практика, миграционный дискурс, миграционная лингвистика, миграция, мигранты, стратегии, тактики, персуазивная стратегия, стилистические приемы, фигуры речи.

Для цитирования: Матвеева В. Н., Степанова Н. В. Прагматилистический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 143–161. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-143-161.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.06.2021; принята после рецензирования 28.06.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Pragmastic Analysis of Migration Discourse (Based on Speeches by British Politicians)

Vlada N. Matveeva, Nataliia V. Stepanova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉nathalie.tresjolie@icloud.com

Introduction. The present study examines the pragmastic potential of migration discourse based on the speeches of modern British politicians. The relevance of the chosen topic lies in the acute social specifics of migration discourse and its manipulative component. In today's world, migration processes have become global and their impact on the development of the host culture is becoming increasingly evident. There is still no established strategy for the integration of migrants into the new society, which creates a conflict environment and determines the hostility of the indigenous population towards migrants. Migration discourse as one of the directions of policy discourse becomes an effective tool for managing public opinion. Various persuasive tactics are incorporated in the speech of politicians using linguistic means, the use of which in the British migration discourse is considered in this article.

Methodology and sources. The key tasks of the study are to identify specific discursive tactics, by means of which the persuasive strategy is implemented in the British migration discourse, and to analyze the stylistic techniques used to design the discovered tactics. During the study, pragmastic analysis was used, the application of which involves referring to the following methods of linguistic research: the method of continuous sampling, quantitative, descriptive and comparative methods, the method of stylistic analysis, discursive analysis. The material of the study was the speeches of modern British politicians from 2004 to 2021.

Results and discussion. The analysis of migration discourse based on the texts of speeches by modern British politicians allows to talk about the stylistic saturation of the material and the main means of expressiveness used in the framework of the discourse under consideration. The main tactic of opponents of free migration is the comparison of "good/bad" migrants, which is actualized using antithesis. As for the lexical stylistic means, the use of the epithet should be specified, which is also a way of actualizing opposition tactics. Thus, this tactic is implemented both at the lexical and syntactic level. Similar tactics are also relevant in the framework of pro-migration rhetoric, namely, when comparing the local elite and the visiting population, which performs all the work necessary for the functioning of society. In most cases the main stylistic technique for tactics actualization is antithesis (or the convergence of antithesis and epithet). Proponents of pro-migration policies also use metaphor (tactics for describing the political process) and syntactic parallelism (tactics for describing the benefits of migration). Finally, the most common tactic inherent in both poles of migration discourse is the tactic of generalization. It consists in equating the speaker with his audience, their "fusion", and is most often actualized using hyperbola.

Conclusion. Migration discourse is characterized by an ideological orientation, which is actualized using certain speech techniques, tactics and strategies. Migration discourse, as a multifaceted entity, can also serve to harmonize social life by facilitating the integration of migrants into the host culture. Migration discourse is a powerful ideological weapon that can be used both to contribute to integration and to incite ethnic hatred. Stylistic tools play a key role in the implementation of a persuasive strategy, which is actively used both in migration and in political discourse in general. The main tactics of the migration discourse of modern British politicians are opposition and generalization, used both in pro- and anti-migration rhetoric.

Key words: discourse, social practice, migration discourse, migration linguistics, migration, migrants, strategies, tactics, persuasive strategy, stylistic techniques, speech figures.

For citation: Matveeva V. N., Stepanova N. V. Pragmastic Analysis of Migration Discourse (Based on Speeches by British Politicians). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 143–161. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-143-161 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06.2021; adopted after review 28.06.2021; published online 24.11.2021

Введение. К основным задачам настоящего исследования относятся: изучение особенностей миграционного дискурса, его функций и инструментария; подбор релевантного материала, позволяющего рассмотреть ключевые лингвостилистические характеристики миграционного дискурса; проведение анализа современного британского миграционного дискурса с выявлением основных стилистических средств, используемых британскими политиками в ходе актуализации дискурсивных тактик, способствующих реализации персуазивной стратегии.

Миграционный дискурс представляет собой вид социальной практики, сформированный под воздействием социальных структур, агентов, участников общественных процессов, и выраженный в виде речевой деятельности, включающей в себя как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты [1, с. 28]. Как и многие другие социальные практики, миграционный дискурс выступает в роли идеологического конструкта, формирующего отношение к мигрантам в том или ином обществе. Данная функция миграцион-

ного дискурса подразумевает наличие определенных лингвостилистических приемов, а также коммуникативных тактик и стратегий, используемых для формирования концепта «мигрант», который является центральным в рассматриваемом дискурсе [2, с. 56]. Миграция как ключевой концепт соответствующего дискурса рассматривается в качестве постоянного или временного процесса трансформации принимающего языка, зависящего от таких категорий, как пространство, время, мотивация, а также множества социокультурных факторов. Содержание концептов «мигрант» и «миграция» во многом определяет идеологическую картину в том или ином государстве в конкретный период. Их изучение, совмещенное с моделированием различных коммуникативных ситуаций, способно повысить эффективность межкультурного взаимодействия [3, с. 34–38]. Как и многие другие виды дискурса, понятие «миграционный дискурс» включает в себя такие универсальные категории, как целостность и логичность, развернутость и последовательность, завершенность, а также социологическую и этническую составляющие [4, с. 161]. В широком смысле в модель миграционного дискурса могут быть включены такие аспекты, как языковая безопасность и конфликтогенность, языковая адаптация мигрантов, лингвистическое сознание мигранта и носителя языка, а также их взаимная языковая агрессия [5]. Опираясь на данные показатели, можно разработать успешную языковую политику, способную снизить напряжение и неприязнь в рамках миграционного дискурса. Очевидным является факт тесной связи миграционного дискурса с политическим. В. И. Мукомель в своих исследованиях доказывает эту связь, выделяя такие подклассы миграционного дискурса, как дискурсы чиновников и публичных политиков [6].

Переходя от социологической сущности миграционного дискурса к его языковой составляющей, необходимо упомянуть, что в современной науке появился особый термин – «миграционная лингвистика». Данный раздел языкознания занимается изучением языковых изменений, вызванных разными аспектами миграционных процессов [7]. Меняя место жительства, мигранты часто сталкиваются с социокультурными противоречиями, и изучение нового языка играет большую роль в их преодолении. Считалось, что под воздействием новой культуры с ее обычаями и традициями сознание мигранта, в том числе и языковое, подвергается большим изменениям, однако то, что в языке принимающего государства также происходят преобразования, долгое время оставалось вне поля зрения ученых. Существовало мнение, что под воздействием миграционных процессов может изменяться речь, но не язык, однако современные исследования опровергают это мнение [8]. На сегодняшний день совершенно очевидным является тот факт, что под влиянием речи мигрантов необратимые процессы происходят и в языке принимающей культуры. Определяя роль миграционного дискурса в формировании языковой политики, С. В. Шустова полагает, что миграционный дискурс необходимо моделировать с учетом аспектов, позволяющих снизить конфликтогенность. С точки зрения исследовательницы, именно снижение уровня агрессии и напряжения является центральной задачей миграционной лингвистики. Также С. В. Шустова уточняет, что для получения эффективных результатов необходимо изучать миграционный дискурс как совокупность текстов, отражающих протекание процессов миграции, уделяя при этом особое внимание социальным агентам этих процессов и социально-культурным практикам обеих сторон [4, с. 157]. Подобной точки зрения придерживается и М. В. Дружинина, которая в своих работах отмечает «двусторонний поликультурный

и многоязычный характер» миграционных процессов. Она выделяет как положительные, так и отрицательные последствия данного явления. К числу положительных относятся возможность сотрудничества, обмен ресурсами, оперативное получение новых источников информации, внедрение инноваций и т. д. Рассматривая негативные последствия миграционного процесса, М. В. Дружинина подчеркивает возможную потерю национальной идентичности (которой можно избежать при проведении грамотной языковой и социокультурной политики), разжигание неприязни на фоне стремительной миграции, вспышки национализма, а также особо отмечает тенденцию к языковой экспансии, вызванную распространением английского языка [9, с. 102–103].

Центральным элементом миграционного дискурса является оппозиция «свой – чужой», вызванная инаковостью представителей мигрирующей этнической группы. Это противопоставление во многом определяет подчиненное положение мигранта в сравнении с представителями принимающего общества. Как и все незнакомое, миграция представляется коренному населению как явление, опасное для культурных, социальных, экономических и иных существующих норм [10]. Отдельное внимание следует уделить медийной стороне миграционного дискурса, представляющей поли- и интердискурсивное многогранное образование, находящееся на стыке многих типов дискурсов: не только политического, но и экономического, социального, педагогического и др. С точки зрения медийности дискурс об иммиграции в первую очередь характеризуется стремительными темпами развития в связи с растущей актуальностью проблемы [11]. Таким образом, ключевой задачей миграционной лингвистики является интеграция мигранта в принимающее общество. С этой точки зрения миграционный дискурс представляет собой инструмент интеграции, функционал которого определяется текущей языковой и миграционной политикой государства. В настоящее время можно наблюдать тенденцию к гармонизации процессов миграции и снижению их стихийности, продвигаемую при помощи различных государственных программ и мероприятий [10].

Методология и источники. Миграционный дискурс, как и многие другие виды дискурса, является манипулятивным по своей природе. Во многом это определяется его близостью с политическим дискурсом, основной стратегией которого является персуазивность. Тем не менее в рамках миграционного дискурса могут встречаться также оценочная, аргументативная, экспликативная и прочие стратегии [12, с. 40]. Главная задача настоящего исследования заключается в выявлении конкретных дискурсивных тактик, при помощи которых реализуется персуазивная стратегия, а также, возможно, иные, вспомогательные, стратегии, и в анализе стилистических приемов, применяемых для конструирования различных персуазивных тактик. В ходе исследования был использован прагмастилистический анализ, применение которого предполагает обращение к следующим частным методам лингвистического исследования: метод сплошной выборки, метод количественного анализа, описательный и сопоставительный методы, метод стилистического анализа, дискурсивный анализ. Основную исследовательскую сложность составил подбор материала для исследования, поскольку в настоящее время можно наблюдать тенденцию к стилистическому упрощению текстов публичных выступлений, официальных обращений и т. д. В связи с этим было необходимо отобрать наиболее показательные тексты, на материале которых можно проводить подобное исследование. В качестве материала для анализа реше-

но было выбрать тексты современных британских политиков (с 2004 по 2021 гг.), при этом основным критерием их пригодности являлась стилистическая насыщенность. Также при подборе материала учитывались такие факторы, как общественный отклик и четкость выражения авторской позиции, поскольку данные показатели необходимы для того, чтобы сделать выводы относительно тактик сторонников миграции и ее противников. В анализ включены тексты выступлений Прити Пател [13], Клаудии Вебб [14], Хайвела Уильямса [15], Афзала Кхана [16], Тома Ханта [17], Джереми Корбина [18], Дэвида Кэмерона [19–22], Терезы Мэй [23], Эда Милибэнда [24] и Майкла Говарда [25]. Суммарный объем отобранных для написания настоящей статьи текстов составляет свыше 30 страниц и представляется достаточным для проведения исследования и выявления соответствующих стилистических закономерностей. На первом этапе анализа материала был использован метод сплошной выборки, который позволил выявить стилистические приемы, присутствующие в тексте. Далее выявленные тропы и фигуры речи необходимо было классифицировать и подсчитать количество случаев употребления каждого стилистического приема. Для удобства результаты данного этапа представлены в виде ранжированной таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Результаты, полученные при помощи метода сплошной выборки
Table 1. Results obtained by means of the continuous sampling method

Стилистическое средство	Кол-во случаев употребления
Лексический повтор (включая анафору)	54
Эпитет	49
Антитеза	25
Синтаксический параллелизм	24
Метафора	12
Гипербола	9
Риторический вопрос	8
Градация	3
Литота	3
Эвфемизм	3
Парцелляция	3
Зевгма	2
Олицетворение	1

Результаты данного этапа показали, что более детальному анализу следует подвергнуть только те стилистические приемы, которые обладают относительно высокой встречаемостью в тексте. Сюда относятся такие тропы, как эпитет, метафора и гипербола, и такие фигуры речи, как лексический повтор, антитеза и синтаксический параллелизм. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в современном миграционном дискурсе британских политиков доминирует использование фигур речи, в то время как тропы выполняют в основном описательную функцию. Сделав общие выводы о функционировании миграционного дискурса в выбранном регионе, перейдем к более детальному разбору стилистических приемов с выявлением роли каждого из них в актуализации различных дискурсивных тактик.

Результаты и обсуждение.

Тропы в миграционном дискурсе. Согласно результатам исследования к числу наиболее распространенных тропов миграционного дискурса современных британских политиков

относятся эпитет, метафора и гипербола. Стоит отметить, что подсчитаны и проанализированы были только те эпитеты, которые использовались для описания мигрантов. Можно предположить, что при подсчете суммарного количества всех эпитетов данный троп оказался бы наиболее частотным. В проанализированных политических текстах для описания мигрантов были использованы следующие эпитеты (табл. 2).

Таблица 2. Эпитеты, используемые для описания мигрантов, и их встречаемость
Table 2. Epithets used to describe migrants and frequency of their use

Эпитет	Кол-во случаев употребления
vulnerable	15
low-skilled	5
best	3
brightest	3
genuine	3
key	2
Brilliant, demonized, displaced, distressed, dubious, fit, jobless, oppressed, persecuted, skilled, talented, the luckiest, the strongest, the wealthiest, underpaid, undervalued, unscrupulous, young	1

Наиболее частотным эпитетом, используемым для описания мигрантов, оказалось прилагательное «vulnerable», которое встретилось в рассмотренных текстах 15 раз. Данная лексическая единица имеет значение «уязвимый», «беззащитный», «незащищенный», что могло бы натолкнуть на мысль о ее использовании исключительно в промиграционном дискурсе. Тем не менее данное слово активно употребляется во всех контекстах, в том числе и в выступлениях политиков, не поддерживающих миграцию: «*The persistent failure to enforce our laws and immigration rules, with a system that is open to gaming by economic migrants and exploitation by criminals, is eroding public trust and disadvantaging vulnerable people who need our help*» [13]. – «Постоянная неспособность обеспечить соблюдение наших законов и иммиграционных правил в совокупности с системой, открытой для игр экономических мигрантов и эксплуатации преступниками, подрывает общественное доверие и ставит в невыгодное положение беззащитных людей, нуждающихся в нашей помощи». Данное предложение обнаруживает тенденцию к разделению мигрантов на «хороших» и «плохих», которая была многократно подтверждена при последующем разборе текстов. Рассматриваемый эпитет активно используется как в про-, так и в антимиграционном дискурсе, и в обоих случаях маркирует персуазивную стратегию. Приведем пример использования эпитета «vulnerable» в промиграционном контексте: «*That means that vulnerable individuals could face deportation while grieving for their loved one. Why wait until they die?*» [14] – «Это означает, что беззащитные люди могут столкнуться с депортацией, скорбя по своему близкому человеку. К чему ждать их смерти?». Примечателен тот факт, что в данном высказывании можно наблюдать конвергенцию приемов, а именно, одновременное использование эпитета и риторического вопроса, при помощи которых автор выступления стремится воздействовать на слушателя и убедить его в правильности своей позиции. Также в обоих приведенных примерах ответственность за происходящее частично возлагается на слушающего, что часто встречается при имплементации персуазивной стратегии. Достаточно частотным является и прилагательное «low-skilled», которое встретилось в анализируемых текстах пять раз. Стоит отметить, что в трех случаях

из пяти оно используется в выступлениях с промиграционной направленностью и является аллюзией к стереотипам о мигрантах. Это хорошо продемонстрировано в следующем примере: «*And it is not just health workers that matter so much – it is care workers, so shamelessly branded as low-skilled*» [15]. – «Колоссальное значение имеет для нас не только медицинский персонал, но и социальные работники, которых так бесстыдно заклеили как низкоквалифицированных». Особый исследовательский интерес представляет коллокация «the best and the brightest», которая встречается в анализируемых текстах три раза. В контексте она обыгрывается следующим образом: «*Let me be clear: none of these measures will stop us from rolling out the red carpet for the brightest and the best: the talented workers and brilliant students who are going to help Britain succeed*» [19]. – «Позвольте мне внести ясность: ни одна из этих мер не помешает нам расстелить красную дорожку перед лучшими и самыми выдающимися: талантливыми рабочими и блестящими студентами, которые помогут Великобритании преуспеть». В данном предложении также можно наблюдать конвергенцию приемов, а именно, использование метафоры и синонимического ряда из четырех эпитетов. Данный фрагмент миграционного дискурса продолжает традицию разделения мигрантов на «плохих» и «хороших», только при помощи иного критерия оценки: вместо тех мигрантов, которые находятся «в беде», «хорошими» становятся те, кто способен принести пользу государству. Пятое наиболее частотное прилагательное – «genuine», в своем использовании полностью идентично эпитету «vulnerable» и также применяется для разделения мигрантов на действительно уязвимых и тех, кто мигрирует в погоне за экономической выгодой.

Также достаточно активно в миграционном дискурсе применяется метафора. В ходе исследования было принято решение классифицировать данный троп с точки зрения его направленности (табл. 3).

Таблица 3. Классификация метафор по сфере их использования
Table 3. Classification of metaphors by their scope of use

Метафора	Сфера использования
...close this loophole...	Политика
...EU countries would come crawling to us with their prosecco and BMWs...	Политика
the Government's gymnastics	Политика
skyrocketed in cost	Политика
Fair play matters.	Политика
pull up the drawbridge	Политика
roll out the red carpet	Политика
play by the rules	Политика
keep society ticking	Мигранты
clog up the courts	Мигранты
get the red carpet treatment	Мигранты
a beacon of hope	Государство

Данная таблица хорошо демонстрирует закономерности в использовании метафоры в рамках миграционного дискурса. Наиболее часто метафора применяется для описания политических реалий (в восьми случаях), реже – для описания мигрантов и процессов миграции как таковых (в трех случаях). Это можно объяснить тем, что сложная структура

метафоры лучше соотносится со сложным устройством политики, в то время как для описания мигрантов целесообразно использовать менее комплексные стилистические средства, например, эпитет. Тем не менее для реализации метафоры в анализируемых текстах дважды используется один и тот же образ, а именно, «red carpet». Данное выражение задействовано в таких метафорах, как «roll out the red carpet» и «get the red carpet treatment», которые следует рассмотреть в контексте: «*We mustn't lock out talent – I want the best and brightest entrepreneurs, scientists and students from around the world to get the red carpet treatment*» [22]. – «Мы не должны закрываться от талантов – я хочу, чтобы перед лучшими и самыми выдающимися предпринимателями, учеными и студентами со всего мира расстелили красную дорожку». «*Let me be clear: none of these measures will stop us from rolling out the red carpet for the brightest and the best*» [19]. – «Позвольте мне внести ясность: ни одна из этих мер не помешает нам расстелить красную дорожку перед лучшими и самыми выдающимися». В приведенных примерах происходит одновременное использование метафоры и эпитета. Оба высказывания принадлежат одному политику – Дэвиду Кэмерону. Исходя из этого, можно сказать, что у Д. Кэмерона есть выработанная дискурсивная стратегия и собственный набор образных средств для получения поддержки аудитории.

Третьим наиболее значимым тропом в миграционном дискурсе современных британских политиков в рамках проведенного исследования является гипербола. Как и в случае с метафорой, было принято решение анализировать данный троп с точки зрения его направленности (табл. 4).

Таблица 4. Классификация гипербол по преувеличенному элементу тропа
Table 4. Classification of hyperboles by the exaggerated element of a trope

Гипербола	Объект гиперболизации
An economy that works for everyone...	Субъект
... controlling immigration isn't just a job for the Home Office – it's a job for health, employment, housing, education, business – everyone.	Субъект
Before I begin, I'm sure I speak for everyone at Conference...	Субъект
That means governing for every single person in Britain...	Субъект
A Britain that everyone is proud to call home.	Объект
All of us heard it.	Объект
We're not wasting a second.	Временной промежуток
Not in a thousand years.	Временной промежуток
obsessed with immigration	Качество объекта

Данная таблица демонстрирует, что гиперболизация чаще всего направлена на субъект и имеет обобщающий характер. Об этом свидетельствует использование местоимений «everyone» и «all of us», а также таких выражений, как «every single person». При помощи подобной генерализации осуществляется **персуазивная стратегия**, позволяющая создать **иллюзию единства со слушателем и убедить его в общности взглядов с оратором**. Дважды в проанализированных текстах встречается временная гипербола – «not wasting a second» и «not in a thousand years», отличительной чертой которой является наличие частицы «not».

В ходе анализа тропов миграционного дискурса современных британских политиков выяснилось, что при использовании тех или иных стилистических приемов в большинстве случаев осуществляется убеждающее воздействие на слушателя через создание эмоцио-

нально окрашенных образов. Эпитет используется преимущественно для реализации **тактики разделения мигрантов на «плохих» и «хороших»**, однако критерии, как было установлено, могут варьироваться. Метафора, в отличие от эпитета, в проанализированных текстах крайне редко используется для создания образной характеристики мигрантов, и ее основной задачей является воплощение **тактики описания политического процесса** в государстве. Третий по встречаемости троп, гипербола, в основном используется с целью генерализации, о чем говорит преобладание местоимений и конструкций с их участием. Подобное применение гиперболы направлено на актуализацию **тактики создания иллюзорной общности взглядов** между оратором и слушателем.

Теперь от рассмотрения тропов перейдем к исследованию синтаксических стилистических средств.

Фигуры речи в миграционном дискурсе. Общий анализ при помощи метода сплошной выборки показал, что синтаксические стилистические средства гораздо более распространены в рамках миграционного дискурса, чем тропы. Наиболее популярными фигурами речи в корпусе проанализированных текстов оказались: лексический повтор, антитеза и синтаксический параллелизм. В основном именно эти приемы придают выступлениям современных британских политиков стилистическую экспрессивность, поэтому дальнейший анализ будет сосредоточен на них.

По результатам исследования лексический повтор оказался самой распространенной фигурой речи и встретился в проанализированном материале 54 раза. Анафора является частным случаем лексического повтора, поэтому она также включена в данную категорию, и на нее приходится 11 случаев употребления данной фигуры речи. При анализе обнаруженных в тексте примеров лексического повтора было принято решение классифицировать их с точки зрения повторяемой части речи. Таким образом, были получены следующие данные (табл. 5).

Таблица 5. Классификация повторов по части речи и частота их употребления
Table 5. Classification of repetitions by the part of speech and frequency of their use

Часть речи	Кол-во случаев употребления
Существительное	22
Местоимение + глагол	11
Глагол	7
Местоимение	3
Прилагательное	3
Наречие	3
Существительное + глагол	2
Прилагательное + существительное	1
Частица	1
Числительное	1

Исходя из данной ранжированной таблицы можно сделать вывод, что наиболее повторяемая часть речи – имя существительное, которое, как правило, представлено ключевыми структурными элементами предложения – подлежащим и дополнением. При этом данная часть речи может повторяться как в рамках одного высказывания, так и на протяжении достаточно протяженного участка текста: «...immigration that has disproportionately affected our working-class **communities** in recent decades. These **communities** have seen the increased

pressure on...» [17] – «...иммиграция, которая непропорционально сильно повлияла на наши рабочие сообщества в последние десятилетия. Эти сообщества стали свидетелями возросшего давления на...» Так, например, в данном предложении повтору подвергается слово «communities», которое представляет собой собирательное существительное. Можно сказать, что повтор происходит в рамках одного высказывания, поскольку приведенные предложения можно соединить при помощи союзной связи без потери смысла. В данном случае автор высказывания ссылается на вред, который миграция приносит коренному населению, что является наиболее распространенным аргументом антимиграционной риторики. Лексический повтор активно используется и представителями противоположной стороны: «*It isn't migrants that drive down wages, it's exploitative employers and the politicians who deregulate the labour market and rip up trade union rights. It isn't migrants who put a strain on our NHS, it only keeps going because of the migrant nurses and doctors who come here filling the gaps left by politicians who have failed to invest in training. It isn't migrants that have caused a housing crisis; it's a Tory government that has failed to build homes*» [18]. – «Не мигранты снижают заработную плату, а эксплуатирующие работодатели и политики, которые дерегулируют рынок труда и нарушают права профсоюзов. Не мигранты создают нагрузку на нашу ГСЗ, она продолжает функционировать лишь благодаря медсестрам и врачам-мигрантам, которые приезжают сюда, занимая рабочие места, созданные политиками, не сумевшими инвестировать в образование местного населения. Не мигранты спровоцировали жилищный кризис, а консервативное правительство не смогло построить необходимое количество жилых зданий». Данное предложение интересно не только тем, что в нем используется частный случай лексического повтора – анафора, но также и тем, что в нем можно наблюдать конвергенцию синтаксических стилистических приемов – совмещение лексического повтора и антитезы. В данном случае ключевым элементом единоначалия является существительное «migrants», которое входит в состав отрицания. Наличие частицы «not» усиливает эффект антитезы, в то время как лексический повтор акцентирует внимание слушателя и дополнительно подчеркивает противопоставление.

Второй наиболее распространенной разновидностью данной фигуры речи является повтор сочетания «местоимение + глагол». Такой прием встречается в исследованных текстах 11 раз, при этом необходимо подчеркнуть, что он активно используется как в про-, так и в антимиграционной риторике: «*We will not sow division by fanning the flames of fear. We will tackle the real issues of immigration instead whatever the eventual outcome of the Brexit negotiations and make the changes that are needed. We will act decisively to end the undercutting of workers' pay and conditions through the exploitation of migrant labour and agency working which would reduce the number of migrant workers in the process. And we will ease the pressure on hard pressed public services – services that are struggling to absorb Tory austerity cuts, in communities absorbing new populations. <...> And we will add a citizenship application fee levy to boost the fund*» [18]. – «Мы не будем сеять раздор, раздувая пламя страха. Вместо этого мы займемся реальными проблемами иммиграции, независимо от конечного результата переговоров брексита, и внесем необходимые изменения. Мы будем действовать решительно, чтобы положить конец сокращению заработной платы и ухудшению условий труда, существующих за счет эксплуатации мигрантов и работы агентств, что приведет к сокращению числа трудящихся-мигрантов. И мы ослабим давление на перегруженные государственные службы – службы, которые изо всех сил пыта-

ются принять политику жесткой экономики консерваторов в регионах, принимающих новое население. <...> Также мы добавим налог за подачу заявления на гражданство, чтобы проспонсировать фонд». Данный отрывок текста вновь демонстрирует использование анафоры, которая позволяет удерживать внимание слушателя на одной идее в течение продолжительного времени. Можно сказать, что данный смысловой элемент представляет собой цепочку синонимичных высказываний, каждое из которых глубже раскрывает суть предыдущего. Примечательно, что приведенный фрагмент адресован сразу нескольким группам: коренному населению, мигрантам, политическим оппонентам. В первом предложении фрагмента можно также наблюдать метафорический перенос, что подтверждает идею о конвергенции стилистических приемов. Сходным образом используют лексический повтор и те политики, которые не поддерживают идею свободной миграции: *«To those who say Europe is about to be overwhelmed by refugees, I say less than twenty per cent of Europe's asylum seekers are from Syria, while nearly thirty per cent are from the Balkans. To those who say the answer to this challenge is more integration, I say look at the countries in Europe who signed up to Schengen but are now putting up fences and re-establishing border checks. To those who say the problem is too great for nation states to resolve themselves, I say it can only be resolved by nation states taking responsibility themselves – and protecting their own national borders»* [23]. – «Тем, кто утверждает, что Европа вот-вот будет переполнена беженцами, я отвечаю, что менее двадцати процентов европейских беженцев из Сирии, в то время как почти тридцать процентов – с Балкан. Тем, кто утверждает, что решением этой проблемы является интеграция, я отвечаю: посмотрите на страны Европы, которые подписались на Шенген, а сейчас пытаются оградиться и восстанавливают пограничный контроль. Тем, кто утверждает, что проблема слишком серьезна, и государства не смогут решить ее самостоятельно, я отвечаю, что проблема может быть решена, только если государства возьмут на себя ответственность и защитят свои собственные национальные границы». Данный пример представляет собой нетипичный случай двойного лексического повтора, объединенного с антитезой. При помощи глагола «say» автор проводит логические связи в высказывании и вокруг них выстраивает противопоставление, а единоначалие в данном случае дополнительно подчеркивает антитезу. Подобно предыдущему приведенному высказыванию, данный фрагмент дискурса соединяет в себе различные синтаксические стилистические средства.

Кроме лексического повтора в миграционном дискурсе современных британских политиков часто встречается антитеза, использование которой особенно важно, когда необходимо подчеркнуть **превосходство над политическим оппонентом или контраст между коренным населением и мигрантами**, что позволяет обеим противоборствующим сторонам активно использовать данную фигуру речи. Для наглядности все случаи употребления антитезы, выявленные в исследованных текстах, были классифицированы с точки зрения противопоставляемых элементов (табл. 6).

Таблица 6. Классификация антитез по противопоставляемым элементам и частота их употребления
Table 6. Classification of antitheses by contrasted elements and frequency of their use

Противопоставляемые элементы	Кол-во случаев употребления
«Хороший» мигрант / «плохой» мигрант	12
Элита / мигранты	8
Партии	3
Европа / Великобритания	2

Таким образом, наиболее распространенным случаем использования антитезы является актуализация **тактики противопоставления «хорошего» и «плохого» мигранта**, которое было отмечено еще на стадии анализа тропов. Очевидно, что подобное использование антитезы характерно исключительно для антимиграционной риторики: *«But to deliver this new approach to asylum, we need to distinguish carefully between **economic migrants** and **genuine refugees**»* [23]. – *«Но чтобы реализовать этот новый подход к предоставлению убежища, мы должны четко различать экономических мигрантов и настоящих беженцев»*. Данное высказывание представляет несомненный исследовательский интерес, поскольку в нем прослеживается семантическая разница между такими лексемами, как «migrants» и «refugees». Следует упомянуть, что наиболее частотной коллокацией с первым существительным является «illegal migrants», в то время как в сочетании со вторым словом чаще всего используются такие прилагательные, как «vulnerable» и «genuine». Кроме сопоставления мигрантов по принципу «нуждающийся»/«злоупотребляющий», встречаются также случаи их сравнения с точки зрения их потенциальной пользы для принимающего государства: *«Today's Bill gives us a power to continue to welcome into our country all **those who wish to make a positive contribution** to not just our economy but our society, while allowing us to say, "No," to **those whose impact is likely to be more dubious**»* [17]. – *«Данный законопроект дает нам право и дальше принимать в нашей стране всех тех, кто желает внести ценный вклад не только в нашу экономику, но и в наше общество. При этом мы вправе отказать тем, кто такого ценного вклада внести не может»*.

Кроме **тактики сопоставления мигрантов**, другой разновидностью антитезы в рассматриваемом дискурсе является **тактика сравнения местных элитарных слоев общества с приезжими и беженцами** (на подобное сравнение приходится восемь случаев антитезы). Учитывая распространенность данного приема в рассматриваемых текстах, можно сделать вывод о том, что обе продемонстрированные дискурсивные тактики, используемые в рамках персуазивной стратегии, также являются достаточно популярными в миграционном дискурсе. Следует отметить, что сфера применения антитезы «местная элита–беженцы» несколько менее однозначна, поскольку данный прием используют и приверженцы промиграционной политики: *«...the people who really keep our society ticking are **not billionaires or the super-rich but nurses, carers, cleaners, checkout attendants and many more essential frontline workers...**»* [14] – *«...люди, на которых действительно держится наше общество – это не миллиардеры или сверхбогачи, а медсестры, сиделки, уборщицы, кассиры и многие другие важные работники на передовой...»*. Данный пример особенно интересен тем, что небольшая категория местной элиты противопоставляется целому синонимическому ряду, описывающему мигрантов. Подобное использование антитезы подчеркивает разнообразие социальных ролей, занимаемых беженцами.

Наконец, третьей наиболее частотной фигурой речи в рассмотренном корпусе текстов является синтаксический параллелизм, который встречается в текстах 24 раза. Сразу следует отметить, что в большинстве случаев синтаксический параллелизм выступает в связке с другим синтаксическим стилистическим средством, чаще всего с лексическим повтором, использование которого усиливает действие параллельных конструкций: *«**We** rooted out abuse of the student visa system, and the **numbers** went down. **We** reformed family visas, and the **numbers** went down. **We** capped economic migration from outside the EU, and – despite the*

growing economy – the numbers remained stable» [23]. – «Мы искоренили злоупотребление системой студенческих виз, и показатели снизились. Мы реформировали семейные визы, и показатели снизились. Мы ограничили экономическую миграцию из-за пределов ЕС, и, несмотря на общее развитие экономики, показатели остались стабильными». В данном отрывке синтаксический параллелизм достигается при помощи лексического повтора местоимения «we» и существительного «numbers», при этом в случае с местоимением наблюдается единоначалие. Также можно говорить о наличии антитезы («numbers went down»/«numbers remained the same»), которая достаточно часто употребляется в связке с параллельными конструкциями. Тем не менее синтаксический параллелизм (СП) достигается не только при помощи лексического повтора. Ниже представлена таблица, отображающая способы конструирования параллелизма с указанием частотности их использования (табл. 7).

Таблица 7. Классификация способов построения синтаксического параллелизма и частота их употребления

Table 7. Classification of methods used to construct parallel syntax and frequency of their use

Способ конструирования СП	Кол-во случаев употребления
Повтор	17
Сходная грамматическая форма глагола	4
Синонимический ряд	2
Союзная связь	1

Конкретизируя сходные грамматические формы глагола, фигурирующие в роли параллельных элементов, следует упомянуть, что в большинстве случаев данную функцию выполняет герундий: «*So that's our stronger approach: **filling** the shortages with our own workers, **stopping** the exploitation of migrants that can push down wages and **making** sure that, through it all, we remain open to the world's best talent» [19]. – «И вот как выйдут более эффективная версия нашего подхода: заполнить дефицит нашими собственными работниками, прекратить эксплуатацию мигрантов, способную снизить уровень заработных плат, и, несмотря на все это, обеспечить нашу открытость для лучших мировых талантов». Приведенный пример демонстрирует синонимичность элементов параллельной конструкции, которая достаточно часто встречается при использовании данной фигуры речи. Также это предложение содержит в себе скрытую антитезу, вновь противопоставляя мигрантов по принципу их потенциальной пользы («we remain open to the **world's best talent»**).*

Таким образом, анализ наиболее частотных фигур речи показал, что активное использование синтаксических средств выразительности в основном направлено на классификацию мигрантов по тому или иному признаку. Вполне возможно, что это результат неприемлемости абсолютной антимиграционной политики, которая породила бы слишком много общественного возмущения. Тактика деления мигрантов на «плохих» и «хороших», «нужных» и «бесполезных», свойственная современной британской политической риторике, продвигает идею выборочной миграции. Обращаясь к тому, какими характеристиками обладают синтаксические стилистические средства, следует особенно отметить тесную взаимосвязь лексического повтора, антитезы и синтаксического параллелизма. Конвергенция данных фигур речи в рамках одного высказывания, несомненно, является мощным ин-

струментом воздействия на аудиторию и позволяет в полной мере реализовать персуазивную стратегию посредством соответствующих тактик.

Основной политической задачей миграционного дискурса является управление общественным мнением, которое реализуется преимущественно при помощи тактики сравнения коренного населения и мигрантов. Оппозиция «свой – чужой», так или иначе свойственная всем текстам, имеющим отношение к миграционному дискурсу, позволяет манипулировать общественным мнением и навязывать населению то или иное отношение к мигрантам. Тем не менее очень важно понимать, что манипулятивная составляющая миграционного дискурса не всегда направлена на разжигание ненависти и может быть успешно использована для интеграции мигрантов в принимающее общество и контроля враждебных настроений в конкретном социуме.

Исследование миграционного дискурса на материале текстов выступлений современных британских политиков позволяет говорить о стилистической насыщенности материала и основных средствах экспрессивности, используемых в рамках рассматриваемого дискурса. Анализ наиболее частотных тропов (эпитет, метафора, гипербола) и фигур речи (лексический повтор, антитеза, синтаксический повтор) позволяет сделать выводы о закономерностях их функционирования. Опираясь на результаты исследования, можно утверждать, что все средства в той или иной степени отражают манипулятивный характер дискурса, центральная задача которого состоит в управлении общественным мнением. Несмотря на то, что не было обнаружено существенной разницы между стилистическими средствами про- и антимиграционной риторики, есть некоторые особенности, которые удалось выявить. Так, основной **тактикой** противников свободной миграции является **сопоставление «хороший/плохой» приезжий**, которое актуализируется при помощи антитезы. В корпусе лексических стилистических средств следует отметить использование эпитета, который также является способом актуализации тактики противопоставления. Таким образом, данная тактика реализуется как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Сходная **тактика** актуализируется и в рамках промиграционной риторики, а именно, при **сопоставлении местной элиты и приезжего населения**, которое выполняет всю работу, необходимую для функционирования общества. В большинстве случаев применения **тактики сопоставления** основным стилистическим приемом ее актуализации является антитеза (или комбинация антитезы и эпитета). Также сторонники промиграционной политики используют такие рычаги давления на аудиторию, как метафора (**тактика описания политического процесса**) и синтаксический параллелизм (**тактика описания преимуществ миграции**). Наконец, наиболее распространенной тактикой, присущей обоим полюсам миграционного дискурса, является **тактика обобщения или генерализации**. Она заключается в **приравнении оратора к его аудитории**, их «сращении», и чаще всего воплощается при помощи гиперболы, для построения которой используются местоимения множественного числа или неопределенные местоимения.

Заключение. Несмотря на высокую степень абстракции, присущую термину «дискурс», все определения отсылают к представлению о дискурсе как об одном из видов социальной практики. Именно структуризация общественной жизни является основной задачей дискурса, определяющей его сущность. Миграционный дискурс – мощное идеологическое оружие, которое может использоваться как в целях интеграции, так и для разжи-

гания межнациональной ненависти. Стилистические средства играют ключевую роль в реализации персуазивной стратегии как в миграционном, так и в политическом дискурсе в целом. Основными тактиками миграционного дискурса современных британских политиков являются противопоставление и обобщение, используемые как в про-, так и в антимиграционной риторике. В дискурсе сторонников свободной миграции преобладает сопоставление мигрантов с политиками или местной элитой, в то время как для антимиграционной риторики свойственно противопоставление различных групп мигрантов. Генерализация преимущественно направлена на сплочение оратора с аудиторией и усиливает влияние других используемых тактик. Подводя итог, отметим, что потенциал данного исследования заключается в выявлении наиболее эффективных дискурсивных тактик, которые могли бы послужить одним из инструментов разработки успешной миграционной политики и снижения уровня агрессии в обществе. Выявленный инструментарий в виде конкретных средств и обобщенных тактик представляется перспективным с точки зрения гармонизации миграционных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Charaudeau P. *Langage et discours: éléments de sémiolinguistique*. Paris: Hachette, 1983.
2. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякиной, Е. В. Переверзевой, А. М. Амаатовой. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
3. Boyle P., Halfacree K., Robinson V. *Exploring contemporary migration*. London: Routledge, 2014.
4. Шустова С. В. Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы // *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 157–178.
5. Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2018. Т. 4, № 4. С. 29–41. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4.
6. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // *Россия реформирующаяся*. 2011. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-diskursy-o-migratsii-nulevye-gody> (дата обращения: 04.05.2021).
7. Костева В. М. Дискурсы миграции в лингвистике // *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 46–52.
8. Раренко М. Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 6: Языкознание. 2021. № 1. С. 37–43. DOI: 10.31249/ling/2021.01.02.
9. Дружинина М. В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики // *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 102–156.
10. Ламот Л. Г., Черноусова А. С. О книжном мире современного мигранта // *Миграционная лингвистика*. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-knizhnom-mire-sovremennogo-migranta> (дата обращения: 25.03.2021).
11. Сюткина Н. П., Черноусова А. С. Миграционный медийный дискурс: к постановке проблемы // *Миграционная лингвистика*. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyu-mediynuu-diskurs-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 25.03.2021).
12. Степанова Н. В. *Основы теории дискурса*. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
13. Patel P. 2021 Statement on the Government's Plan for Immigration // *Political Speech Archive*. 2021. 24 March. URL: <https://www.ukpol.co.uk/priti-patel-2021-statement-on-the-governments-plan-for-immigration/> (дата обращения: 05.03.2021).

14. Webbe C. 2020 Speech on the Immigration Bill // Political Speech Archive. 2020. 24 May. URL: <https://www.ukpol.co.uk/claudia-webbe-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (дата обращения: 04.03.2021).
15. Williams H. 2020 Speech on the Immigration Bill // Political Speech Archive. 2020. 24 May. URL: <https://www.ukpol.co.uk/hywel-williams-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (дата обращения: 04.03.2021).
16. Kahn A. 2020 Speech on the Immigration Bill // Political Speech Archive. 2020. 24 May. URL: <https://www.ukpol.co.uk/afzal-kahn-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (дата обращения: 04.03.2021).
17. Hunt T. 2020 Speech on the Immigration Bill // Political Speech Archive. 2020. 22 May. URL: <https://www.ukpol.co.uk/tom-hunt-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (дата обращения: 05.03.2021).
18. Corbyn J. Leader's speech, Liverpool 2016 // British Political Speech. 2016. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=363> (дата обращения: 06.04.2021).
19. Cameron D. PM speech on immigration // GOV.UK. 2015. 21 May. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-immigration> (дата обращения: 07.04.2021).
20. Cameron D. Leader's speech, Birmingham 2014 // British Political Speech. 2014. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=356> (дата обращения: 06.04.2021).
21. Cameron D. Leader's speech, Manchester 2013 // British Political Speech. 2013. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354> (дата обращения: 06.04.2021).
22. Cameron D. Leader's speech, Manchester 2011 // British Political Speech. 2011. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=313> (дата обращения: 06.04.2021).
23. May T. Speech to the Conservative Party Conference // Independent. 2015. 6 Oct. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-s-speech-conservative-party-conference-full-a6681901.html> (дата обращения: 08.04.2021).
24. Miliband E. Leader's speech, Manchester 2010 // British Political Speech. 2010. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=212> (дата обращения: 06.04.2021).
25. Howard M. 2005 Speech on Controlling the UK Borders // Political Speech Archive. 2021. 7 Feb. URL: <https://www.ukpol.co.uk/michael-howard-2005-speech-on-controlling-the-uk-borders/> (дата обращения: 06.04.2021).
26. Howard M. Leader's speech, Bournemouth 2004 // British Political Speech. 2004. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=150> (дата обращения: 07.04.2021).

Информация об авторах.

Матвеева Влада Николаевна – студентка (3 курс, бакалавриат) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Сфера научных интересов: критический дискурс-анализ, миграционный дискурс, медиадискурс, гендерная лингвистика. E-mail: vladamatveeva2000@icloud.com

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, медиадискурс, теория перевода. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

REFERENCES

1. Charaudeau, P. (1983), *Langage et discours: éléments de sémiolinguistique*, Hachette, Paris, FRA.
2. Van Dijk, T.A. (2013), *Diskurs i vlast': Reprerentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication], Transl. by Kozhemyakina, E.A., Pereverzeva, E.V. and Amatova, A.M., LIBROKOM, Moscow, RUS.

3. Boyle, P., Halfacree, K. and Robinson, V. (2014), *Exploring contemporary migration*, Routledge, London, UK.

4. Shustova, S.V. (2019), "Advertising Migrant and Anti-Migrant Discourses", *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices], Perm State University, Perm, RUS, pp. 157–178.

5. Zubareva, E.O. (2018), "Concept "MIGRANT" in migration discourse (on the material of a free associative experiment)", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 4, no. 4, pp. 29–41. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4.

6. Mukomel', V.I. (2011), "Russian Discourses on Migration: "Zero Years"", *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], no. 10, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-diskursy-o-migratsii-nulevye-gody> (accessed 04.05.2021).

7. Kosteva, V.M. (2019), "Migration Discourses in Linguistics", *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices], Perm State University, Perm, RUS, pp. 46–52.

8. Rarenko, M.B. (2021), "Migration linguistics and its place in modern linguistic research", *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics*, no. 1, pp. 37–43. DOI: 10.31249/ling/2021.01.02.

9. Druzhinina, M.V. (2019), "On the role of the university's language educational policy in the development of migration policy", *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices], Perm State University, Perm, RUS, pp. 102–156.

10. Lamot, L.G. and Tschernousova, A.S. (2019), "To the Issue of the Book World of a Modern Migrant", *Migration linguistics*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-knizhnom-mire-sovremennogo-migranta> (accessed 25.03.2021).

11. Syutkina, N.P. and Chernousova, A.S. (2020), "On the Issue of the Development of Migration Linguistics", *Migration linguistics*, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-mediynny-diskurs-k-postanovke-problemy> (accessed 25.03.2021).

12. Stepanova, N.V. (2017), *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory], ETU Publishing house, SPb., RUS.

13. Patel, P. (2021), "2021 Statement on the Government's Plan for Immigration", *Political Speech Archive*, 24 March, available at: <https://www.ukpol.co.uk/priti-patel-2021-statement-on-the-governments-plan-for-immigration/> (accessed 05.03.2021).

14. Webbe, C. (2020), "2020 Speech on the Immigration Bill", *Political Speech Archive*, 24 May, available at: <https://www.ukpol.co.uk/claudia-webbe-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (accessed 04.03.2021).

15. Williams, H. (2020), "2020 Speech on the Immigration Bill", *Political Speech Archive*, 24 May, available at: <https://www.ukpol.co.uk/hywel-williams-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (accessed 04.03.2021).

16. Kahn, A. (2020), "2020 Speech on the Immigration Bill", *Political Speech Archive*, 24 May, available at: <https://www.ukpol.co.uk/afzal-kahn-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (accessed 04.03.2021).

17. Hunt, T. (2020), "2020 Speech on the Immigration Bill", *Political Speech Archive*, 22 May, available at: <https://www.ukpol.co.uk/tom-hunt-2020-speech-on-the-immigration-bill/> (accessed 05.03.2021).

18. Corbyn, J. (2016), "Leader's speech, Liverpool 2016", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=363> (accessed 06.04.2021).

19. Cameron, D. (2015), "PM speech on immigration", *GOV.UK*, 21 May, available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-immigration> (accessed 07.04.2021).

20. Cameron, D. (2014), "Leader's speech, Birmingham 2014", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=356> (accessed 06.04.2021).

21. Cameron, D. (2013), "Leader's speech, Manchester 2013", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354> (accessed 06.04.2021).

22. Cameron, D. (2011), "Leader's speech, Manchester 2011", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=313> (accessed 06.04.2021).

23. May, T. (2015), "Speech to the Conservative Party Conference", *Independent*, 6 Oct., available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-s-speech-conservative-party-conference-full-a6681901.html> (accessed 08.04.2021).

24. Miliband, E. (2010), "Leader's speech, Manchester 2010", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=212> (accessed 06.04.2021).

25. Howard, M. (2021), "2005 Speech on Controlling the UK Borders", *Political Speech Archive*, 7 Feb., available at: <https://www.ukpol.co.uk/michael-howard-2005-speech-on-controlling-the-uk-borders/> (accessed 06.04.2021).

26. Howard, M. (2004), "Leader's speech, Bournemouth 2004", *British Political Speech*, available at: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=150> (accessed 07.04.2021).

Information about the authors.

Vlada N. Matveeva – Student (3 year, bachelor) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. Area of expertise: critical discourse analysis, migration discourse, media discourse, gender linguistics. E-mail: vladamatveeva2000@icloud.com

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis, media discourse, stylistics, translation theory. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

Виды и функции повторов в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта

Н. С. Татаринцев✉

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ darion317@gmail.com

Введение. Вопросы авторского идиостиля, средств и способов построения индивидуальной авторской художественной картины мира всегда находились в фокусе внимания исследователей. Объектом рассмотрения данной статьи являются рассказы Г. Ф. Лавкрафта, относимые к литературе ужасов. Предметом исследования выступает повтор, играющий в художественном тексте особую роль как средство художественной экспрессии. Актуальность проводимого исследования связана с интересом к рассмотрению функциональных аспектов художественного текста в целом и к творчеству Г. Ф. Лавкрафта в частности, поскольку жанр литературы ужасов является одним из самых востребованных в современном обществе. Цель данного исследования – выявление наиболее продуктивных видов повторов и их прагматических функций в рассказах этого автора.

Методология и источники. Основным выступает метод функционально-стилистического анализа повторов, дополненный количественным методом. Материалом исследования послужили следующие произведения Лавкрафта: «Dagon», «Beyond the Wall of Sleep», «The Music of Erich Zann», «The Other Gods», «The Hound», «The Rats in the Walls», «The Call of Cthulhu», «The Descendant», «The Dunwich Horror».

Результаты и обсуждение. Повтор является значимым элементом идиостиля Г. Ф. Лавкрафта. В анализируемых произведениях повторы представлены в различных вариантах: простые дословные повторы (контактные и дистанционные), повторы-подхваты, кольцевые повторы, синонимические, синтаксические (лексико-синтаксический параллелизм). Лексико-семантический анализ повторов показал, что наиболее частотными единицами в рассказах Г. Ф. Лавкрафта являются такие лексемы, как «old» (125), «night» (95), «great» (85), «strange» (62), «gods» (48), «horror» (48). Их повторяемость обусловлена желанием автора создать чувство «космического страха», выделить темы древнего и скрытого зла с «божественными» силами. Функциональный анализ показал, что чаще всего повторы используются для выделения наиболее важных элементов текста (прагматическое фокусирование), передачи эмоциональных состояний героев, создания соответствующей эмоциональной атмосферы (ужаса, страха), а также ритмической организации и стилистического подражания религиозному дискурсу.

Заключение. Повтор как стилистическая фигура является важным приемом прагматического фокусирования, значимым элементом авторского идиостиля Г. Ф. Лавкрафта, выступающим в различных структурных вариациях и выполняющим множество функций.

Ключевые слова: лексический повтор, семантический повтор, синтаксический параллелизм, стилистический прием, стилистическая функция, Г. Ф. Лавкрафт, литература ужаса.

© Татаринцев Н. С., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Татаринцев Н. С. Виды и функции повторов в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 162–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-162-173.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 11.05.2021; принята после рецензирования 07.06.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Types and Functions of Repetition in the Works of Howard Phillips Lovecraft

Nikita S. Tatarincev✉

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

✉darion317@gmail.com

Introduction. Issues of the author's writing style, means and methods of constructing an individual author's artistic picture of the world have always been in the focus of attention of researchers. The object of this paper is H. P. Lovecraft's stories, which are part of horror literature. The subject of the paper is repetition, which plays a special role in a literary text as a means of artistic expression. Conducting research is relevant for several reasons, like interest in the consideration of the functional aspects of the literary text as a whole, or to H. P. Lovecraft's works in particular, as the horror genre of literature is one of the most popular in modern society. The purpose of this study is to identify the most productive types of repetitions and their pragmatic functions in the H. P. Lovecraft's stories.

Methodology and sources. General methods of this research are functional analysis of repetitions, supplemented by the quantitative method. Repetitions used in the stories are separated and analyzed based on their following functions: pragmatic focus, emotivity and rhythmization. The material of the study was the following works of the author: "Dagon", "Beyond the Wall of Sleep", "The Music of Erich Zann", "The Other Gods", "The Hound", "The Rats in the Walls", "The Call of Cthulhu", "The Descendant", "The Dunwich Horror".

Results and discussion. Repetition is a significant element of H.P. Lovecraft's writing style. In the analyzed works, repetitions are presented in various types: simple verbatim repetitions (contact and remote), anadiplosis, epanalepsis, synonymous, syntactic (lexical and syntactic parallelism). Lexico-semantic analysis of repetitions showed that the most frequent units in H.P. Lovecraft's stories are such lexemes as "old" (125), "night" (95), "great" (85), "strange" (62), "gods" (48), "horror" (48). Their use can be attributed to the author's desire to create a sense of "cosmic fear", to highlight the themes of ancient and hidden evil with "divine" forces. Functional analysis has shown that repetitions are most often used to highlight the most important elements of the text (pragmatic focus), convey the emotional states of the characters, create an appropriate emotional atmosphere (horror, fear), as well as rhythmic organization and stylistic imitation of religious discourse.

Conclusion. Repetition as a stylistic figure is an important technique of pragmatic focusing and a significant element of the H.P. Lovecraft's writing style, emerging in various structural variations and performing many functions.

Key words: lexical repetition, semantic repetition, syntactic parallelism, stylistic device, stylistic function, H. P. Lovecraft, horror fiction.

For citation: Tatarincev N. S. Types and Functions of Repetition in the Works of Howard Phillips Lovecraft. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 162–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-162-173 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 11.05.2021; adopted after review 07.06.2021; published online 24.11.2021

Введение. Лексический повтор понимается как намеренное повторение слова, словосочетания или предложения как в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца), так и в более крупных единицах коммуникации. Лексический повтор используется в качестве экспрессивного стилистического средства, широко применяемого в поэзии, драматическом тексте и в разговорной речи. Он представляет собой важное структурное и смысловое средство, организующее художественное произведение и придающие лексическим единицам новые интерпретации [1, 2].

По И. Р. Гальперину, лексический повтор как стилистический прием представляет собой «типизированное обобщение имеющегося в языке средства выражения возбужденного состояния, которое, как известно, выражается в речи различными средствами, зависящими от степени и характера возбуждения» [1, с. 258]. В разговорной речи стилистические функции повтора раскрываются через взаимосвязь с контекстом. Повторы реплик в диалоге необходимы для выражения экспрессивно-окрашенной реакции говорящего на сказанное (удивление, радость, удовлетворение, различные оттенки отрицательной реакции), а при повторе единичного высказывания – для эмоционального и логического усиления [1, 3].

Кроме экспрессивной функции, повтор рассматривается как способ выражения идеи произведения или как средство прагматического фокусирования. И. В. Арнольд выделяет функцию повтора как приема, позволяющего выделить главную идею или тему текста. Чередование серий лексических повторов может соответствовать какому-либо эмоциональному или сюжетному мотиву, выделяя отдельно значимые элементы из текстового полотна произведения. Повтор рассматривается не только как формально-языковая категория на уровне слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, но и как содержательная категория, на уровне функционирования повторяющихся в тексте мотивов, образов и символов [4, 5].

Среди текстообразующих функций выделяют еще ряд вторичных, но не менее важных. Буквальный лексический повтор может придавать ритм и динамику изложения фабулы произведения [6].

Произведения Г. Ф. Лавкрафта написаны в жанре литературы ужаса, интенцией автора было использование всех языковых средств для создания пугающих художественных образов. Критики и читатели отмечали его произведения за экспрессивность и уникальные эстетические характеристики, которые отличали писателя от современников. Его рассказы часто наполнены эффектными образами пугающего и безразличного космоса и его обитателей. Г. Ф. Лавкрафт видел Вселенную ужасной. Именно этот взгляд на ее природу он пытался выразить в своих произведениях. Необъятная Вселенная как подавляющий символ ужаса полностью захватила его воображение и существование. Некое «неизвестное», что является ее частью, трактуется как враждебная сила и содержит разнообразные угрозы, которые человечество пытается игнорировать. Г. Ф. Лавкрафт использует религиозный, социальный и физический упадок как свидетельство того, что мир стремится к насильственному и разрушительному концу. Скрытые ордены и культы, желающие выпустить злое

божество, являются угрозой, с которой персонажи его произведений сталкиваются по воле случая [7, 8].

В его произведениях наблюдается неподдельный интерес к определенному религиозному течению – миллениализму. Однако перспективы человечества сильно отличаются от его традиционной трактовки. Художественная литература Г. Ф. Лавкрафта также фокусируется на моральном упадке, но вместо надежды на спасение, его персонажи приходят к неизбежному пониманию того, что возвращение древних богов приведет к хаосу или полному разрушению Земли. Сосредотачиваясь на раскрытии описанных тем, его творчество можно назвать уникальным и за совмещение различных литературных жанров. Для передачи «космического ужаса» он пользовался традициями жанров ужаса (хоррора), мистики, фэнтези и научной фантастики. Такое смешение выделяется некоторыми современными исследователями в отдельный поджанр – «лавкрафтовские ужасы» [8, 9].

Методология и источники. В современном языкознании стилистический анализ связывают с исследованием прагматической функции. Он рассматривает каждый отдельный элемент в его связях и отношениях с другими элементами, системой языка и всей структурой художественного текста. Стилистический анализ также должен учитывать синтагматические и парадигматические связи [4].

В современных исследованиях в области семантики и прагматики термин «прагматическое фокусирование» (также известен как «выдвижение», «актуализация», «фокализация») связан с понятием фокуса, или акцента, где некий изображаемый предмет смещается в текстовом пространстве, делая его более значимым в текстовой системе. Прагматическое фокусирование опирается на внимание и интерес читателя: «обеспечивает “остановку” читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознания» [10, с. 198].

Трактовку экспрессивной (эмотивной) функции связывают с передачей эмоционального состояния говорящего, со способностью выражать субъективное отношение к предметам и явлениям [4]. Экспрессивная функция является одной из основных в создании атмосферы, в нашем случае в создании атмосферы «космического ужаса», к которой старался привести читателя Г. Ф. Лавкрафт [11].

Многообразие повторов может служить важным средством связи внутри текста. Как средство ритмизации текста повторы используются чаще в поэзии. Ритмизация в прозе основана на повторе образов, тем и других крупных элементов текста, на параллельных конструкциях, употреблении предложений с однородными членами. Ритм наблюдается через равномерное чередование соизмеримых элементов, он может не только относиться к эмоциональной сфере, но подчеркнуть ход мысли автора [4].

Результаты и обсуждение. В рассказах Г. Ф. Лавкрафта повторы являются продуктивным стилистическим приемом, воссоздающим среди прочего атмосферу ужаса и страха. Например, исследователями была выявлена достаточно высокая повторяемость таких лексических единиц, как «hideous» (260), «nameless» (157) или «madness» (115) [12], выступающих своего рода координатами художественного мира Лавкрафта.

Проведенный нами количественный анализ показал, что наиболее повторяемыми в указанных рассказах стали такие прилагательные, как «old» (125), «great» (85), «strange» (62), «hideous» (34), «ancient» (43), «dark» (43); такие существительные, как «beyond» (38),

«unknown» (38), «fear» (33), «gods» (48), «cult» (41), «horror» (48). Благодаря этим повторам на первый план выдвигается недружелюбная атмосфера «космического страха». Можно отметить, что повторение существительного «night» (95) почти в два раза превышает повтор лексемы «day» (56) как следствие интенции автора в создании мрачной атмосферы.

Повтор как стилистический прием осуществляется на различных уровнях текста и в виде различных единиц речи. Повторы могут быть классифицированы как лексический, синонимический, корневой, синтаксический и другие виды [1]. В проанализированных нами текстах были выявлены разнообразные виды повторов:

– простой контактный: «*For three days they climbed higher, higher, and higher toward the roof of the world; then they camped to wait for the clouding of the moon*» (The Other Gods, 1921);

– простой дистанционный: «*Was I tottering on the brink of cosmic horrors beyond man's power to bear? If so, they must be horrors of the mind alone...*» (The Call of Cthulhu, 1926);

– анадиплосис (подхват): «*There in the narrow hall, outside the bolted door with the covered keyhole, I often heard sounds which filled me with an indefinable dread – the dread of vague wonder and brooding mystery*» (The Music of Erich Zann, 1921);

– кольцевой: «*He did not employ the music-rack, but offering no choice and playing from memory, enchanted me for over an hour with strains I had never heard before; strains which must have been of his own devising*» (The Music of Erich Zann, 1921);

– синонимический: «*And then I thought I heard a shriller, steadier note that was not from the viol; a calm, deliberate, purposeful, mocking note from far away in the west*» (The Music of Erich Zann, 1921);

– синтаксический параллелизм: «*Chords, vibrations, and harmonic ecstasies echoed passionately on every hand; while on my ravished sight burst the stupendous spectacle of ultimate beauty. Walls, columns, and architraves of living fire blazed effulgently around the spot where I seemed to float in air; extending upward to an infinitely high vaulted dome of indescribable splendor*» (Beyond the Wall of Sleep, 1919).

Таким образом, можно отметить вариацию различных видов повторов. Автор не ограничивается лексическими повторами, используя в своих рассказах как семантические, так и синтаксические. Также лексические повторы представлены в различных композиционных формах, среди которых можно выделить анадиплосис или кольцевой повтор.

Функции повторов часто выявляются в контексте конкретного высказывания [1]. Выделим функции повтора, участвующие в реализации чувства «космического страха»: повтор как средство прагматического фокусирования, повтор как средство создания атмосферы и повтор как средство ритмической организации. Рассмотрим примеры использования повторов в перечисленных функциях.

1. Повтор как средство прагматического фокусирования:

«*They must know it was the rats; the slithering, scurrying rats whose scampering will never let me sleep; the daemon rats that race behind the padding in this room and beckon me down to greater horrors than I have ever known; the rats they can never hear; the rats, the rats in the walls*» (The Rats in the Walls, 1923).

Данный пример представляет собой финальный монолог персонажа, в котором повтор (*the rats*) выступает как способ акцентирования одного из основных элементов рассказа –

видения и галлюцинации полчищ крыс, бегающих в пространствах между стенами. Само слово присутствует в рассказе 30 раз.

«*The way was rocky, and made perilous by chasms, cliffs, and falling stones. Later it grew cold and snowy; and Barzai and Atal often slipped and fell as they hewed and plodded upward with staves and axes*» (The Other Gods, 1921).

Повтор фокусирует внимание читателя на тематических и эстетических элементах. На первый план выдвигаются элементы мира (*chasms, cliffs, and falling stones*), рисующие картину безжизненного и непроходимого окружения. В самом рассказе восхождение на гору Хатег-Кла представляется основным испытанием и центральным местом истории.

«*A cold shudder ran through natives and visitors alike, and every ear seemed strained in a kind of instinctive, unconscious listening*» (The Dunwich Horror, 1928).

Прагматическая фокусировка в данном примере сосредотачивается на аудиальном восприятии (*instinctive, unconscious*) персонажей, воспринимающих раздающиеся звуки как предзнаменование беды.

«*The old man would not live up to his aspect and manner, but would feign a smile and a light tone and prattle feverishly and frantically of cheerful trifles; his voice every moment rising and thickening till at last it would split in a piping and incoherent falsetto*» (The Descendant, 1926).

Повтор выделяет особенности поведения персонажей (*feverishly and frantically*), образ персонажа строится на контрасте между его высоким происхождением, манерой речи и резкой сменой интонаций в разговоре, в совокупности представляя непостоянного и нервного персонажа.

«*I remarked, as I say, their grotesqueness and strange size*» (Dagon, 1917). / «*Around that unforgettable rodent army a whole separate cycle of myths revolves, for it scattered among the village homes and brought curses and horrors in its train*» (The Rats in the Walls, 1923).

Данные примеры демонстрируют проработку художественных образов прошлого со слов персонажей произведений. Описания получают слегка гиперболизированные детали, а повтор служит для усиления чувства неприятия перед такими образами. Например, как в виде образа древнего артефакта – статуи с барельефом (*grotesqueness and strange*), так и в виде местных легенд и преданий (*curses and horrors*).

«*He did not employ the music-rack, but offering no choice and playing from memory, enchanted me for over an hour with strains I had never heard before; strains which must have been of his own devising*» (The Music of Erich Zann, 1921).

В данном примере внимание читателя задерживается на необычайной музыке Эриха Цанна (*strains I had never heard before*), способной влиять на окружающую реальность, что является одной из главных тем рассказа.

«*Gabinius had, the rumour ran, come upon a cliffside cavern where strange folk met together and made the Elder Sign in the dark; strange folk whom the Britons knew not save in fear, and who were the last to survive from a great land in the west that had sunk, leaving only the islands with the raths and circles and shrines of which Stonehenge was the greatest*» (The Dunwich Horror, 1928).

Как и в предыдущем примере, такие повторения (*strains, strange*) появляются в качестве развернутой авторской ремарки, выделяя в данном случае фольклорные традиции жителей

небольшого города (*strange folk met together and made the Elder Sign*), чьи предки вступали в контакт с некими «Древними» – таинственными полубожественными существами.

«*Of such great powers or beings there may be conceivably a survival ... a survival of a hugely remote period when ... consciousness was manifested, perhaps, in shapes and forms long since withdrawn before the tide of advancing humanity...*» (The Call of Cthulhu, 1926).

Благодаря анадиплосису (*a survival*) в цитате, открывающей произведение, выделяется мотив «выживания». Дается более подробный комментарий, раскрывающий одну из важных тем данного рассказа – господство мифических созданий на Земле, присутствовавших задолго до человеческой цивилизации.

«*...for instead of describing any definite structure or building, he dwells only on broad impressions of vast angles and stone surfaces – surfaces too great to belong to any thing right or proper for this earth, and impious with horrible images and hieroglyphs*» (The Call of Cthulhu, 1926).

Данный пример задерживает внимание читателя на характеристиках обнаруженных конструкций (*stone surfaces*). Искривленная геометрия и массивность данных конструкций уподобляет их городу. Их вид производит неизгладимое впечатление на капитана корабля. В записях капитана придается особое значение масштабам и неестественности окружения, что отмечает и протагонист рассказа, читающий его журнал.

2. Повтор как средство создания атмосферы:

«*For three days they climbed higher, higher, and higher toward the roof of the world; then they camped to wait for the clouding of the moon*» (The Other Gods, 1921).

Благодаря последовательным повторам (*higher*) ощущение повествования растягивается, выступая также как прием нарастания, увеличивает силу высказывания и передает психологическое напряжение протагониста рассказа. В данном примере он помогает описать гору, восхождение по которой кажется верной смертью.

«*His room is filled with books of the tamest and most puerile kind, and hour after hour he tries to lose himself in their feeble pages*» (The Descendant, 1926).

Повторение одних и тех же единиц (*hour after hour*) является средством создания портрета персонажа, отмечает изолированность его существования. Рассказ, центром которого является оккультный манускрипт, представляет одного из персонажей – бывшего ученого, потомка древнего рода, а ныне «безвредного безумца», отягощенного запретными знаниями.

«*Louder and louder, wilder and wilder, mounted the shrieking and whining of that desperate viol*» (The Music of Erich Zann, 1921). / «*Now, as the baying of that dead, fleshless monstrosity grows louder and louder, and the stealthy whirring and flapping of those accursed web-wings circles closer and closer, I shall seek with my revolver the oblivion which is my only refuge from the unnamed and unnamable*» (The Hound, 1922).

Повторение пар (*louder and louder* или *wilder and wilder*) выделяет напряженность ситуации, отражает смену динамики в атмосфере произведений. Приближая читателя к кульминационной точке, повтор фокусируется на эмоциональной эскалации и паническом эффекте.

«*I have said that the unbroken monotony of the rolling plain was a source of vague horror to me; but I think my horror was greater when I gained the summit of the mound and looked*

down the other side into an immeasurable pit or canyon, whose black recesses the moon had not yet soared high enough to illumine» (Dagon, 1917).

В данном примере повтор (*horror*) передает ощущения персонажа, который пересказывает события прошлого и пытается сопоставить свои воспоминания о странном острове, поднявшемся из глубин. Несмотря на то, что до этого протагонист провел в море несколько дней, дрейфуя на шлюпке, неизвестный остров производит на него неприятное впечатление.

«Was I tottering on the brink of cosmic horrors beyond man's power to bear? If so, they must be horrors of the mind alone...» (The Call of Cthulhu, 1926).

Повтором (*horror, horrors*) выделяются ощущения персонажей, рассказывающих о произошедших событиях. Он помогает верно передать впечатления и неустойчивое эмоциональное состояние персонажей: они не могут точно описать источник этого «ужаса», но даже кратковременное знакомство с древними богами, местами или знаниями оставляют мрачное впечатление.

«There in the narrow hall, outside the bolted door with the covered keyhole, I often heard sounds which filled me with an indefinable dread – the dread of vague wonder and brooding mystery» (The Music of Erich Zann, 1921).

Повтор (*dread*) помогает создать нужное настроение, передать атмосферу и описать аудиальные впечатление протагониста. Звук, который услышал герой рассказа, впоследствии станет для него предметом одержимости. Многие элементы художественного мира Г. Ф. Лавкрафта производят неизгладимое впечатление на персонажей рассказа. Объектам и явлениям придается почти инопланетное значение. Этим звукам, вещам, постройкам или существам нет аналогов на Земле.

«And then I thought I heard a shriller, steadier note that was not from the viol; a calm, deliberate, purposeful, mocking note from far away in the west» (The Music of Erich Zann, 1921).

В этом примере повтор подчеркивает эмоциональную напряженность ситуации (*calm, deliberate, purposeful*), создается ощущения беспокойства и неопределенности благодаря акцентированию на незнакомых аудиальных образах, о происхождении которых раздумывает персонаж. Аудиальные образы в данном рассказе являются наиболее экспрессивными.

«Dazed and frightened, yet not without a certain thrill of the scientist's or archaeologist's delight, I examined my surroundings more closely» (Dagon, 1917).

Парный синоним (*dazed and frightened*) используется для создания контраста в ощущениях персонажа. Протагониста охватывает ощущение страха перед незнакомыми конструкциями, которые кажутся ему не совсем рукотворными. Но при этом его одолевает любопытство (*yet not without a certain thrill*) перед столь чужим окружением.

«Chords, vibrations, and harmonic ecstasies echoed passionately on every hand; while on my ravished sight burst the stupendous spectacle of ultimate beauty. Walls, columns, and architraves of living fire blazed effulgently around the spot where I seemed to float in air; extending upward to an infinitely high vaulted dome of indescribable splendour» (Beyond the Wall of Sleep, 1919).

Протагонист рассказа, погрузив себя в состояние сна при помощи специального аппарата, передает свои ощущения. При этом повтор меняет привычный ход повествования, отделяя данный опыт осознанного сновидения от более традиционного повествования. Сменяющиеся образы (*Walls, columns, and architraves*), полностью меняющееся сенсорное восприятие протагониста (*Chords, vibrations, and harmonic*) меняет все текстовое полотно. Видения разделяются на небольшие фрагменты, которые дополняются вставками (*while on my ravished sight, extending upward to an infinitely*), более детально описывающими его состояние.

3. Повтор как средство ритмической организации, как прием стилизации под проповедь:

«The other gods! The other gods! The gods of the outer hells that guard the feeble gods of earth! ... Look away! ... Go back! ... Do not see! ... Do not see! ... The vengeance of the infinite abysses ... That cursed, that damnable pit ... Merciful gods of earth, I am falling into the sky!» (The Other Gods, 1921).

Повтор (*The other gods; Do not see!; gods of earth*) разделяет текстовое полотно, выделяя фрагменты прямой речи, задавая определенный ритм монолога персонажа, трансформируя текст в проповедь.

«I have heard the gods! I have heard earth's gods singing in revelry on Hatheg-Kla! The voices of earth's gods are known to Barzai the Prophet! The mists are thin and the moon is bright, and I shall see the gods dancing wildly on Hatheg-Kla that they loved in youth! The wisdom of Barzai hath made him greater than earth's gods, and against his will their spells and barriers are as naught; Barzai will behold the gods, the proud gods, the secret gods, the gods of earth who spurn the sight of men!» (The Other Gods, 1921).

Как в предыдущем, так и в этом примере повтор помогает выразить определенное психическое состояние говорящего, подобное экстазу (*I have heard the gods!; the gods*), что отражается яркой эмоциональной экспрессивностью, также выраженной знаками препинания. Частотность употреблений такой лексемы, как «god» (18) и ее производной «gods» (48), служит для организации всех отдельных абзацев в целое, а также усиливает эмоциональную и смысловую связь между предложениями.

«...The Old Ones were, the Old Ones are, and the Old Ones shall be. Not in the spaces we know, but between them, They walk serene and primal, undimensioned and to us unseen» (The Dunwich Horror, 1928).

Повтор (*the Old Ones*) помогает задать ритм высказыванию и стилизовать найденные протагонистами древние записи под религиозные тексты. Упоминаемые «Древние» представляют многообразие различных могущественных мифологических существ. Само словосочетание *Old Ones* упоминается в исследуемых рассказах 15 раз, благодаря чему отдельные рассказы Г. Ф. Лавкрафта пересекаются в одном мотиве – скрытое присутствие «Древних» на Земле.

«He talked of his dreams in a strangely poetic fashion; making me see with terrible vividness the damp Cyclopean city of slimy green stone whose geometry, he oddly said, was all wrong and hear with frightened expectancy the ceaseless, half mental calling from underground: "Cthulhu fhtagn", "Cthulhu fhtagn"» (The Call of Cthulhu, 1926). / *«Magna Mater! Magna Mater! ... Atys ... Dia ad aghaidh's ad aodann ... agus bas dunach ort!»* (The Rats in the Walls, 1923).

Словосочетание «*Cthulhu fhtagn*» или «*Magna Mater*», повторяющееся несколько раз, представляет собой что-то подобное песнопению. Повторы в данном случае не используются для конкретного выражения ощущения страха, а выделяют отдельные словосочетания в единый ритм, уподобляя речь проповедям или песнопениям.

«Yog-Sothoth knows the gate. Yog-Sothoth is the gate. Yog-Sothoth is the key and guardian of the gate. Past, present, future, all are one in Yog-Sothoth» (The Dunwich Horror, 1928).

Анафора используется в связующей функции, и при помощи повтора имен собственных (*Yog-Sothoth*) текст приобретает структуру, схожую с проповедью. Труднопроизносимые и лишённые конкретной семантики имена (*Cthulhu*, *Yog-Sothoth*) и названия разнообразных персонажей являются частью индивидуальной речевой картины мира автора и необходимы для создания ощущения неизвестности у читателя и всеобъемлющей угрозы «извне».

В приведенных примерах повтор применяется для выражения ритмической функции, что характерно для религиозного дискурса. В частности, библейские тексты широко используют следующие стилистические приемы: параллелизм, повторение, аллитерацию и сравнение. В библейских текстах повтор служит для усиления единства в освещении определенных моментов религиозного дискурса в речи Господа к его пророкам. Объяснить подобные стилистические приемы и аллюзии на библейские писания можно влиянием на Г. Ф. Лавкрафта в раннем возрасте протестантизма [8, 13].

Заключение. Таким образом, повтор – это значимый элемент идиостиля Г. Ф. Лавкрафта. Наиболее частотными единицами являются такие лексемы, как «old» (125), «night» (95), «great» (85), «strange» (62), «gods» (48), «horror» (48). Их частотность используется для раскрытия тем древнего и скрытого зла с «божественными» силами, тем самым приближая читателя к чувству «космического страха». Среди различных видов повторов, выявленных в материалах, контактные и дистанционные повторы видятся наиболее продуктивными.

Выполняя функцию прагматического фокусирования, повтор помогает выделить наиболее значимые элементы языковой картины мира. Темы и мотивы, повторяющиеся в рамках «странных историй» Г. Ф. Лавкрафта, могут выделяться повторами.

Повторы также выполняют функцию создания атмосферы. Окружение протагонистов может иметь специфические детали, подчеркивающие мрачную картину мира, изображаемую автором. Это в свою очередь находит отражение и в экспрессивности – выражении иррационального страха персонажей от угрозы «извне». Впечатления персонажей, ставших свидетелями сверхъестественных явлений, часто обладают яркой и эмоциональной окраской.

На основании исследуемого материала можно сделать вывод, что повтор как средство ритмической организации, используется для создания у читателя ассоциаций с религиозными текстами. Лексема «god(s)» повторяется в произведениях 66 раз. Таким образом, с помощью повторов задаются определенные смысловые акценты и создается особая авторская выразительность. Также можно заключить, что повтор является характерной чертой творчества Лавкрафта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

2. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Повтор как выразительное средство языка художественного произведения // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2016. № 11 (176). С. 101–104.
3. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. Киев: Вища школа, 1984.
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Казаева Л. И. Виды и функции повторов в текстах поэтического и художественного жанра // Вестн. Югорского гос. ун-та. 2006. № 5. С. 50–53.
6. Таюпова О. И. Повторы и их роль в текстах различных дискурсов // Вестн. Башкирского ун-та. 2019. Т. 24, № 1. С. 220–224. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.1.38>.
7. Goho J. The Sickness unto Death in H. P. Lovecraft's "The Hound" // *Journeys into Darkness: Critical Essays on Gothic Horror*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. P. 97–110.
8. Zeller B. E. Altar Call of Cthulhu: Religion and Millennialism in H. P. Lovecraft's Cthulhu Mythos // *Religions*. 2019. Vol. 11, no. 1. P. 18. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel11010018>.
9. Козьма М. П. Языковые средства реализации страха в рассказах Г. Лавкрафта (на материале английского языка) // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2020. № 3 (96). С. 73–83. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-6.
10. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: КД ЛИБРОКОМ, 2009.
11. Lovecraft H. P. Notes on Writing Weird Fiction // The H. P. Lovecraft Archive. 1937. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/nwwf.aspx> (дата обращения: 20.10.2020).
12. Wordcount for Lovecraft's Favorite Words // The Arkham Archivist. 2011. 23 Feb. URL: <https://arkhamarchivist.com/wordcount-lovecraft-favorite-words/> (дата обращения: 20.10.2020).
13. Al-Ameedi R., Mehdi M. A Stylistic Analysis of Divine-Prophetic Discourse in Biblical and Quranic Texts // *Education and Linguistics Research*. 2018. Vol. 4, no. 2. DOI: <http://doi.org/10.5296/elr.v4i2.13377>.

Информация об авторе.

Татаринцев Никита Сергеевич – аспирант кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: прагмалингвистика, дискурсология, аудиовизуальный перевод. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4102-3500>. E-mail: darion317@gmail.com

REFERENCES

1. Gal'perin, I.R. (1958), *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on the stylistics of the English language], Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, Moscow, USSR.
2. Gatsalova, L.B. and Parsieva, L.K. (2016), "Repetition as an Expressive Means of the Literary Work Language", *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 11 (176), pp. 101–104.
3. Morokhovskii, A.N., Vorob'eva, O.P., Likhosherst, N.I. and Timoshenko, Z.V. (1984), *Stilistika angliiskogo yazyka* [Stylistics of the English language], Vishcha shkola, Kiev, USSR.
4. Arno'l'd, I.V. (2002), *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English], 4 ed., rev. and add., Flinta, Nauka, Moscow, RUS.
5. Kazaeva, L.I. (2006), "Types and functions of repetitions in texts of poetic and artistic genre", *Yugra State Univ. Bulletin*, no. 5, pp. 50–53.
6. Tayupova, O.I. (2019), "Repetitions and Their Roles in the Texts of Different Discourses", *Bulletin of Bashkir Univ.*, vol. 24, no. 1, pp. 220–224. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.1.38>.
7. Goho, J. (2014), "The Sickness unto Death in H.P. Lovecraft's "The Hound"", *Journeys into Darkness: Critical Essays on Gothic Horror*, Rowman & Littlefield, Lanham, USA, pp. 97–110.

8. Zeller, B.E. (2019), "Altar Call of Cthulhu: Religion and Millennialism in H.P. Lovecraft's Cthulhu Mythos", *Religions*, vol. 11, no. 1, p. 18. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel11010018>.
9. Kozma, M.P. (2020), "Language means of fear realization in H. Lovecraft's stories (by the material of the English language)", *Cherepovets State Univ. Bulletin*, no. 3 (96), pp. 73–83. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-6.
10. Chernyavskaya, V.E. (2009), *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursiveness], KD LIBROKOM, Moscow, RUS.
11. Lovecraft, H.P. (1937), "Notes on Writing Weird Fiction", *The H.P. Lovecraft Archive*, available at: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/nwwf.aspx> (accessed 20.10.2020).
12. "Wordcount for Lovecraft's Favorite Words" (2011), *The Arkham Archivist*, 23 Feb., available at: <https://arkhamarchivist.com/wordcount-lovecraft-favorite-words/> (accessed 20.10.2020).
13. Al-Ameedi, R. and Mehdi, M. (2018), "A Stylistic Analysis of Divine-Prophetic Discourse in Biblical and Quranic Texts", *Education and Linguistics Research*, vol. 4, no. 2. DOI: <http://doi.org/10.5296/elr.v4i2.13377>.

Information about the author.

Nikita S. Tatarincev – Postgraduate at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: pragmalinguistics, discoursology, audio-visual translation. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4102-3500>. E-mail: darion317@gmail.com

К вопросу о нулевом подлежащем в английском языке

И. С. Степаненко, Л. А. Ульяницкая[✉], Т. В. Шульженко

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[✉]ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. Рассматриваются случаи отсутствия подлежащего в безличном английском предложении. Многие лингвисты считают, что в этих случаях мы имеем дело с имплицитным подлежащим, поскольку предложение не утрачивает свою предикативность. Также в безличном английском предложении подлежащее *it* иногда заменяется формальной частицей *there*. Однако вопрос, выполняет ли эта частица функцию подлежащего, на сегодняшний день остается открытым. В этой связи весьма актуальным представляется рассмотрение всех случаев подлежащего, эксплицитного и имплицитного, включая случаи, когда в предложении присутствует формальная частица *there*. Целью работы является построение формально-логической модели имплицитного подлежащего в безличном английском предложении. Имплицитное подлежащее довольно часто называют нулевым подлежащим.

Методология и источники. Методология исследования основана на традиционных подходах к изучению феномена нулевого подлежащего, а также на идее двухчастности, разрабатываемой с 1993 г. в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». На примере английского языка изучено современное состояние вопроса о правомочности рассмотрения имплицитного подлежащего как нулевого. Для поиска примеров, иллюстрирующих особенности функционирования имплицитного подлежащего в английском предложении, использовался метод сплошной выборки из семи корпусов. Для представления структурных особенностей имплицитного подлежащего применен метод формально-логического моделирования.

Результаты и обсуждение. В статье представлено разнообразие структур подлежащего в английском предложении. Рассмотрен вопрос о функциях формальной частицы *there*, а также о возможном сопоставлении ее с формальной частицей *it*. В этих целях проводится формально-логическое моделирование английского подлежащего в предложениях различных типов – повествовательных и вопросительных, при этом моделируются как независимые, так и зависимые предложения. Вопросы к подлежащему не входят в круг обсуждаемых проблем. Высказывается предположение, что имплицитное подлежащее является «следом» эксплицитного подлежащего и не может считаться абсолютно нулевым.

Заключение. Лингвистика выработала множество оригинальных взглядов на причины появления «неполноценных» подлежащих. Наши языковые модели, однако, позволили прийти к еще более оригинальным (и, надеемся, объективным) выводам. В зависимости от своего окружения подлежащее в английском языке может быть имплицитным полностью или частично. Если подлежащее имплицитно полностью, оно представляет собой сильный или слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе. Если подлежащее имплицитно частично, оно является собой слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе.

© Степаненко И. С., Ульяницкая Л. А., Шульженко Т. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Подлежащее в английском языке бывает полностью имплицитным гораздо реже, чем частично имплицитным. Полное имплицирование подлежащего осуществляется посредством дополнительных элементов. Частичное имплицирование подлежащего осуществляется посредством сильного уточнителя *there*, при этом дополнительные элементы необязательны.

Ключевые слова: английский язык, подлежащее, косвенный вопрос, модели языка, идея двухчастности, семифинитив.

Для цитирования: Степаненко И. С., Ульяницкая Л. А., Шульженко Т. В. К вопросу о нулевом подлежащем в английском языке // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 174–194. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-174-194

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 27.08.2021; принята после рецензирования 30.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Towards the Question on the Zero Subject in English

Inna S. Stepanenko, Liubov A. Ulianitckaia[✉], Tatyana V. Shulzhenko

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The article considers the case, when no subject is present in an impersonal English sentence. Many linguists believe that the subject in this case is implicit, because the sentence preserves its predicativity. In addition, the subject “it” is sometimes substituted in impersonal English sentences by the formal particle “there”. However, the question whether this particle performs the function of subject is still open. That is why it is rather pertinent to consider all cases of subject, both explicit and implicit one, including the cases, when the sentence contains the formal particle “there”. The objective of this work is to build a formal logical model of implicit subject in impersonal English sentence. Implicit subject is often named as zero subject.

Methodology and sources. The research methodology is based on traditional approaches towards studying the phenomenon of zero subject, as well as on the binomiality idea, having been developed since 1993 at ETU. On the material of English the status of the issue, whether it is eligible to consider the implicit subject as the zero one, is investigated. The examples illustrating the functional features of the implicit subject in English sentence were selected by means of the method of continuous sampling from 7 corpora. To represent the structural features of the implicit subject the method of formal logical modelling is applied.

Results and discussion. The article presents the diversity of subject structures in English sentence. There is dealt with the question on the functions of the formal particle “there” in hypothetical comparison with the formal particle “it”. In this regard, a formal logical modelling of English subject is undertaken, for declarative and interrogative sentences. Herewith both independent and dependent sentences are modelled. Questions to the subject are out of the present consideration. The implicit subject has been assumed to be a “trace” of the explicit subject and may not be recognized as the absolute zero subject.

Conclusion. Linguistics has elaborated a variety of original views on the reasons, why “incomplete” subjects emerge. Our language models allow, however, to come to more original and, as we hope, objective conclusions. Dependent on its environment the subject in English can be implicit fully or partly. If the subject is fully implicit, it is a strong or weak implicit semifinitive, fixed in the weak specifier. If the subject is partly implicit, it is a weak

implicit semifinitive, fixed in the strong specifier. The English subject appears to be fully implicit much less frequent, than partly implicit. Making the subject fully implicit is possible by means of additional elements. Making the subject partly implicit is possible by means of the strong specifier "there"; no additional elements are then needed.

Key words: English, subject, indirect question, language models, binomiality idea, semifinitive.

For citation: Stepanenko I. S., Ulianitckaia L. A., Shulzhenko T. V. Towards the Question on the Zero Subject in English. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 174–194. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-174-194 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.08.2021; adopted after review 30.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. В безличном английском предложении подлежащее может отсутствовать полностью или частично. Пример полного отсутствия – «About him is said». Примером частичного отсутствия, как мы намерены показать, может служить конструкция с формальной частицей there – «There is said about him.». Многие лингвисты считают, что в случае полного отсутствия мы имеем дело с неслышимым и невидимым (имплицитным) подлежащим, поскольку предложение не утрачивает свою предикативность. В случае частичного отсутствия подлежащее в некоторой степени слышимо и видимо, предположительно благодаря формальной частице there. Однако функции этой частицы в отношении подлежащего на сегодняшний день не определены окончательно, и вопрос, каким элементом предложения становится эта частица, оказываясь в позиции личного местоимения it («It is said about him» – «There is said about him»), остается открытым.

В этой связи мы считаем весьма актуальным рассмотрение всех случаев подлежащего, эксплицитного и имплицитного, включая случаи, когда в предложении присутствует формальная частица there, а равно и формальная частица (или личное местоимение) it.

В большинстве случаев подлежащее выражено эксплицитно и представляет собой ту или иную субстантивную единицу, не снабжаемую или снабжаемую другими единицами, например, «Девушка красивая» или «Моя девушка, которую я так люблю, красивая». Имплицитное подлежащее встречается в безличных предложениях, например: «Вечереет». Считается, что предложения с имплицитными членами, в частности с имплицитным подлежащим, являются синтаксически неполными.

Основные понятия, характеризующие синтаксическую неполноту, это понятия эллипсиса и нулевой синтаксической категории. При создании грамматики не все правила синтаксического построения можно выявить. Если исходить из того, что правила описания одинаковы для всех предложений языка, возникает необходимость в нулевых категориях. В последние годы в исследованиях синтаксиса рассматривается вопрос об отказе от понятия «односоставное предложение», и подобные предложения анализируются как двусоставные с так называемым нулевым членом. Неясно, имеют ли все типы предложений двусоставную структуру с подлежащим, но, признавая их двусоставными, мы признаем существование нулевого подлежащего.

Рассмотрим понятия нулевых единиц и нулевого подлежащего.

Ш. Балли описывает понятие нулевого знака и синтаксического нуля в своем труде «Общая лингвистика и грамматика французского языка» [1]. В этой работе ученый заявляет

о подразумеваемом знаке или, иначе говоря, об имплицитной форме знака. Подразумеваемые знаки могут быть различного вида. Эллипсис – это знак, подразумеваемый в речи; он упомянут в контексте до или после эксплицитного знака. Ш. Балли называет эллипсис нулевым представляющим, которое может представлять как один знак, так и группу знаков, носящих лексический характер.

По Ш. Балли, подразумеваемый знак в языке имеет чисто грамматическое значение. Автор говорит о нулевых знаках на различных уровнях языка. Существуют нулевые фонемы, нулевые морфемы (суффиксы, окончания). Ш. Балли отдельно отмечает, что нулевой знак в конце слова часто сопровождается различными изменениями, в том числе изменениями в основе слова. У нулевого знака отсутствует положительное означающее, но он обладает определенным значением в определенном месте синтагмы. Еще одним примером нулевого знака в русском языке является связка «быть» в настоящем времени изъявительного наклонения. Предполагается, что дополнение переходных глаголов также имеет нулевой предлог. После исследования корпуса примеров делается вывод о том, что «дополнение нормально соединяется с глаголом с помощью эксплицитной связки (предлога в случае существительных и инфинитивов, союза в случае предложений-членов); при отсутствии же такой связки мы имеем нулевой тип, потому что непосредственные ассоциации связывают его с эксплицитными формами». Ш. Балли отмечает, что нулевой знак исторически восходит к имплицитному знаку, ставшему «немым», или к форме, у которой знак действительно отсутствует [1, с. 175–181].

Понятие нулевого знака разрабатывали структуралисты Р. О. Якобсон [2, с. 222–230], И. А. Мельчук [3, с. 169–205] и многие другие. Наиболее подробная на сегодняшний день теория нулевых категорий разработана Н. Хомским в рамках теории управления и связывания и минималистской программы. Он постулирует несовпадение репрезентаций предложения на разных уровнях, глубинном и поверхностном [4]. И Н. Хомский, и И. А. Мельчук объясняют с помощью нулевых лексем разнообразие уровней репрезентации языка и тем самым обосновывают понятие нулевых сущностей в синтаксисе.

Н. Хомский впервые вводит термин «pro-drop», под которым подразумевается ряд особенностей предложения, в том числе наличие нулевого подлежащего. Нулевым подлежащим называют некую пустую категорию, синтаксический элемент, не обладающий поверхностно выраженной структурой. Графически пустые категории обозначаются нулем, чтобы отразить идею о наличии представляемой ментальной категории, несмотря на отсутствие ее словесного выражения. Сам Н. Хомский выделяет четыре типа нулевых подлежащих, но их недостаточно для описания всего разнообразия языкового материала [5].

К языкам pro-drop относятся в том числе современные славянские языки, в которых формальное подлежащее отсутствует и допускается опущение референтных местоимений. В таком случае, например, в русском языке значение подлежащего выражается безличными и неопределенно-личными конструкциями, в которых произносимый (выраженный) субъект отсутствует. Это предложения типа «Стемнело», «Стучат, откройте дверь!». По А. М. Пешковскому, глаголы в подобных безличных конструкциях осознаются совершенно иначе, что, например, заметно при сравнении таких форм, как «читает» и «светает». По мнению исследователя, подобные предложения появились в языке по мере его развития как попытка критически проанализировать действительность. В таком случае предложе-

ние «Светаает» было получено из предложения «Свет светаает». Автор говорит о так называемом устранившем третьем лице этих предложений. Несмотря на то, что сама форма отсутствует, существует представление о том, что это была за форма. Глаголы типа «светать», «вечереть», «моросить» определились как особый тип еще в индоевропейском языке и уже в русском языке были дополнены другими глаголами безличной категории [6, с. 342–347].

И. А. Мельчук вводит нулевые категории по отношению к подлежащему для неопределенно-личных и безличных конструкций. Его «нуль мн. ч.» и «нуль ед. ч.» имеют разные свойства и разный план содержания; предложения типа «Улицу засыпали песком» и «Улицу засыпало песком» считаются полными и двусоставными, обладающими нулевыми подлежащими. Устанавливается, что некоторый класс глаголов типа «светать» не принимает внешне выраженное подлежащее, а большая группа глаголов употребляется без подлежащего нерегулярно. «Нули Мельчука» представляют собой нулевые лексемы с ролевой семантикой. Их семантике наиболее соответствует нулевое местоимение, изменяемое по лицу или числу. И. А. Мельчук утверждает, что нулевые подлежащие маркируются глагольной формой с выраженным согласованием. Нулевая лексема всегда несет некоторую информацию и имеет ролевые и референтные свойства, не дублирующиеся в высказывании другой лексемой. Исходя из теории И. А. Мельчука, нуль 3-го л. ед. ч. обозначает неконтролируемое действие сил природы (безличные конструкции), а нуль 3-го л. мн. ч. – контролируемое действие, производимое одушевленным лицом (неопределенно-личные конструкции) [7].

В ряде языков существуют конструкции с формальными словами, которые возникли как измененные конструкции с гипотетическими нулевыми подлежащим, однако трактовать формальные подлежащие как «материализовавшиеся нули» недопустимо. Нулевые и формальные подлежащие могут иметь разные синтаксические свойства, поэтому не следует постулировать нулевые формальные подлежащие в позициях, где близкородственные языки используют эксплицитное формальное подлежащее.

Остается открытым вопрос о том, в каких синтаксических позициях возможны нулевые категории. К тому же необходимы доказательства, что нулевая лексема обладает рядом общих свойств с некоторыми ненулевыми синтаксическими категориями. На данный момент вполне обосновано введение нулевых связок (например, связка «быть» в русском языке). А. Циммерлинг приводит в качестве главного доказательства существования нулевых подлежащих то, что они исключают некоторые другие типы выражений, которые способны занимать позицию подлежащего [8].

Принятие гипотезы об универсальности субъектно-предикатных отношений сопряжено с некоторыми сложностями. Следуя этой гипотезе, во всех языках мира постулируется бинарная структура предложения с группой подлежащего и группой сказуемого. Однако в некоторых языках подлежащее выражено эксплицитно не во всех предложениях, например, мы можем наблюдать это явление в безличных предложениях в русском языке. Тем самым в современном языкознании остается открытым вопрос соотношения общепризнанных типов подлежащих с нулевыми и формальными подлежащими [9].

Можно сделать вывод о том, что структура предложений как с выраженным субъектом, так и с субъектом, у которого отсутствует материальное выражение, одинакова. Раз-

личия вызваны не отсутствием подлежащего как такового, а тем, что в некоторых языках позиция подлежащего имеет материальное оформление, а в других подлежащее выражено грамматически значимой нулевой единицей, так называемым синтаксическим нулем. Такие подлежащие мы предлагаем считать имплицитными в прямом значении этого слова, т. е. подразумеваемыми, невыраженными. Интересен, однако, вопрос: может ли подлежащее быть выражено нулевой единицей, незначимой как лексически, так и грамматически, т. е. являться абсолютно нулевым?

Существует несколько подходов к трактовке ненулевого и нулевого подлежащего. Приверженцы универсалистского подхода, например Н. Хомский, считают, что позиция подлежащего имеется в любом полном высказывании. При типологическом подходе наличие подлежащего требует доказательства в каждом конкретном языке. Антиуниверсалистский подход отказывается от обязательного бинарного членения на подлежащее и сказуемое и полагает, что в части языков мира подлежащее отсутствует. Выработать универсальный критерий, подходящий для определения понятия подлежащего во всех языках, на данный момент невозможно. Тем не менее термины «подлежащее» и «сказуемое» подходят для описания всех выявленных языков.

А. Е. Кибрик разработал концепцию множественности стратегий кодирования языковых отношений (так называемая реляционная типология). Исходя из этой концепции, большой класс языков мира не имеет синтаксических отношений, если правила построения древесной структуры не абстрагированы от правил кодирования элементов предложения. Эту концепцию можно применить к языкам со свободным порядком слов типа современного русского. Как наличие синтаксических отношений, так и категории подлежащего в некотором языке не принимаются априори, а должны доказываться, что говорит о неуниверсальности синтаксических отношений. В большинстве языков мира существуют различные механизмы кодирования, помимо формально-синтаксического [10].

Традиционная грамматика выделяет грамматическое или формальное подлежащее и логическое или смысловое подлежащее. Например, О. Есперсен отмечает, что в предложении типа «He happened to fall» грамматическим подлежащим является «he», но смысловым подлежащим – инфинитивное зависимое «he to fall» [11].

Формальные подлежащие характеризуются отсутствием семантического содержания. В традиционных грамматиках английского языка выделяются следующие типы формальных подлежащих: экстрапозиционное *it*, *it* для описания погоды и неличное *there*. Дискуссионным является вопрос, что является подлежащим в предложениях типа «It is good that he came» (в позиции подлежащего – формальная частица *it* или зависимое предложение?) и «There are many people in the room» (в позиции подлежащего формальная частица *there* или именная группа *many people*?).

Многие современные европейские языки обладают формальными частицами, не несущими семантической нагрузки, но имеющими материальную форму и вовлеченными в подлежащее, если наличие выраженного подлежащего в языке обязательно. Это *it* и *there* в английском, *het* и *er* в нидерландском, *es* в немецком, *det* в датском, шведском, норвежском, *il* во французском. Сюда же можно отнести элементы типа английских *one* или *they*, французского *on* и немецкого *man* (например, в «they say», «man sagt», «on dit»).

Подлежащее в английском языке может быть выражено разными способами:

1) существительным (в именительном падеже):

My pencil is broken.

A girl is in the room.

2) местоимениями или местоименными существительными:

He loves her.

One cannot be sure of everything.

No one has been here before.

3) количественными числительными:

Eight is believed to be a lucky number in China.

4) любой субстантивированной частью речи:

The mysterious has always attracted people.

The unemployed feels badly

5) инфинитивом (герундий):

To read books is useful.

Reading books is useful.

6) различными словосочетаниями:

None of my friends were glad to see my brother.

A black and white jacket is just what you want.

К способу 1 в случае неопределенных существительных добавляется составная разновидность с формальной частицей *there*, а именно:

There is a girl in the room.

К способу 5 также добавляется составная разновидность с формальной частицей *it*, а именно:

It is useful to read books.

В независимых повествовательных и вопросительных предложениях подлежащее, как правило, эксплицитно. Однако совершенно особыми являются конструкции типа:

About him is said.

There is said about him.

How is said about him?

Is there said about him?

Вероятно, в этом случае формальная частица *there* берет на себя функции подлежащего, но поскольку, по сути, мы имеем дело с безличными предложениями, вывод об эксплицитном подлежащем следует делать с большой осторожностью.

Но в самых общих чертах можно сделать вывод о том, что в английском языке подлежащее тяготеет к эксплицитности полностью или частично.

Все сказанное относится и к зависимым предложениям, однако в случае инфинитива можно задействовать лишь разновидность способа 5:

I know that it is useful to read books.

В случае герундия можно задействовать как способ 5, так и его разновидность:

I know that reading books is useful.

I know that it is useful reading books.

Лексически незначимые *it* и *there* требуют особого рассмотрения. Считать их частью подлежащего можно лишь тогда, когда допускается его способность быть составным.

Понятие «составное подлежащее» задействуем в параллель с понятием «составное сказуемое» (например, составное модальное глагольное сказуемое) и считаем, что в случае германских языков для этого имеются веские основания. Составное подлежащее выделялось многими лингвистами, как отечественными, так и зарубежными. Особо значимыми представляются предположения, высказанные Л. С. Бархударовым и А. И. Смирницким.

Рассмотрим подлежащее, включающее в свой состав десемантизированное местоимение «это». Предложения, начинающиеся с *it*, широко распространены в английском языке. Следом идет сказуемое, чаще всего именное. Предложения типа «*It was difficult to work*» или «*It is pleasant speaking with him*» можно рассматривать как трансформы предложений «*To work was difficult*» и «*Speaking with him is pleasant*»; происходящая при этом трансформация заключается в передвижении подлежащего в конец предложения, в положение после сказуемого. Местоимение *it* появляется перед сказуемым только тогда, когда подлежащее находится в положении после сказуемого. Подлежащим в такой конструкции является глагольная форма – инфинитив или герундий – либо словосочетание, включающее в свой состав инфинитив или герундий. В рассматриваемых предложениях в функции подлежащего употреблена глагольная форма или словосочетание, включающее в свой состав глагольную форму. Они расположены после сказуемого, что отступает от обычного порядка слов английского предложения. Это вызывает необходимость в служебном слове, которое выражало бы грамматические показатели подлежащего, и в качестве этого слова выступает *it*, несущее на себе формальные показатели подлежащего: оно помещается перед сказуемым, т. е. в обычном положении подлежащего, и находится со сказуемым в отношении корреспонденции. В предложениях такого типа подлежащее состоит из двух отдельно оформленных частей. Грамматическим центром является местоимение *it*, а лексическим – инфинитив, герундий или соответствующее словосочетание. Это местоимение *it*, которое в соответствии с традицией можно назвать предваряющим, является формальным показателем «субъектности» при «несубстантивных» словах в функции подлежащего. Тем самым в предложениях типа «*It was difficult to work*», «*It is pleasant speaking with him*» и им подобных подлежащим является прерывистая составляющая «*it... to work*», «*it... speaking with him*». Такое подлежащее можно назвать составным. Составное подлежащее есть факультативный вариант простого подлежащего без предваряющего *it* (сравните «*To work was difficult*» и «*It was difficult to work*»). Выше отмечалось, что при построении вопросительных предложений с инфинитивом в качестве подлежащего употребление предваряющего *it* совершенно обязательно. Так, трансформация «*Was to work difficult?*» в отличие от трансформации «*Was it difficult to work?*» невозможна. В случае герундия предваряющее *it* можно не задействовать: «*Was working difficult?*» [12].

Рассмотрим подлежащее, включающее в свой состав десемантизированное наречие «там». В предложениях этого типа за *there* следует сказуемое, представленное всегда либо непереходным глаголом (чаще всего *be*), либо переходным глаголом в форме страдательного залога, либо словосочетанием с одним из указанных типов глагола в качестве ядра. Например: «*There was a long silence*». Подобные конструкции можно трактовать как предложения с составным подлежащим, представленным, как и в конструкции с предваряющим *it*, прерывистой составляющей «*there... a long silence*». В кратких ответах на вопросы, «расчлененных вопросах» (*disjunctive questions*), т. е. там, где в предложении сохраняется

только подлежащее-местоимение и служебный глагол, *there* употребляется в той же позиции, что и местоимение-подлежащее в других типах предложений:

Is he a student? – Yes, he is. Are there any people at home? – Yes, there are.

John will not go there, will he? There is nobody at home, is there?

Подобный структурный параллелизм может служить доказательством того, что *there* входит в подлежащее. Следовательно, рассматриваемую конструкцию можно считать предложением с составным подлежащим, в котором *there* играет роль предваряющего служебного слова в тех случаях, когда лексический центр подлежащего перемещен в позицию после сказуемого. В отличие от конструкций с *it*, в предложениях с *there* глагол-сказуемое находится в отношении корреспонденции не с предваряющим словом, а с лексической частью подлежащего (т. е. с существительным или субстантивным местоимением). Сравните: «There is a book on the table» – «There are books on the table». Можно сделать вывод, что грамматические показатели подлежащего в этой конструкции распределены в равной мере между служебным словом – предваряющим *there*, и лексической частью – существительным или субстантивным местоимением.

Несмотря на то, что генетически *there* восходит к полнозначному наречию «там», приводившему к инверсии, со временем оно утратило свое прежнее значение и в современном языке представляет собой совершенно другое слово. Это подтверждается, в частности, возможностью его сочетания в пределах одного и того же предложения с наречиями «there» и «here»: «There is a river there». Также существует мнение, что в предложениях типа «There's someone at the door» элемент *there* является замещающим подлежащим. О. Есперсен называет этот элемент «пустым *there*» и считает, что в таком употреблении единица *there* отличается от наречия *there* тем, что теряет свое локальное значение и не имеет ударения [11].

Следует отметить, что А. И. Смирницкий считал *there* своеобразной частицей, сочетающейся с глаголом *be* для обозначения нахождения в пространстве и времени и составляющей с этим глаголом единый комплекс. В подтверждение своих взглядов А. И. Смирницкий указывал, в частности, на возможность образования именной формы *there being*, например, в предложении «I didn't stay long because of there being no place for me». Этот аргумент, несомненно, весьма сильный, и именные формы с *there* требуют глубокого осмысления. Не исключено, что в этом случае местоименность наречия *there* проявляется грамматически наиболее ярко, а лексически оно совершенно десемантизировано [13].

Рассмотренные формальные частицы *it* и *there* – бывшие местоимение *it* и наречие *there* – утратили свое лексическое значение полностью, но участвуют в построении предложения, т. е. сохраняют значение грамматическое.

Методология и источники. Методология исследования основана на критическом осмыслении подходов к изучению феномена нулевого подлежащего, применявшихся упомянутыми отечественными и зарубежными учеными, а также на идее двухчастности, разрабатываемой с 1993 г. в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». На примере английского языка изучено современное состояние вопроса о правомочности признания имплицитного подлежащего нулевым подлежащим, особенно в случае наличия в предложении формальной частицы *there*. Возможное вхождение в состав имплицитного подлежащего этой частицы, не обладающей лексическим значением, вызывает множество вопросов лингвистической и семан-

тической природы [14]. В наиболее абстрактных моделях отсутствие лексического значения не считается серьезным недостатком – изначально рассмотрение языка начинается с синтаксических структур и затем переходит к ментальным [15]. Только когнитивная грамматика пытается найти общую основу для лингвистики и семантики, но методы, которые она использует, сильно отличаются от подходов, применяемых в естественных науках [16]. До нынешнего дня нет четкого объяснения, почему в структуре предложения существуют слова, которые могут утрачивать свое лексическое значение. Попытаемся объяснить структуру имплицитного английского подлежащего, в которое может также входить формальная частица *there*, совершенно новым способом [17].

Примеры для нашей работы находим методом сплошной выборки. Этот метод состоит в том, что из корпусов с оригинальными текстами извлекаются все примеры анализируемого типа. Поскольку имплицитное подлежащее в английском языке обнаруживается в безличных предложениях, отбираем конструкции, включающие в свой состав формальные частицы *it* и *there*. Учитываем также тот факт, что эти частицы могут функционировать и в личных предложениях. В работе задействованы семь корпусов: British National Corpus, The Bank Of English, The International Corpus Of English (Ice), Brown Corpus, Penn Treebank, Cambridge International Corpus, Icame Corpus Collection. Всего рассмотрено около 700 конструкций. Отобранные примеры анализируются в рамках модели подлежащего, разработанной с помощью метода моделирования. Этот метод используется в тех случаях, когда недоступно прямое наблюдение глубинных структур языка (а не его лексико-грамматического состава, лежащего на поверхности). Истинные механизмы языковой организации могут быть недоступны прямому наблюдению, для их обнаружения создаются модели, способные дать примерное представление о том, как эти механизмы функционируют. Лингвистическая модель позволяет изучать языковые явления в максимальной системности и довольно объективно поверять наши знания о них.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования мы пришли к необходимости применить к рассматриваемым явлениям идею двухчастности, в соответствии с которой любой глагольный или субстантивный член предложения состоит эксплицитно или имплицитно из двух частей – уточнителя (прауточнителя) и семифинитива. Эта идея подробно рассмотрена в [18].

Семифинитив полагается состоящим из мембраны (стенки) и внутренней полости; уточнитель – из внешней полости. Подавляющее число уточнителей лексически десемантизированы – все пространственные уточнители и почти все временные уточнители, кроме «*can/could*», «*must/must*», «*may/might*», в которых содержится модальный оттенок.

Сверхслабый семифинитив фиксируется в сверхсильном уточнителе, слабый – в сильном. Сильный семифинитив фиксируется в слабом уточнителе, этот уточнитель может также фиксировать в себе слабый или сверхслабый семифинитив.

Как подлежащее, так и сказуемое могут представлять собой пять структур:

- 1) сверхслабый семифинитив в сверхсильном уточнителе;
- 2) слабый семифинитив в сильном уточнителе;
- 3) сильный семифинитив в слабом уточнителе;
- 4) слабый семифинитив в слабом уточнителе;
- 5) сверхслабый семифинитив в слабом уточнителе.

В сказуемом и подлежащем проявляются временной и пространственный элементы соответственно. В случае сверхсильных и сильных уточнителей временной и пространственный элементы совпадают с ними. В случае слабых уточнителей временной и пространственный элементы образуются вследствие соприкосновения уточнителя с мембраной семифинитива (при этом мембрана невысокой прочности может получать повреждения).

При внимательном рассмотрении структуры уточнителей обнаруживается, что временные уточнители могут существовать только или в настоящем, или в прошедшем, и не существует грамматического времени, где настоящее и прошедшее существовали бы вместе. Пространственные уточнители могут быть повернуты вверх или вниз, и, по сути, нет разницы, какой стороной они повернуты (в ином случае должна была бы существовать грамматическая зависимость от, назовем их так, левой или правой стороны, чего в языках не наблюдается). Тем самым временной уточнитель разделяется на два плана, а пространственный уточнитель не разделяется. В метафизическом смысле это означает, что давление временного уточнителя в два раза ниже, чем давление пространственного уточнителя [18].

Давление уточнителей воздействует на семифинитивы. Давление временных уточнителей на субстантивный семифинитив незначительно, в то время как давление пространственного уточнителя на глагольный семифинитив значительно. При увеличении пространственного давления рельеф мембраны глагольного семифинитива становится более плоским, и лексическое значение становится менее выраженным. В случае, когда подлежащее строится на слабом пространственном уточнителе $t_h^e r^e$, допускается использование всех возможных глагольных семифинитивов. В случае, когда подлежащее строится на сильном пространственном уточнителе *there*, возможно использование лишь некоторых активных глагольных семифинитивов (многие из них имеют семантическое сходство с семифинитивами глагольной единицы *be*), но допускается использование всех пассивных глагольных семифинитивов. В случае, когда подлежащее строится на сверхсильном пространственном уточнителе *it*, возможно использование только семифинитивов глагольной единицы *be* с прилагательным или единицей, подобной прилагательному.

Как видно, *there* и *it* признаются в идее двухчастности заведомо формальными частицами, имеющими лишь грамматический статус – статус пространственного уточнителя, позволяющего субстантивному семифинитиву «встроиться» во внешнее пространство. Роль пространственных уточнителей в организации предложения весьма велика: от них зависит не только структура подлежащего, но и структура сказуемого.

Кроме теоретических предписаний в отношении типов сказуемого и подлежащего, идея двухчастности утверждает, что главные члены предложения образуются в зависимости от типа предложения.

Сообразуясь с объемом настоящей статьи, будем рассматривать лишь утвердительные предложения. В *независимых* повествовательных предложениях уточнители субстантивного и глагольного семифинитивов в первую очередь слабые, во вторую – сильные и в третью – сверхсильные. В *зависимых* повествовательных предложениях уточнитель субстантивного семифинитива в первую очередь сверхсильный, во вторую – сильный и в третью – слабый, а уточнитель глагольного семифинитива в первую очередь слабый, во вторую – сильный и в третью – сверхсильный. В *независимых* вопросительных предложениях уточнители глагольного и субстантивного семифинитивов в первую очередь сверхсильные, во вторую –

сильные и в третью – слабые. *Зависимые* вопросительные предложения, как покажем далее, являются, по сути, *зависимыми* повествовательными.

Возможность относительно свободного выбора одной из этих трех ступеней позволяет поддерживать слабые и сверхслабые семифинитивы и выражать грамматические значения модальности и эмфазы.

Временной и пространственный элементы распределяются также в зависимости от типа предложения. В *независимом* повествовательном предложении пространственный элемент предшествует временному, в *независимом* вопросительном предложении временной элемент предшествует пространственному. В *зависимом* повествовательном предложении пространственный элемент предшествует временному.

Независимые вопросительные предложения согласно идее двухчастности априори разделяются на два подтипа: в первом подтипе главная субстантивная единица известна («(Когда) потеряны книги?», «(Кого) видит Петер?»), во втором подтипе – разыскивается с помощью обязательного вопросного элемента («Какие книги потеряны?», «Кто видит Петера?»). Поскольку во втором подтипе фиксирующийся семифинитив заведомо вакантен, этот случай представляется наиболее сложным – мы имеем дело с абсолютно нулевым подлежащим. При трансформации из независимого в зависимое вопросительное предложение становится фактически повествовательным. В первом подтипе главная субстантивная единица остается известна («Я хочу знать, когда потеряны книги», «Я хочу знать, кого видит Петер») («Я хочу знать, потеряны ли книги», «Я хочу знать, видит ли Петер»). Во втором подтипе главная субстантивная единица из разыскиваемой становится резервируемой («Я хочу знать, какие книги потеряны», «Я хочу знать, кто видит Петера»). Резервируемая главная субстантивная единица очевидна также в зависимых предложениях типа «Я читал книги, которые потеряны» и «Я знаю человека, который видел Петера». Поскольку имплицитное подлежащее мы склонны считать «следом» эксплицитного, вопросительные предложения второго подтипа выходят за рамки настоящей статьи.

Рассмотрим образование эксплицитного и имплицитного подлежащего в утвердительных вопросительных и повествовательных предложениях более подробно, учитывая очередность фиксации субстантивного семифинитива в пространственном уточнителе, их взаимный баланс и оценивая давление пространственного уточнителя на глагольный семифинитив. В круглых скобках рядом с примерами будут указываться типы подлежащего.

Независимые предложения с эксплицитным подлежащим

Вопросительное предложение:

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

Полезно ли читать книги?

Сверхслабый семифинитив «to read books» фиксируется в сверхсильном уточнителе it. В результате получается составное подлежащее «it to read books», хорошо сбалансированное:

Is it useful to read books? (1)

Глагольный семифинитив «be useful» выдерживает давление сверхсильного пространственного уточнителя it. Временной элемент «is» предшествует пространственному элементу «it».

– Фиксация в сильном уточнителе.

Есть ли в комнате девушка?

Слабый семифинитив «a girl» фиксируется в сильном уточнителе *there*, в результате чего получается составное подлежащее «*there a girl*», хорошо сбалансированное:

Is there a girl in the room? (2)

Глагольный семифинитив «be» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*. Временной элемент «is» предшествует пространственному элементу «*there*».

– Фиксация в слабом уточнителе.

Есть ли в комнате девушка?

В случае более яркого лексического значения семифинитива «be» может произойти фиксация слабого семифинитива «a girl» в слабом уточнителе $t_h^e r^e$ и образуется простое подлежащее «a girl», плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

Is a girl in the room? (4)

Давление слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$ выдерживается любым глагольным семифинитивом. Временной элемент «is» предшествует пространственному элементу «a girl».

Моя девушка в комнате?

Сильный семифинитив «my girl» фиксируется в слабом уточнителе $t_h^e r^e$, в результате чего образуется простое подлежащее «my girl», хорошо сбалансированное:

Is my girl in the room? (3)

Давление слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$ выдерживается любым глагольным семифинитивом. Временной элемент «is» предшествует пространственному элементу «my girl».

Повествовательное предложение:

– Фиксация в слабом уточнителе.

Читать книги полезно.

Сверхслабый семифинитив «to read books» фиксируется в слабом уточнителе $t_h^e r^e$, в результате получается простое подлежащее «to read books», плохо сбалансированное, но существующее:

To read books is useful. (5)

Давление слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$ выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «to read books» предшествует временному элементу «is».

В комнате девушка.

Слабый семифинитив «a girl» фиксируется в слабом уточнителе $t_h^e r^e$, в результате чего получается простое подлежащее «a girl», плохо сбалансированное, но существующее:

A girl is in the room. (4)

Давление слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$ выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «a girl» предшествует временному элементу «is».

Моя девушка в комнате.

Сильный семифинитив «my girl» фиксируется в слабом уточнителе ^t_h^e_r^e, отчего образуется простое подлежащее «my girl», хорошо сбалансированное:

My girl is in the room. (3)

Давление слабого пространственного уточнителя ^t_h^e_r^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «a girl» предшествует временному элементу «is».

– Фиксация в сильном уточнителе.

В комнате девушка.

Слабый семифинитив «a girl» фиксируется в сильном уточнителе there, в результате чего получается составное подлежащее «there a girl», хорошо сбалансированное:

There is a girl in the room. (2)

Глагольный семифинитив «be» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя there. Пространственный элемент «there» предшествует временному элементу «is».

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

Читать книги полезно.

Сверхслабый семифинитив «to read books» может зафиксироваться в сверхсильном уточнителе it. В результате получается составное подлежащее «it to read books», хорошо сбалансированное:

It is useful to read books. (1)

Глагольный семифинитив «be useful» выдерживает давление сверхсильного пространственного уточнителя it. Пространственный элемент «it» предшествует временному элементу «is».

Как уже отмечалось, при трансформации независимых вопросительных предложений в зависимые вопрос сменяется повествованием.

Рассмотреть можно лишь повествовательные зависимые предложения.

Зависимые предложения с эксплицитным подлежащим

Повествовательное предложение:

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

Я знаю, что книги читать полезно.

Сверхслабый семифинитив «to read books» фиксируется в сверхсильном уточнителе it, в результате получается составное подлежащее «it to read books», хорошо сбалансированное:

I know that it is useful to read books. (1)

Глагольный семифинитив «be useful» выдерживает давление сверхсильного пространственного уточнителя it. Пространственный элемент «it» предшествует временному элементу «is».

– Фиксация в сильном уточнителе.

Я знаю, что в комнате девушка.

Слабый семифинитив «a girl» фиксируется в сильном уточнителе there, в результате чего получается составное подлежащее «there a girl», хорошо сбалансированное:

I know that there is a girl in the room. (2)

Глагольный семифинитив «be» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя there. Пространственный элемент «there» предшествует временному элементу «is».

– Фиксация в слабом уточнителе.

Я знаю, что в комнате девушка.

В случае более яркого лексического значения глагольного семифинитива «be» может произойти фиксация слабого семифинитива «a girl» в слабом уточнителе ^t_h^e_r^e, и образуется простое подлежащее «a girl», плохо сбалансированное, но тем не менее существующее:

I know that a girl is in the room. (4)

Давление слабого пространственного уточнителя ^t_h^e_r^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «a girl» предшествует временному элементу «is».

Я знаю, что моя девушка в комнате.

Сильный семифинитив «my girl» фиксируется в слабом уточнителе ^t_h^e_r^e, в результате чего образуется простое подлежащее «my girl», хорошо сбалансированное:

I know that my girl is in the room. (3)

Давление слабого пространственного уточнителя ^t_h^e_r^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «my girl» предшествует временному элементу «is».

Как уже отмечалось, семифинитив герундия, изначально сверхслабый, может становиться сильным. В этом случае будет образовываться лишь простое подлежащее (тип 3). Однако простое подлежащее может образовываться и на сверхслабом семифинитиве. Таким образом, в английском языке существуют две конструкции, идентичные внешне, но имеющие различную структуру:

Reading books is useful. (5)

Reading books is useful. (3)

Первая конструкция позволяет преобразования:

It is useful reading books. (1)

Is it useful reading books? (1)

I know that it is useful reading books. (1)

Вторая конструкция позволяет лишь следующие преобразования:

Is reading books useful? (3)

I know that reading books is useful. (3)

ИмPLICITное подлежащее в английском языке может быть построено, по существу, на любом субстантивном семифинитиве – сверхслабом, слабом или сильном.

Как уже говорилось, имPLICITное подлежащее в английском языке предположительно включает в свой состав формальные частицы there и it – элементы, десемантизированные лексически и имеющие лишь грамматическое значение. Однако в отношении формальной частицы it следует провести более глубокое исследование, поскольку она имеет очевидную субстантивную природу, и мы не можем исключить ее способность выступать в качестве эксплицитного подлежащего. ИмPLICITный семифинитив будет обозначаться символом «*ø*».

Независимые предложения с имPLICITным подлежащим

Вопросительное предложение.

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

Говорят ли о нем?

Сверхслабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сверхсильном уточнителе *it*. В результате должно получиться составное подлежащее «*it ó*». Однако глагольный семифинитив «*be said*» не выдерживает давления сверхсильного пространственного уточнителя *it*, и рассматриваемый вариант невозможен:

Is *it* said *ó* about him?*(1)

Тем не менее конструкция «*Is it said about him?*» имеет в английском языке широкое распространение. Единственным объяснением ее существования может явиться признание того, что эта конструкция построена на эксплицитной главной субстантивной единице «*it*»:

Is *it* said about him? (3)

– Фиксация в сильном уточнителе.

Говорят ли о нем?

Слабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сильном уточнителе *there*, в результате чего получается составное подлежащее «*there ó*», хорошо сбалансированное:

Is *there* said *ó* about him? (2)

Глагольный семифинитив «*be said*» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*. Временной элемент «*is*» предшествует пространственному элементу «*there*».

– Фиксация в слабом уточнителе.

Говорят ли о нем?

Слабый семифинитив «*ó*» фиксируется в слабом уточнителе ^t_h ^e_r ^e, в результате чего образуется простое подлежащее «*ó*», плохо сбалансированное. Эта конструкция допустима лишь в случае предварения ее вопросным элементом, благодаря которому, предположительно, лексическое значение глагольного семифинитива «*be said*» становится более ярким, и он не выдерживает давления сильного пространственного уточнителя *there*:

How is *ó* said about him? (4)

Давление же слабого пространственного уточнителя ^t_h ^e_r ^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Временной элемент «*is*» предшествует пространственному элементу «*ó*».

Конструкция, не предваряемая вопросным элементом, невозможна:

Is *ó* said about him?*(4)

Повествовательное предложение:

– Фиксация в слабом уточнителе.

О нем говорят.

Сильный семифинитив «*ó*» фиксируется в слабом уточнителе ^t_h ^e_r ^e, в результате получается простое подлежащее «*ó*», хорошо сбалансированное. Эта конструкция допустима лишь в случае предварения ее каким-либо элементом:

Often *ó* is said about him. (3) Или: About him *ó* is said. (3)

Давление слабого пространственного уточнителя ^t_h ^e_r ^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «*ó*» предшествует временному элементу «*is*».

Конструкция, не предваряемая никаким элементом, невозможна:

ó is said about him.* (3)

– Фиксация в сильном уточнителе.

О нем говорят.

Слабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сильном уточнителе *there*, в результате чего получается составное подлежащее «*there ó*», хорошо сбалансированное:

There is *ó* said about him. (2) Или: About him *there is ó* said. (2)

Глагольный семифинитив «*be said*» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*. Пространственный элемент «*there*» предшествует временному элементу «*is*».

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

О нем говорят.

Сверхслабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сверхсильном уточнителе *it*. В результате должно получиться составное подлежащее «*it ó*». Однако глагольный семифинитив «*be said*» не выдерживает давления сверхсильного пространственного уточнителя *it*, и рассматриваемый вариант невозможен:

It is said *ó* about him.* (1)

Тем не менее конструкция «*It is said about him*» имеет в английском языке широкое распространение. Единственным объяснением ее существования может явиться признание того, что эта конструкция построена на эксплицитной главной субстантивной единице «*it*»:

It is said about him. (3) Или: About him *it is said.* (3)

Как уже отмечалось, при трансформации независимых вопросительных предложений в зависимые вопрос сменяется повествованием.

Рассмотреть можно лишь повествовательные зависимые предложения.

Зависимые предложения с имплицитным подлежащим

Повествовательное предложение:

– Фиксация в сверхсильном уточнителе.

Я знаю, что о нем ходят разговоры.

Сверхслабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сверхсильном уточнителе *it*. В результате должно получиться составное подлежащее «*it ó*». Однако глагольный семифинитив «*be said*» не выдерживает давления сверхсильного пространственного уточнителя *it*, и рассматриваемый вариант невозможен:

I know that *it is said ó* about him.* (1)

Тем не менее конструкция «*I know that it is said about him*» имеет в английском языке широкое распространение. Единственным объяснением ее существования может явиться признание того, что эта конструкция построена на эксплицитной главной субстантивной единице «*it*»:

I know that *it is said* about him. (3)

– Фиксация в сильном уточнителе.

Я знаю, что о нем ходят разговоры.

Слабый семифинитив «*ó*» фиксируется в сильном уточнителе *there*, в результате чего получается составное подлежащее «*there ó*», хорошо сбалансированное:

I know that *there is said ó* about him. (2)

Глагольный семифинитив «*be said*» выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*. Пространственный элемент «*there*» предшествует временному элементу «*is*».

– Фиксация в слабом уточнителе.

Я знаю, как о нем говорят.

В случае более яркого лексического значения семифинитива «be said» возможна фиксация слабого семифинитива «*ó*» в слабом уточнителе ^t_h ^e_r ^e, и образуется простое подлежащее «*ó*», плохо сбалансированное. Эта конструкция существует лишь в случае предварения ее союзным элементом, если он является трансформом вопросного элемента:

I know how *ó* is said about him. (4)

Давление слабого пространственного уточнителя ^t_h ^e_r ^e выдерживается любым глагольным семифинитивом. Пространственный элемент «*ó*» предшествует временному элементу «is».

Если эта конструкция предваряется союзным элементом, не являющимся трансформом вопросного, то она невозможна:

I know that *ó* is said about him.* (4)

Тем самым предложения с имплицитным подлежащим в английском языке представлены следующими конструкциями.

Независимые предложения с имплицитным подлежащим

Вопросительное предложение

Is there said *ó* about him? (2)

How is *ó* said about him? (4)

Повествовательное предложение

Often *ó* is said about him. (3) или About him *ó* is said. (3)

There is *ó* said about him. (2) или About him there is *ó* said. (2)

Зависимые предложения с имплицитным подлежащим

Повествовательное предложение

I know that there is said *ó* about him. (2)

I know how *ó* is said about him. (4)

Конструкции с *it* являются конструкциями с эксплицитным подлежащим.

В случае предложений с очередностью уточнения имплицитного семифинитива от сверхсильного уточнителя к слабому этот семифинитив – всегда слабый. В случае предложений с очередностью уточнения имплицитного семифинитива от слабого уточнителя к сверхсильному этот семифинитив может быть как сильным, так и слабым. Это вполне соответствует постулату о различной энергетике предложений того или иного типа, высказываемому в идее двухчастности. Интересно отметить, что в зависимых предложениях с имплицитным подлежащим не наблюдается инверсии пространственного и временного элементов:

I know that is there said *ó* about him.* (2)

Заключение. Лингвистика выработала множество оригинальных взглядов на причины появления «неполноценных» подлежащих. Наши языковые модели, однако, позволили прийти к еще более оригинальным (и, надеемся, объективным) выводам. В зависимости от своего окружения подлежащее в английском языке может быть имплицитным полностью или частично. Если подлежащее имплицитно полностью, оно представляет собой сильный или слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе. При этом сильный имплицитный семифинитив используется в независимых повествовательных

предложениях, а слабый имплицитный семифинитив – в независимых вопросительных и зависимых повествовательных предложениях. Если подлежащее имплицитно частично, оно являет собой слабый имплицитный семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе. Подлежащее в английском языке бывает полностью имплицитным гораздо реже, чем частично имплицитным. Полное имплицирование подлежащего осуществляется посредством вопросных, союзных (если они являются трансформами вопросных) или других элементов. Частичное имплицирование подлежащего осуществляется посредством сильного уточнителя *there*, при этом указанные элементы не обязательны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
2. Якобсон Р. О. Избранные работы / пер. с англ., нем., фр.; под общ. ред. А. В. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985.
3. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл–Текст». М.: ИД «ЯСК», 1995.
4. Chomsky N., Lasnik H. Syntax in generativen Grammatik // Syntax: An International Handbook of Contemporary Research / J. Jacobs and al. eds. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1993.
5. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht, Cinnaminson: Foris Publications. 1981.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Mel'čuk I. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // Proc. of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley: UCB, 1979. P. 224–260. DOI: <https://doi.org/10.3765/bls.v5i0.2167>.
8. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // 7th European Conf. on Formal Description of Slavic Languages, FDSL-7. Abstracts. Leipzig, 30 Nov.–2 Dec. 2007. 2008. P. 127–129.
9. Циммерлинг А. В. Подлежащее и сказуемое. URL: http://academiasalensis.org/images/failai/paskaitos/Prof_Antono_Zimmerlingo_Predicate%20and%20subject.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
10. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
11. Jespersen O. A. Modern English Grammar on Historical Principles. Vol. VII. London: George Allen & Unwin, 1949.
12. Бархударов Л. С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 50–61.
13. Смирницкий А. И. История английского языка (средний и новый период). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
14. Finch G. Linguistic Terms and Concepts. NY: Palgrave Macmillan Publ., 2000.
15. Chomsky N. Language and mind. NY: Cambridge University Press Publ., 2006.
16. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
17. Shumkov A. Modeling Natural Language on Physical Concepts // 6th Intern. Conf. on Meaning and Knowledge Representation: Book of Abstracts. SPb.: Expert-legal center Publ., 2017. P. 68–69.
18. Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. The physical base of communication on natural language // IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2018 ComSDS). SPb.: ETU, 2018. P. 72–75.

Информация об авторах.

Степаненко Инна Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика

германских языков, модели языка, методика преподавания иностранных языков. E-mail: lockhard@rambler.ru

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Шульженко Татьяна Владимировна – доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: лексикология и грамматика английского языка, переводоведение, методика преподавания иностранных языков. E-mail: tvs007@bk.ru

REFERENCES

1. Bally, Ch. (1955), *Linguistique generale et linguistique française*, Izd-vo inostrannoj literatury, Moscow, USSR.
2. Jakobson, R. (1985), *Izbrannye raboty* [Selected Writings], in Zvegintsev, A.V. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
3. Mel'čuk, I. (1995), *Russkii yazyk v modeli «Smysl-Tekst»* [Russian language in the "Meaning-Text" model], Izd. dom «YaSk», Moscow, RUS.
4. Chomsky, N. and Lasnik H. (1993), "Syntax in generativen Grammatik", *Syntax: An International Hand-book of Contemporary Research*, in Jacobs, J., A. von Stechow, Stermfeld, W. and Venneman, T. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin, NY, DEU.
5. Chomsky, N. (1981), *Lectures on Government and Binding*, Foris Publications, Dordrecht, Cinnaminson, USA.
6. Peshkovskii, A.M. (2001), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
7. Mel'čuk, I. (1979), "Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language", *Proceedings of the Berkeley Linguistic Society*, UCB, Berkeley, USA, pp. 224–260. DOI: <https://doi.org/10.3765/bls.v5i0.2167>.
8. Zimmerling, A. (2008), "Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian", *7th European Conference on Formal Description of Slavic Languages, FDSL-7. Abstracts*, Leipzig, 30 Nov–2 Dec 2007, pp. 127–129.
9. Zimmerling, A. *Podlezhashchee i skazuemoe* [Subject and predicate], available at: http://academiasalensis.org/images/failai/paskaitos/Prof_Antono_Zimmerlingo_Predicate%20and%20subject.pdf (accessed 10.07.2021).
10. Kibrik, A.E. (2003), *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables of language]. Aleteiya, SPb, RUS.
11. Jespersen, O.A. (1949), *Modern English Grammar on Historical Principles*, vol. VII. George Allen & Unwin, London, GBR.
12. Barkhudarov, L.S. (1973), "To a question of a surface and deep structure of the sentence", *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], no. 3, pp. 50–61.
13. Smirnitskii, A.I. (1965), *Istoriya angliiskogo yazyka (srednii i novyi period)* [History of the English language (middle and new period)], Izd-vo MGU, Moscow, USSR.
14. Finch, G. (2000), *Linguistic Terms and Concepts*, Palgrave Macmillan, NY, USA.
15. Chomsky, N. (2006), *Language and mind*, Cambridge Univ. Press Publ., NY, USA.

16. Kolesov, V. V. (2004), *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality], Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.

17. Shumkov, A. (2017), "Modeling Natural Language on Physical Concepts", *6th International Conf. on Meaning and Knowledge Representation*, SPb., Russia, 5–7 July 2017, pp. 68–69.

18. Ulianitckaia, L.A. and Shumkov, A.A. (2018), "The physical base of communication on natural language", *2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2018 ComSDS)*, SPb., Russia, 11 Apr. 2018, pp. 72–75.

Information about the authors.

Inna S. Stepanenko – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, language models, foreign language teaching methodology. E-mail: lockhard@rambler.ru

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, minority languages, gender linguistics, language interference. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Tatyana V. Shulzhenko – Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 20 scientific publications. Areas of expertise: lexicology and grammar of English, translation studies, foreign language teaching methodology. E-mail: tvs007@bk.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
  - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;
  - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
  - сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (по 1 экз.):
  - распечатку рукописи, подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
  - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику);
  - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть:*

– УДК (выравнивание по левому краю);
– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,*
М. И. Попова, Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,*
M. I. Popova, E. A. Ushakova
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 16.11.21. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 25,87. Печ. л. 25,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 134.
Цена свободная.

Signed to print 16.11.21. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 25,87. Conventional printed sheets 25,0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 134.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56